

СЛОВАРЬ
СЛАВЯНСКОЙ
МИФОЛОГИИ

**Елена Грушко
Юрий Медведев**

**Словарь
СЛАВЯНСКОЙ
МИФОЛОГИИ**

**"Русский купец"
и "Братья славяне"
из Нижнего Новгорода
1995**

ББК 84 Р7
Г90

*Рекомендовано в качестве учебного пособия
для средних школ и высших учебных заведений*

Художник Надежда АНТИПОВА

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии
Нижегородского педагогического университета
Н.А.БЕНЕДИКТОВ

Доктор исторических наук, профессор,
декан исторического факультета
Нижегородского педагогического университета,
академик Международной славянской академии
О.А.КОЛОБОВ

Доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии
Нижегородского педагогического университета,
академик Международной славянской академии
Л.Е.ШАПОШНИКОВ

Доктор педагогических наук, профессор,
директор Нижегородского гуманитарного центра
А.Д.БЕЛЯВСКИЙ

Г90 Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Словарь славянской мифологии. — Н.Новгород: "Русский купец", "Братья славяне", 1995. — 368 с. (Рекомендовано в качестве учебного пособия для средних школ и высших учебных заведений)

ISBN 5-88204-032-9

В этой книге широко представлено понятие о восточнославянской мифологии со времен палеолита до нынешних дней.

ББК 84 Р7

© Е.А.Грушко, Ю.М.Медведев, 1995

© Оформление, издательская марка
"Русский купец", 1995

ISBN 5-88204-032-9

ДУША, РОДСТВЕННАЯ СТИХИЯМ

ВЕРНЕЕ было бы назвать эту книгу "Собрание славянских' древностей" или "Собрание славянских чудес", ибо для многих из нас — и взрослых, и совсем юных — она впервые откроет удивительный, почти неизведанный, воистину чудесный мир тех верований, которым всецело предавались наши предки — славяне.

Славяне... Слово это вобрало в себя просторы от Балтийского моря до Адриатики и от Эльбы до Волги — просторы, овеянные ветрами тысячелетий. Именно поэтому в нашем "Словаре" встречаются упоминания о самых различных славянских племенах, от южных до варяжских, хотя в основном речь в нем идет о мифологии восточных славян: белорусов, русских, украинцев.

История славян причудлива и полна загадок. Верно ли, что во времена великого переселения народов они явились в Европу из глубин Азии, из Индии, с Иранского нагорья? Каков был их единый праязык, из которого, как из семечка — яблоко, вырос и расцвел широкошумный сад наречий и говоров? Над этими вопросами ученые ломают головы уже не одно

столетие. Их затруднения понятны: материальных свидетельств глубочайшей древности почти не сохранилось, — как, впрочем, и изображений богов наших далеких пращуров. А.С.Кайсаров в 1804 году в "Славянской и российской мифологии" писал, что в России потому не осталось следов языческих, дохристианских верований, что "предки наши весьма ревностно принялись за новую свою веру; они разбили, уничтожили все и не хотели, чтобы потомству их остались признаки заблуждения, которому они дотолле предавались".

Такой ревностностью отличались новые христиане во всех странах, однако если в Греции или Италии время сберегло хотя бы малое количество дивных мраморных изваяний, то деревянная Русь стояла среди лесов, а как известно, Царь-огонь, разбушевавшись, не щадил ничего: ни людских жилищ, ни храмов, ни деревянных изображений богов, ни сведений о них, писанных славянскими рунами на деревянных дощечках. Вот так и случилось, что лишь негромкие отголоски донеслись до нас из далей языческих, когда жил, цвел, владычествовал причудливый мир славянской мифологии.

Наши русские славяноведы, народоведы-этнографы, положившие жизни свои на восстановление утраченной прапамяти народной, очарованные красотой и величием древних верований, влюбленные в загадочную старину, оставили нам свои книги, каждая из которых читается как самая чудесная сказка. Назовем лишь некоторые из них: "Поэтические воззрения славян на природу" — трехтомник, принадлежащий перу А.Н.Афанасьева, истинная энциклопедия славянской мифологии; "Древняя религия славян" Г.А.Глинки; "Славянская и российская мифология" А.С.Кайсарова; "Народная Русь" А.А.Коринфского; "Нечистая, неведомая и крестная сила" и "Крылатые слова" С.В.Максимова; "Абевега русских суеверий" М.И.Чулкова; "Очерки русской мифологии" Д.С.Зеленина;

"Сказания русского народа" И.С.Сахарова; "Исторические очерки русской народной словесности и искусства" Ф.И. Буслаева — эти и некоторые другие книги легли в основу "Словаря".

Понятие "мифология" здесь понимается достаточно широко: не только имена богов и героев, но и все чудесное, магическое, с чем была связана жизнь нашего предка-славянина: заговорное слово, волшебная сила трав и камней, понятия о небесных светилах, явлениях природы и прочем.

То, что принято в науке называть "словарными статьями", все это множество преданий, легенд, поверий, собранных здесь, можно сравнить с ниточками волшебного клубка — того самого, который укажет читателю, словно сказочному герою, путь по неведомой тропе в мир славянской мифологии.

А он прекрасен, этот мир! Встречаясь с ним, его обитателями, блуждая по его неведомым дорожкам, не веришь, что боги и таинственные силы порождены только лишь страхом перед природными катаклизмами. "В детском лепете языческого мышления, — писал в "Истории русской жизни с древнейших времен" И.Е.Забелин, — постоянно и неизменно слышится тот же вещей голос: я хочу все знать, все видеть, везде существовать. Ведь среди удивительных божеств, которым поклонялись и перед которыми преклонялись наши предки, нет отталкивающих, уродливых, омерзительных. Есть злые, страшные, странные, непонятные — но куда больше прекрасных, загадочных, добрых, умных. Как писал в начале XIX века Г.А.Глинка, автор книги "Древняя религия славян", славянская "вера из многих языческих есть чистейшая. Ибо их боги суть естественные действия, благотворением своим имеющие на человека влияние и служащие к страху и казни беззакония..."

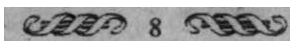
Славянские боги были грозны, но справедливы, добры. Они как бы родственны людям, но в то же время призваны исполнять все их чаяния. Перун пора-

жал молнией злодеев, Лель и Лада покровительствовали влюбленным, Чур оберегал границы владений, ну а лукавец Припекало приглядывал за гуляками... Мир славянских языческих богов был величавым — и в то же время простым, естественно слитым с бытом и бытием. Именно поэтому никак, даже под угрозой самых суровых запретов и расправ, не могла душа народная, пусть и обратившись к православию, — не могла она, бесхитростная, отрешиться от древних поэтических верований. Верований, коими жили наши предки, обожествлявшие — наравне с человекоподобными властителями громов, ветров и солнца — и самые малые, самые слабые, самые невинные явления природы и натуры человеческой. Как писал в прошлом веке знаток русских пословиц и обрядов И.Н.Снегирев, славянское язычество — это обожествление стихий. Ему вторил великий русский этнограф Ф.И.Буслаев: "Язычники породнили душу со стихиями..."

Куда ж им было деваться от собственной души?! Отсюда — двоemiрие, в котором жил, живет и будет жить славянин, отсюда его вечное двоеверие, которое, кстати, никогда не было враждебно светлой Христовой религии, а мирно уживалось с нею, как уживается в глубине мифологической памяти Перун с Ильей-пророком: два громовника в одном лице или один громовник в двух лицах.

И пусть ослабела в нашем славянском роде память о Радегасте, Белбоге, Полеле и Позвизде, но и по сю пору шутят с нами лешие, помогают домовые, озоруют водяные, соблазняют русалки — и в то же время умоляют не забывать тех, в кого истово верили наши предки. Кто знает, может быть, эти духи и боги и впрямь не исчезнут, будут живы в своем вышнем, заоблачном, божественном мире, если мы их не забудем?..

Да поможет нам в этом "Словарь славянской мифологии"!

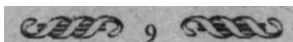

Авсень (Овсень)

ДРЕВНИЙ бог самого начала весны и начала осени: бог смены *времен года**. Кроме того, Авсень покровительствует коням и пастухам, всячески им помогает. Ведь именно на коне — золотисто-рыжем, как солнце или кленовый лист, — привозит он вести о начале весны и осени!

* Курсив означает, «Что этому понятию посвящена особая словарная статья,

Агат-камень

ЕСЛИ его сожжешь и дашь пить болящим, поможет он от падучей болезни, и духов нечистых изгонит, и при болях в желудке поможет, и аппетиту придаст," — гласят древние "Лечебники".

Алатырь-камень

ЭТОТ бел-горюч камень лежит на острове Буяне и наделен самыми чудесными свойствами. Алатырь — всем камням камень, всем камням отец! Как гласят легенды, он упал с неба, и на нем были начертаны письмена с законами бога Сварога.

Под тем камнем сокрыта вся сила земли русской, и той силе конца нет. "Голубиная книга", объясняющая происхождение мира, утверждает, что из-под Алатырь-

каменя текут источники, дающие всему миру пропитание и исцеление, то есть живая вода. На Алатырь-камень садится красная девица *Заря*, прежде чем рас-

стелить по небу свою розовую фату и пробудить весь мир от ночного сна. Именем этого камня скрепляется чародейное слово заклинателя: "Кто сей камень изложет, тот мой *заговор* превозможет!" Ну а уж это — дело совершенно немыслимое...

Алеша Попович

РУССКИЙ богатырь, третий и самый младший на "заставе богатырской". Но хоть он и послабее *Ильи Муромца* и *Добрыни Никитича*, а все же выпало ему на долю побороться с сыном *Змея Горыныча* — Тугарином Змеевичем, представляющим народному воображению наделенным всеми статьями богатырскими, а не только земными. По народному слову, Тугарин — богатырь огромного роста ("в вышину трех сажень, промеж глаз — калена стрела"). Он выезжает на бой в полном богатырском вооружении, на вороном *коне*. При надобности он быстро поднимается на сложенных под его богатырским убором "бумажных" крыльях. Тугарин так же, как и отец его, Горынчище, устрашает своим шипом-посвистом. Заревет-заголосит Змеевич — задрожит лес-дубровушка, зеленый лист уронит наземь от ужаса.

Входя в города, он прикиды-

вается удалым добрым молодцем — на погибель красным девицам.

Выехал в поездку богатырскую Алеша Попович во товарищах с молодым Екимом Ивановичем — "ничего-то они в чистом поле не наезживали, не видали они птицы перелетныя, не видали они зверя порыс-кучего, только в чистом поле наехали, лежат три дороги широкия; промежу тех дорог лежит горяч-камень". Посмотрели-увидали богатыри надпись о трех дорогах: третья — "ко городу ко Киеву, ко ласкову Князю Владимиру". Решили ехать по ней, раскинули шатры, встали на отдых.

Утром идет навстречу калика перехожая, говорит им, что видел он Тугарина Змеевича. Поменялся с каликой Алеша своим богатырским платьем, взял шелепугу (то есть клюку) подорожную да "чингалище булатное", пошел на Сафат-реку, где стоял станом Тугарин.

Подошел, калика-каликой, а млад-Змеевич спрашивает про Алешу, похваляется убить его. Но похвальба на беду навела: "Сверстался с ним Алеша Попович млад, хлестнул его шелепугой по буйной голове, расшиб ему буйную голову — и упал Тугарин на сыру землю; вскочил ему Алеша на черну грудь. В те поры взмолился Тугарин Змеевич млад: — Гой еси ты, калика перехожая, не ты ли Алеша Попович млад? Только если ты Алеша Попович млад, сем побратуемся с тобой! — В те поры Алеша врагу не веровал, отрезал ему голову прочь... И пала глава на сыру землю, как пивной котел..."

Привез потом Алеша в Киев на княженецкий двор Тугаринову голову, бросил среди двора Владимира. "Гой, еси, Алеша Попович млад! Ты мне свет дал, пожалуй ты живи в Киеве, служи мне, князю Владимиру!" — было к нему радостное слово ласкового князя стольнокиевского. Радость княжая сказалась радостью по всему Киеву, разошлась от Киева по всей Руси...

Алконост

ЧУДЕСНАЯ птица, жительница *Ирия* — славянского рая.

Лик у нее женский, тело же птичье, а голос сладок, как сама любовь. Услышавший пение Алконоста от восторга может забыть все на свете, но зла от нее нет, в отличие от *Сирина*. Алконост несет яйца "на крае моря", но не высидывает их, а погружает в морскую глубину.

В эту пору семь дней стоит безветренная погода.

Алмаз-камень

ЦВЕТОМ он подобен нашатырю, но внутри темней хрусталя и поблескивает; прочностью же так тверд и крепок, что ни в огне не сгорит, никакими иными силами не повредится. "Но можно его размягчить таким образом: положи его в козье мясо с кровью, но прежде был бы тот козел напоен вином да петрушкой откормлен. Величиной же тот *камень* не бывает

крупнее ореха лесного, а находят его в арабских странах да на Кипре", — уверяли древние *знахари*.

Камень-алмаз, если воин носит его на голове или на левой стороне при оружии, спасает и охраняет его от противников, и от распрей, и от нападений нечистых духов.

Тот же алмаз, если кто его при себе носит, отгоняет прегрешения и ночные видения. Этот камень смертельную отраву выдаст: если отравитель к алмазу приблизится, то запотеет камень.

Нужно держать алмаз при себе людям, которые страдают лунатизмом и которых ночью посещают призраки.

Если камнем коснуться бесноватого, он от болезни своей поправится.

Аметист-камень

ЦВЕТОМ он вишневый, а добывается в Индии. Предки наши верили, что сила этого *камня* — пьянство отгонять, отдалять лихие мысли, делать разум добрым и во всех начинаниях подавать помощь. "Если кто из того камня настой изопьет, это даст неплодным детей, а отраву погасит и воинов от врагов сбережет и приведет к победе, да еще и в ловле диких зверей и птиц помогает".

ЗЛОЙ дух, одно из древних русских названий *черта*. Анчутка живет то в воздухе, то в *воде* и, как всякая нечисть, мгновенно отзывается на упоминание своего имени. Лучше о нем помалкивать, не то сей беспятый, рогатый, противный будет тут как тут!

Арысь-поле

СКАЗОЧНОЕ, быстрое, как *ветер*, существо, в которое обратилась молодая женщина, заколдованная злой *ведьмой*. Арысь-поле сделалась предводительницей звериной стаи и только изредка, по ночам, прибегала домой, чтобы покормить своего -ребенка. Три ночи только и могла Арысь-поле превращаться в женщину, а потом должна была убежать за тридевять земель — и только ее и видели! К счастью, муж красави-

цы похитил у ведьмы чародейный прутик, трижды ударил им заколдованную жену — она перекинулась через голову и вновь обернулась той же красавицей, еще лучше прежнего.

Аспид

ПО ПОВЕРИЯМ древних, это крылатая *змея*, которая нос имеет птичий и два хобота. В какие края летать она повадится, те места опустошит. Живет аспид в горах каменных и на землю никогда не садится: только на *камень*. Его невозможно убить стрелой, можно только сжечь...

Аспид напоминает *Змея Горыныча* русских ска-

зок, а также василиска — чудовищного змия, убивающего одним взглядом, и Ехидну — деву змееголовую, которая, по древнему преданию, родила от Геракла Артоксая, Липоксая И Колоксая — трех родоначальников скифских племен, а значит, отчасти, и прапредков славян.

Баган

ДУХ-ПОКРОВИТЕЛЬ рогатого домашнего скота. Он охраняет животных от болезней, умножает приплод, а в случае гнева своего творит самок бесплодными или убивает ягнят и телят при самом их рождении. Это некая разновидность *дворового*, но менее значительная, ибо тот надзирает за всем вообще хозяйством.

Белорусы отделяют для Багана в коровьих и овечьих хлевах особое место и устраивают маленькие ясли, наполненные сеном: здесь-то и поселяется Баган. Сеном из его яслей как целебным снадобьем кормят отелившуюся корову.

Бадняк

У МНОГИХ славянских племен это дух, воплощенный в новогоднем полене, пне или ветке, которые сжигаются в ночь перед *Колядою*. С этим поленом как бы сгорают все беды и болезни, посетившие дом в прошлом году, все злые мысли, все неисполнившиеся желания. "Все лучшее впереди", — как бы говорит Бадняк, который представлялся нашим предкам в виде бородатого старичка, весело подмигивающего из костра или очага.

Баенник (БАННИК)

ЖИВЕТ этот дух в крестьянской бане за каменкой или под полком, на котором парятся. Хотя он невидим, его движение в куче неопаренных веников можно услышать ночью.

Всему честному народу известен баенник за духа недоброго, а порою и злого. Баенник всегда моется после всех людей, обыкновенно разделяющихся на три очереди, а потому четвертой

перемены, или четвертого пара, все боятся: в эту пору моются *черти, лешие, овинники, русалки*. Сунется неосторожно человек — "он" накинется, станет бросаться горячими *камнями*, плескаться кипятком; если не убежишь умеючи, то ешь задом наперед, может совсем запарить, а все будут думать, что просто угорел человек.

Добиваются расположения баенника тем, что оставляют ему кусок ржаного хлеба, густо посыпанного крупной солью. А чтобы навсегда отнять у него охоту вредить, приносят в дар черную курицу. Выстроив новую баню, такую курицу, не ошипывая перьев, душат (а не режут) и закапывают под порогом. По-

лезно также оставлять в кадushках немного *воды* и хоть маленький кусочек мыла, в углу — веник: банники любят внимание и заботу!

Впрочем, несмотря на то, что "баня парит, баня правит, баня все исправит", она издревле признается нечистым местом, а банище — и вовсе поганым. Ни один добрый хозяин не решится поставить на месте сгоревшей бани избу: либо одолеют клопы, либо мышь испортит весь скарб, а там жди и нового пожара! Словом, банник, этот маленький, тошенький, беззубый старикашка, людей ну никак любить не хочет!

Баранец-трава

РУССКИЕ в прежние времена уверяли иностранцев, что в низовьях Волги растет животное-растение — баранец; оно приносит плод, похожий на ягненка. Стебель его идет через пупок и возвышается на три пяди; ноги мохнатые, рогов нет, передняя часть — как у рака (есть даже клешни, коими баранец пребольно, до крови щиплется, приводя в ужас неведающего странника!), а задняя — совершенное мясо. Это животное-растение живет, не сходя с места, до тех пор, пока имеет вокруг себя пищу. Иностранцам показывали меховые шапки и уверяли, что это — мех баранца!

Беда

В ПОСЛОВИЦАХ, песнях и сказках демоническое существо, которое странствует по белу свету в поисках людей, обреченных несчастьем, идет к ним навстречу, гонится за ними. "Беда спит, а по людям ходит", — утверждает народ. "Беда ходит не по лесу, а по

людям", "Где беда ни голодала, а к нам на пирушку попала", "Пришла беда — отворяй ворота!"

До сих пор хранится твердое убеждение, что некоторые люди так и рождаются на свет бедовиками (бездольными).

Белбог

ВОПЛОЩЕНИЕ света, бог добра, удачи, счастья, блага у западных славян. Святилище его было на холме, открытом солнцу, а многочисленные золотые и серебряные украшения Белбога отражали игру лучей и даже ночью озаряли храм, где не было ни единой тени, ни единого мрачного уголка.

Жертвы Белбогу приносили веселием, играми и радостным пированием.

Живая память о древнем Белбоге и донныне сохраняется в белорусском предании о Белуне.

Он представляется старцем с длинной белой бородой, в белой одежде и с посохом в руках; является

только днем, чтобы путников, заблудившихся в дремучем лесу, вывести на дорогу. У белорусов есть поговорка: "Темно в лесу без Белуна!"

Его почитают также подателем богатства и плодородия. Во время жатвы Белун приходит на нивы и помогает жнецам в их работе. Чаще всего он показывается в колосистой ржи с сумою денег на носу, манит какого-нибудь бедняка и просит утереть себе нос: если тот исполнит просьбу, то из сумы посыплются деньги, а Белун исчезнет. Поговорка: "Мужик с Белуном подружился" означает, что кого-то посетило счастье...

Беловодье

СКАЗОЧНАЯ страна, воплощение мечтаний народных о земле всеобщего богатства и счастья, где текут молочные реки и лежат кисельные берега. Название это произошло от белых, молочных рек, текущих из вымени небесной Коровы.

Бирюза (ферюза)

КАМЕНЬ синеватый, смешанный с некоторой белизной, да так, чтобы синего было больше, чем белого, рассказывают славянские всеведы. Если человек с коня упадет, тот *камень* сохранит его от убиения. Аристотель премудрый пишет о нем, что стараются преумножать этот камень цари великие в своих сокровищницах и похваляются им.

Имеющему этот камень приносит он радость. Если кто носит его при себе, того никогда не убьют, потому что никогда не видали сей камень на мертвом человеке.

Блуждающие огни

ПО СУЕВЕРНЫМ представлениям, блуждающие, болотные и светящиеся на могилах *огни* признаются за души усопших: удавленников, умерших неестественной смертью, погибших от запоя и т.д. На Украине ходят рассказы о синих огнях, вспыхивающих на могилах и курганах: огни эти разводят *русалки*.

Бор (Святобор)

БОГ лесов, покровитель охоты. Иногда он любит подшутить над человеком — если разозлится — и мучает, сбивает его с пути, пуская по лесу *эхо*. *Лешие* — его слуги. Лешие есть в каждом лесу, а Бор один над всеми необозримыми славянскими лесами хозяин! Ростом он выше самой высокой сосны, статью могут-

нее самого кражистого дуба, волосы его длиннее березовых кос, борода гуще мха, носит он зеленый плащ из хвои да зеленую -шапку.

Бор все свои владения враз может обзреть и днем и ночью, поэтому не светляки мелькают в ночной тьме — то светятся огненные очи Бора.

Боян

ЛЕГЕНДАРНЫЙ поэт-певец. Все ведает, обо всем сла-
гает песни "Велесов внук". Пел он о богах, пел о бо-
гатырях, пел и о русских князьях. Его прародитель
— бог мудрости *Велес*, а потому Боян умеет слышать
голоса птиц и зверей, а потом перелагать их на язык
человеческий. Струны его гуслей — живые, персты
его — вещие. Боян один из немногих, кто умеет слы-
шать пророчества птицы *Гамаюн*, кому навевает слад-
кие сны *Алконост*, кто не убоится смертоносных пес-
нопений *Сирина*.

Вазила

ДУХ-ПОКРОВИТЕЛЬ лошадей, подобие *дворового*. По представлениям белорусов, он выглядит как человек, но с конскими ушами и копытами. Вазила живет на конюшне, всячески заботится о лошадях, оберегает их от болезней, а когда они на выпасе, в табуне, — от хищного зверя.

Ведогоны

ЮЖНЫЕ славяне называли так незримых духов, сопутствующих людям до *смерти*. Во время сна они исходят из человека и охраняют его имущество от воров, а жизнь — от неприятелей или других, недобрых, ведогонов. Между собою эти духи дерутся, и ежели в

драке ведогон убит, то и человек, хозяин его, вскоре умирает.

В Белоруссии до сих пор верят, что каждый мальчик получает при рождении сестрицу — сорку, а каждая девочка — братца, братака, которые остерегают их от несчастий и искушений. Поскольку люди всегда норовят дурные свои поступки и побуждения как-то оправдать, то и приписывают их этим духам, которые то же самое, что ведогоны древних славян.

Ведьма (ворожея)

ЭТО СТАРИННОЕ наименование злых колдуний происходит от древнего слова "ведать", то есть знать, и родственно с благозвучным словом "ведунья". В эпоху матриархата все женщины считались ведуньями, ведьмами, знающими особые, запредельные тайны. И по сю пору знахарки ("знать" — то же, что "ведать") наделены умениями исцелять даже и те болезни, от которых отступаются доктора! Но поскольку темному уму излишнее знание в другом человеке всегда кажется, чем-то подозрительным и даже опасным, с течением времени представление о ведьмах очень изменилось.

Их приравнивают к сказочным *бабам-ягам*, живущим в избушках на курьих ножках, где они, по сказанию, вечно кудель прядут и в то же время "глазами в поле гусей пасут, а носом (вместо кочерги и хватов) в печи поваруют". Ведьм обыкновенно смешивают с колдуньями и представляют себе не иначе как в виде старых, иногда толстых, как кадушки, баб с растрепанными седыми космами, костлявыми руками и с огромными синими носами.

Ведьмы, по общему мнению, отличаются от всех прочих женщин тем, что имеют маленький хвост и владеют способностью летать по воздуху на помеле,

кочергах, в ступах и т.п. Отправляются они на темные дела из своих жилищ непременно через печные трубы и, как все чародеи, могут оборачиваться в разных животных, чаще всего в сорок, свиней, собак и черных кошек. Одну такую свинью били чем попало, но кочерги и ухваты отскакивали от нее, не причиняя вреда, пока не запели *петухи*.

Вообще все сведущие люди советуют бить ведьм тележной осью, и не иначе, как повторяя при каждом ударе слово "раз" (сказать "два" значит себя сгубить,

так как ведьма того человека изломает).

Чаще всего ведьмы подвергаются истязаниям за выдаивание чужих коров, что они делают, приняв облик черной свиньи, или ласки, или *лисицы*. Обиженные крестьяне утешают себя возможностью пой-

мать злодейку на месте преступления и изуродовать, отрезавши ей ухо, нос или сломавши ногу. (После того в деревне не замедлит обнаружиться баба с подвязанной щекой или прихрамывающая на ту или другую ногу).

Ведьмы имеют чрезвычайно много общего с *колдунами*, находятся между собою в постоянном общении (вот для них-то и изобретены "Лысые горы" и шумные игры шаловливых ведьм с веселыми и страстными *чертями*). Умирают они, мучаясь в страшных судорогах, вызываемых желанием передать кому-нибудь свою науку, и у них точно так же, как у колдунов, после смерти высовывается изо рта язык, необычайно длинный и совсем похожий на лошадиный.

Затем начинаются беспокойные ночные хождения из свежих могил на старое пепелище (на лучший случай — отведать блинов, выставляемых за окно до законного сорокового дня, на худший — выместить запоздавшую и неостывшую злобу и свести неоконченные при жизни расчеты с немилыми соседями). Наконец, успокаивает их точно так же осиновый кол, вбитый в могилу.

На Афанасия-ломоноса 18 января *знахари* ведьм со Руси гонят, гласит народное сказанье. Недаром говорят, что "умеючи и ведьму бьют!" Житья нет там, куда повадится летать ведьма, — вот и приходится кланяться знающему человеку, просить помочь в горе, вызволить из беды.

Всего охотнее берутся за это дело знахари в афанасьевские морозы: во время них, по преданию, "летают ведьмы на шабаш и там теряют память от излишнего веселья".

Приглашенный на изгнание ведьмы знахарь ночью приходит к зовущему — сведомы об его приходе только большак-хозяин с хозяйкою: без соблюдения этого условия ничего не выйдет, по уверению знахарей. В полночь приступает вещий гость к вы-

полнению обряда: начинает заговаривать трубы — так как ведьмы влетают в жильё только этой, проторенною дорогою.

Под "князек" забивает он клинья, рассыпает по "загнетке" заранее собранную из семи печей золу и после этого отправляется к деревенской околице. Здесь он тоже сыплет золу, приговаривая невнятные слова никем не записанного *заговора*.

Рассказывают, что ведьма, желая нанести кому-нибудь вред, влетает в трубу; но как только будет труба заговорена, то весь дом и двор уже свободны от ее проказ.

Знакомые с преданиями суеверной старины люди знают в точности путь, избираемый ведьмами в их полетах на шабаш и с шабаша. Прежде всего летят они на-полдень — к Лысой горе, а оттуда тянет их на закат. Западную изгородь сельскую и заговаривают знахари, призванные изгонять ведьм. Подлетит ведьма, только что вылетевшая из заговоренной трубы, сунется к изгороди, а тут ей свободного ходу нет: или бросится лихая за тридевять земель от села, или разобьет себе голову, если только ступит босою ногою на рассыпанную золу семипечную.

Одаривают знахаря всяким добром за его мудреную работу.

Ведьмак

СУЩЕСТВУЕТ он для надзора за *ведьмами*. Это доброе существо, не только ничего плохого не творящее, но даже старающееся быть полезным: он ведьмам мешает делать зло, запрещает ходить мертвецам, разгоняет тучи и прочее.

Он и по смерти не теряет своей силы. Рассказывают, что не раз видали, как он дерется с мертвецами на могилах и всегда побеждает.

Велес (Волос)

СЛАВЯНСКИЙ скотий бог, второй по значению после *Перуна*, олицетворение хозяйской мудрости.

В раннем своем воплощении, еще в палеолитической древности, Велес считался звериным богом и принимал облик *медведя*.

Он был покровителем охотничьей добычи, "богом мертвого зверя".

Это в его честь рялятся в звериные маски и тулупы на святки и на *масляницу*: в прежние времена в эту пору отмечали комоедицы, праздник пробуждения медведя. Это были Велесовы дни славянского языческого календаря.

В бронзовом веке, в пору пастушьих переселений, Велес-медведь сделался в народном сознании покровителем домашних животных и богом богатства — "скотным богом".

В древнем Киеве кумир его стоял на Подоле, в нижней части города, и пользовался величайшим почитанием наших далеких праотцев — славян.

Ветры

ОЛИЦЕТВОРЯЛИСЬ они как существа самобытные, божества. Фантазия древнего человека представляла их дующими — выпускающими из своих открытых ртов вихри, вьюги и метели. Ветер и "дух буен", приносящий град и снег, изображаются в виде окрыленных человеческих голов, дующих из облаков. Крылья, данные ветрам, — эмблема их быстрого полета. По народному поверью, зимние вьюги бывают оттого, что нечистые духи, бегая по полям, дуют в кулак. В высшей степени интересно украинское предание, утверждающее, что старый Ветер сидит с закованными устами... Предание это примыкает к мифу о грозном владыке демонов, который сидит окованный цепями и будет освобожден только при конце мира. Сверх того, веянье ветров сравнивали с действием кузнечных мехов в руках *бога-громовника* и его помощников. Эти мехи — метафора грозных туч.

Русские сказки, песни и *заговоры* наполнены обращениями к ветрам с просьбой о помощи, как к существам живым и готовым выручить в беде. Подобное обращение находим и в словах Ярославны: "О, ветре, ветрило! Чему, господине, насильно веेशи? Чему мечеши хиновьския стрелки на свою нетрудную крилцю на моя лады вой? Мало ли ти бьшет горе под облакы веяти, лелеючи корабли на сине море! Чему, господине, мое веселие по ковылию развеял?"

В простом народе ветер доселе слывет господином. В сказке о Царевне-лягушке эта вещая жена режет полотно на мелкие лоскутки и бросает в открытое окно, причитывая: "Буйные Ветры! Разнесите лоскутки и шейте свекору рубашку". В другой раз она изрезывает шелк, серебро и золото и выбрасывает в окно с приговором: "Буйные Ветры! Принесите ковер от моего батюшки", то есть чародейка, обращаясь к ве-

грам, заставляет их приносить облака, в которых поэтическая фантазия видела небесные одежды и ковры-самолеты.

В другой сказке ветры олицетворены в человеческих образах и, соответственно четырем сторонам света, представляются четверьмя братьями: первый — ветер Восточный, второй — Полуденный, третий — Западный, а четвертый, самый холодный, — Полночный. Все они сыновья старухи, Ветровой матери.

В русских заговорах упоминается семь братьев, буйных ветров, и к ним воссылается мольба навеять в сердце девицы любовную тоску, так как они наносят дождевые облака, участвуют в весенних Грозах и таким образом помогают любовному союзу неба с землей: "Встану я и пойду в чистое поле под восточную сторону. Навстречу мне семь братьев, семь Ветров буйных. "Откуда вы, семь братьев, семь Ветров буйных, идете? Куда пошли?" — "Пошли мы в чистые поля, в широкие раздолья сушить травы скошенные,

леса порубленные, земли вспаханные" — "Подите вы, семь Ветров буйных, соберите тоски тоскучие со всего света белого, понесите к красной девице в ретивое сердце; просеките булатным топором ретивое ее сердце, посадите в него тоску тоскучую, сухоту сухотучую".

Плодотворящая сила весенней грозы соединилась и с сопутствующими ей ветрами. Как первый весенний гром пробуждает земную природу (только после его ударов земля, по народному убеждению, принимается за свои роды и *деревья* начинают одеваться зеленью), так о весеннем ветре говорят, что он приносит семена (то есть семя дождя) из страны вечного лета и разбивает почки деревьев. Такие олицетворения ветров — отголосок отдаленной языческой старины...

Ветры не только дышат на землю теплым веянием весны, принося с собой благодатные дожди: они несут на своих крыльях град и снега, возбуждают и зимние вьюги и метели. В наших преданиях морозы отождествляются с бурными, зимними ветрами...

Вий

У ДРЕВНИХ славян насылатель ночных кошмаров, видений и привидений. В этом он родственен *Нияну*, царю адскому.

Наши сказки знают могучего старика с огромными бровями и необычайно длинными ресницами: брови и ресницы так густо у него заросли, что совсем затемнили зрение; чтобы он мог взглянуть на мир, нужно несколько силачей, которые смогли бы поднять ему брови и ресницы железными вилами. Этот чудный старик напоминает малороссийского вия — мифическое существо, у которого веки опускаются до самой земли, но если поднять их вилами, то уже ничто не утаится от его взоров (слово "вии" означает ресницы). Народное предание о вие знакомо всякому, кто только читал Гоголя; однако некоторые любопытные черты не вошли в его поэтический рассказ. В Подолии, например, представляют вия как страшного истребителя, который взглядом своим убивает людей и обращает в пепел города и деревни; к счастью, убийственный взгляд его закрывают густые брови и близко прильнувшие к глазам веки, и только в тех случаях, когда надо уничтожить вражеские рати или зажечь неприятельский город, поднимают ему веки вилами. В таком грандиозном образе народная фантазия рисовала себе *бога-громовника* (деда *Перуна*): из-под облачных бровей и ресниц мечет он молниеносные взоры и посылает смерть и пожары...

"Влесова КНИГА" ("Велесова КНИГА")

ПЕРЕВОД священных текстов новгородских *волхвов* IX века, в которой рассказана древнейшая история славян и других народов. Славяноведы узнали о ней лишь в нынешнем веке, да и то — до нас дошло очень немного дощечек с непонятными, трудно поддающимися расшифровке письменами. К сожалению, от единственного в мире священного текста славянской

ведической религии мало что сохранилось, но ценность "Влесовой книги" неизмерима, Она разрешает давний спор о происхождении славян, восстанавливает целый пантеон прежде неизвестных языческих богов, которым поклонялись наши предки... Согласно "Влесовой книге" их было великое множество: *Сварог, Перун, Свентовид, Чернобог с Белобогом, Велес, Хорс, Стрибог, Вышень, Лея, Летеница, Радогощ, Крышень, Коляда, Удрзец, Сивый Яр, Дажьбог, Белояр, Ладо, Купала, Сенич, Житнич, Венич, Зернич, Овсенич, Просич, Студич, Лютич, Ледич, Птичич, Зверич, Лилич, Дождич, Плодич, Ягоднич, Пчелич, Крестич, Кленич, Озернич, Ветрич, Соломич, Грибич, Лович, Беседич, Снежич, Странич, Свендич, Радич, Свистич, Корович, Красич, Травич, Стеблич, Родич, Масленич, Живич, Ведич, Листвич, Цветич, Водич, Звездич, Громич, Семич, Липич, Рыбич, Березич, Зеленич, Горич, Страдич, Спасич, Листвеврич, Мыслич, Гостич, Ратич, Стринич, Чурич, Родич, Ситаргел, Огнебог...*

Некоторые имена нам знакомы, о смысле других можно догадаться, ну а многие останутся покрыты вечной тайной, как и происхождение "Влесовой книги", ее подлинность или мнимость — как и вообще вся загадочная, неисследованная, непонятная и величественная история и мифология славянских народов.

ВОДА

ЗОВУТ ее в народе не иначе как "матушка", "царица". Еще на заре человеческой истории люди отчетливо сознавали великое значение водной стихии. Это подтверждает и мифология всех стран и всех народов, и позднейшие философские системы: как без *огня* нет культуры, так без воды нет и не может быть жизни.

Сообразно с таким пониманием мировой роли воды языческие народы неизменно обоготворяли эту стихию как неиссякаемый источник жизни, как вечно живой родник, при помощи которого оплодотворялась другая великая стихия — земля.

Позднее, с распространением христианства, вера в божественное происхождение воды хотя и умерла, но на обломках ее выросло убеждение в святости и чудодейственной силе этой стихии. Одно из наследств седой старины — древняя, присущая не одному православному люду, слепая вера в родники и почтение к ним не как к источникам больших рек-кормилиц, а именно как к хранителям и раздавателям таинственных целебных сил, но из разряда таких, которые наиболее усердно оберегаются и, несмотря ни на какие соблазны, не исчезают. В доисторические времена вместо храмов посвящали богам ручьи и колодцы. Милостивым заботам этих существ и поручались такие места.

За нашими реками сохранились, в виде легенд, следы олицетворения их как живых существ богатырского склада. Известен рассказ о споре Волги с Вазузой по поводу старейшинства. Эти две реки порешили окончить свой спор таким образом: обе должны лечь спать, и та, которая встанет раньше и скорее добежит до Хвалынского моря, будет первенствовать. Ночью Вазуза встала раньше и неслышно, прямым и ближним путем потекла вперед. Проснувшаяся Волга пошла ни тихо, ни скоро, а как надо. Но в Зубцове она догнала Вазузу, причем была в таком грозном виде, что соперница испугалась, назвалась меньшей сестрой и просила Волгу принять ее к себе на руки и донести до Хвалынского моря.

Днепр в былинах является в виде женщины, под именем Непры Королевичны. Она вступает в богатырский спор на пиру у князя киевского с Доном Ивановичем. В единоборстве она осталась побежденной. Дон убил ее каленой стрелой и сам в отчаянии

пал на ножище-кинжалище. Вот от этой-то крови и потекла Непра-река, "во глубину двадцати сажень, в ширину река сорока сажень".

Ввиду такого повсеместно распространенного почитания воды — первые просветители темных людей и последующие за ними основатели монастырей, святые отшельники, одною из главных забот ставили себе рытье колодцев.

В народном представлении становились священными те колодцы, появление которых вызвано каким-либо чрезвычайным случаем, например, так называемые громовые (гремячие) ключи, бьющие из-под камня и происшедшие, по народному поверью, от удара грозы (огненных стрел Ильи-пророка или, по древнейшему поверью, из-под копыт богатырского коня *Ильи Муромца*, а еще прежде — *Перуна*). Подле таких ключей всегда спешат поставить часовенку и повесить образа Богоматери.

Святыми названы народом другие небольшие озера, во множестве разбросанные по лесной России, и притом не только те, которые оказались в соседстве с монастырями. С некоторыми из таких святых озер соединены поэтические легенды о потонувших городах и церквях. Из глубины этих озер благочестивым верующим людям слышатся звон колоколов, церковное пение и видятся кресты и купола затонувших храмов. Таковы из наиболее известных и выдающихся: в северо-западной Руси — озеро Свитязь близ гродненского Новогрудка, воспетое Мицкевичем, и Светлояр в Керженских заволжских лесах близ города Семенова. Последнее до сих пор привлекает на свои берега тысячи народа, верующего, что в светлых струях пустынного лесного озера сохраняется чудесным образом исчезнувший во времена нашествия Батюя город Большой Китеж.

При погружении святого и животворящего креста в воду из нее, силою и наитием Святого Духа, изгоняется дьявольская скверна, и потому всякая вода

становится безукоризненно чистой и непременно святою, то есть снабженною благодатью врачевания не только недугов телесных, но и душевных. "Богоявленской воде" в этом отношении всюду придается первенствующее значение, и она, как святыня наивысшего разряда, вместе с благовещенскою просфорою и четверговою свечой, поставлялась на самое главное место в жилищах, в передний правый угол, к иконам. В обыкновенное время, при нужде, пьют эту воду не иначе как натошак. При этом существует повсеместное непоколебимое верование, что эта вода, сберегаемая круглый год до новой, никогда не портится (не затхнет и не мутится), а если и случится что-нибудь подобное, то это объясняется прикосновением к сосуду чьей-либо нечистой руки. Точно также повсюду сохраняется суеверное убеждение, что в верхних слоях освященной в чашах воды заключаются наиболее благодатные силы, устраняющие недуги и врачующие болезни.

Стихийная, природная чистота воды, сделавшая ее единственным, верным и легким, очистительным средством, потребовала, в самые глухие времена язычества, особого себе чествования, выразившегося в торжественном празднике *Купалы*. Как предшественники этого главнейшего праздника, во многих местах еще сохраняются определенные дни, когда производится обязательно "обливание водой" — обычай, в некоторых случаях успевший пристроиться к христианским праздникам. Обливают холодной водой всех, проспавших одну из заутрень на неделе Святой Пасхи (эти заутрени, как известно, совершаются согласно уставу, "порану"). Обычай обливания водой носит совершенно другой характер в тех случаях, когда он получает название "*мокриды*": в этой форме он сохраняет явные осколки цельных языческих праздников вызывания дождя.

Наш народ в прежнее время очень чтит дождевую воду. Выбегая на улицы босыми, с непокрытыми го-

ловами, деревенский и городской люд становился под благодатные небесные потоки первого весеннего дождя, пригоршнями набирал воду, чтобы вымыть лицо три раза; выносил чашки, собирая целебную влагу, и в крепко закупоренных бутылках сохранял ее круглый год, до нового такого же дождя. Точь-в-точь так же чтит народ и речную воду, когда пройдет весенний лед и реки вскроются. Едва пройдет весной лед по рекам и ручьям, только что очистится вода, как все дети, взрослые и старики бежали на берег: зачерпывали пригоршнями воду и умывали три раза лицо, голову и руки.

Эти обычаи приводят нас к целому ряду суеверных *гаданий*, где воде предоставлено главное место, подобно так называемому отчерпыванию воды и прощению у воды.

В первом случае при болезни домашних животных или ввиду какой-либо неприятности окачивают водою крест или медный образок, стараясь спускать эту воду на уголья, облепленные воском и ранее опрыснутые богоявленскою водою; в то же время читают про себя самодельные молитвы и кропят и поят тех, кто нуждается во врачебной помощи. "Прощение у воды" испрашивается больным и обездоленным. Обычай этот покоится на том убеждении, что вода мстит за нанесенные ей оскорбления, насылая на людей болезни. Поэтому, чтобы избавиться от таких болезней, на воду опускают кусочек хлеба с низким поклоном: "Пришел-де я к тебе, матушка-вода, с повислой да с повинной головой, прости меня, простите и вы меня, водяные деды и прадеды!" Отступая по одному шагу назад, до трех раз повторяют этот приговор с поклоном и, во все время заклинаний, стараются ни с кем не разговаривать, не оборачиваться и ни одного раза, конечно, не налагать на себя крестного знамения.

"Воде и огню Бог волю дал", — говорит народ в утешение и успокоение на те случаи, когда наруша-

ется в природе равновесие и вода, в меру питавшая землю, из явной благотворительницы временно превращается в лютого врага, наводящего страх и отчаяние: "Где много воды — там жди *беды*"; "Хороши в батраках огонь да вода, а не дай им Бог своим умом зажить". Никакими гаданьями таких бед не предусмотритишь, никакими *заговорами* не устранишь — остается одна надежда на молитву о Божьей помощи не только в то время, когда стряслось несчастье, но, главным образом, когда оно только что собирается.

Водяной (водовик, водяник)

ЖИВЕТ он в водоворотах рек, прудов и озер или в омутах — но тогда зовется омутник, или в болотах — тогда именуется болотником, а на нижней Волге и вовсе величают его — стерляжий царь. Это про него сказано: "В тихом омуте *черти* водятся!" Особенно любит забираться на ночлег под водяную мельницу, возле самого колеса, оттого в старину всех мельников непременно числили *колдунами*. Однако есть у водяных и свои дома: в зарослях тростника и осоки выстроены у них богатые палаты из ракушек и самоцветных речных камушков. У водяных есть свои стада коров, лошадей, свиней и овец, которых по ночам выгоняют из вод и пасут на ближних лугах. Водяные женятся на *русалках* и красивых утопленницах. Когда в половодье от весеннего таяния снегов или от долгих проливных дождей выступит река из своих берегов и стремительным напором волн ломает Мосты, плотины и мельницы, крестьяне думают, что это водяные подпили на свадьбе, предались буйному веселью и пляскам и в своей гульбе разрушили все встречные преграды. Ну а когда жена водяного должна родить, он принимает вид обыкновенного человека, является в город или деревню, приглашает к

себе повивальную бабку, ведет в свои подводные владения, а потом щедро награждает за труд серебром и золотом. Рассказывают, что однажды рыбаки вытащили в сетях ребенка, который резвился и играл, когда его опускали в сетях в *воду*, но томился, грустил и плакал, когда приносили в избу. Ребенок оказался детищем водяного; рыбаки отпустили его к отцу с условием, чтобы тот нагонял им в сети как можно больше рыбы, и это условие было соблюдено.

Впрочем, если водяной идет в люди, пусть и приняв человеческий облик, его легко узнать, потому что с левой полы его постоянно капает вода: где бы он ни сел, место постоянно оказывается мокрым, а начнет причесываться — и с волос струится водица.

В своей родной стихии водяной неодолим, а на земле сила его слабеет. Но уж на реках все рыбы ему подвластны, все бури, штормы и ураганы: он бережет

пловца — или топит его, дает рыбаку счастливый улов — или рвет его сети. Случается, что рыбаки, подымая невод, вытаскивают вместе с рыбою и "водяного чуду", который тотчас же разрывает сеть, ныряет — и уводит за собою всю добычу. Один рыбак, заведя, что река несет мертвое тело, взял утопленника в лодку, но, к его ужасу, мертвец вдруг ожил: вскочил, захохотал и бросился в пучину. Так подшутил над ним водяной.

Обыкновенно он ездит на соме, а потому в некоторых местностях рыбу эту, "чертова коня", не советуют употреблять в пищу. Однако пойманного сома не следует бранить, чтобы не услышал водяной и не вздумал отомстить за него.

При дневном свете водяной большей частью скрывается в глубине, а в ночном сумраке выплывает: то в образе огромной обомшелой щуки, а то в своем истинном виде. Тогда можно увидеть, что при молодой луне волосы его свежи и зелены, будто водоросли, а на исходе месяца — седы. Так же меняется и возраст водяного: при рождении месяца он молод, на ущербе — стар.

Вынырнет водяной лунной ночью из волн, обмотается тиной, наденет на вострую голову шапку из куги (есть такое безлистое водяное растение), оседлает корягу и поплывет проказить. То хлопает по воде ладонью — и звучные удары его слышны далеко по плесу. То среди совершенной тишины вдруг где-нибудь закружится, запенится вода, из нее выскочит водяное чудо и скроется, а в тот же миг в полуверсте от этого места вновь закружится вода, вновь выставляется голова водяного... В ночную пору частенько дерутся водяные с *лешими*, отчего идет по лесу грохот и треск падающих *деревьев*, громко раздаются во все стороны плеск волн.

Над теми людьми, которым судьба определила утонуть, водяной получает таинственную власть, которой ничем нельзя избежать, поэтому иные суеверы

не решают оказать помощь тонущему: все равно, мол, от судьбы не уйти!

Подобно *домовому*, который все тащит из соседских кладовых и амбаров в собственный дом, водяной ухитряется перезывать к себе рыбу из чужих рек и озер.

Летом он бодрствует, а зимой спит, ибо зимние холода запирают дожди и застилают воды льдами. С началом же весны, в апреле, водяной пробуждается от зимней спячки, голодный и сердитый, как *медведь*: с досады ломает он лед, вздымает волны, разгоняет рыбу в разные стороны, а мелкую и совсем замучивает. В эту пору гневливого властелина реки ублажают жертвами: поливают воду маслом, даруют гусей — любимую птицу водяного, могущественного, пугающего — и в то же время озорного и веселого.

Волк

ПО НАРОДНЫМ сказаниям, он является олицетворением темной тучи, заслоняющей солнце, и вообще темноты. "Пришел волк (темная ночь) — весь народ умолк; взлетел *ясен-сокол* (солнце) — весь народ пошел!" — загадывается старинная загадка. Волком иногда оборачивался, по слову языческой старины, даже сам *Перун*, появляясь на земле; *колдуны* и *ведьмы* — старались подражать богу богов славянских. В одном из наиболее древних *заговоров* причитается о том, что на сказочном *острове Буяне* "на полой поляне светит месяц на осинов пень — в зеленой лес, в широкий дол. Около пня ходит волк мохнатый, на зубах у него весь скот рогатый..." Повторяющиеся не только на Руси, но и у всех славянских и соседних с ними народов сказки об Иване-царевиче и сером волке наделяют этого зверя-хищника даже крыльями. Летает он быстрее *ветра*, переносит серый на своей

спине царевича из одной стороны света белого в другую, помогает ему добыть чудесную *Жар-птицу*, золотогривого коня и всем красавицам красавицу — Царь-девицу. Говорит этот сказочный волк голосом человеческим и одарен необычайной мудростью. Старинное малорусское поверье подает пахарю-скотоводу совет класть в печку кусок железа — в случае, если отобьется от стада, забредет в лес животное, ни за что не тронет тогда ее лютой зверь-волк. С зимнего Николы, говорит народ, начинают волки рыскать стадами по лесам, полям и лугам, осмеливаясь нападать даже на целые обозы. С этого дня вплоть до Крещения — волчья праздники. Только после крещенского водосвятия и пропадает их смелость.

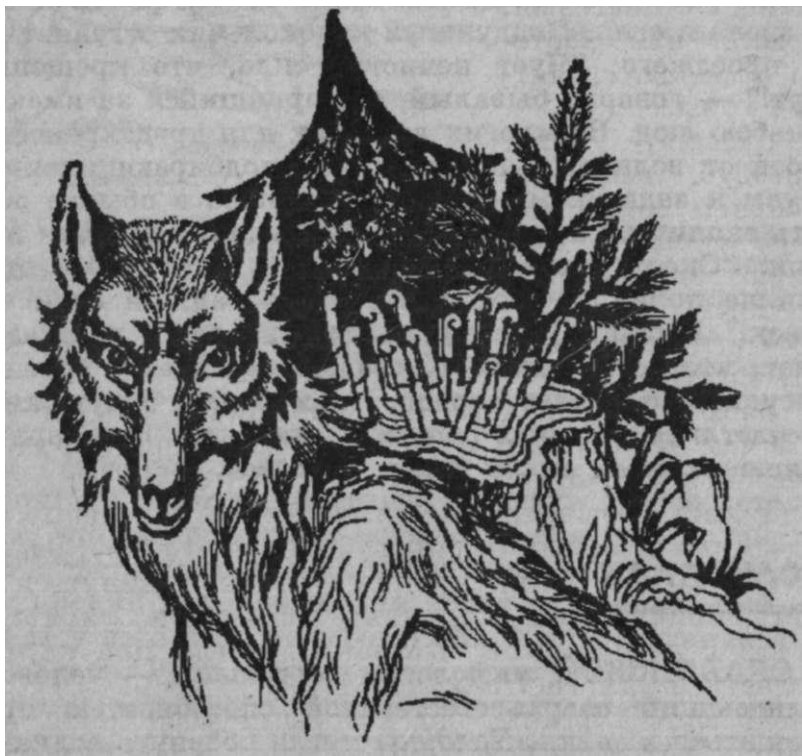
По рассказам ямщиков, волки боятся колокольного звона и огня. Поддужный колокольчик отгоняет их от проезжего: "Чует нечистая сила, что крещеные едут!" — говорит бывалый, состарившийся за ямской гоньбою люд. Во многих деревнях для предохранения скота от волков, в зимнее время подбирающихся по ночам к задворкам, еще недавно было в обычае обегать околицу с колокольчиком в руках, причитая под звон: "Около двора железный тын, чтоб через этот тын не попал ни лютой зверь, ни гад, ни злой человек!" Верящие в силу колдовства люди рассказывают, что если навстречу свадебному поезду бросить высушенное волчье сердце, то молодые будут жить несчастливо. Волчья шерсть считалась в старину одною из злых сил в руках чародеев.

ВОЛКОДЛАК

В СЛАВЯНСКОЙ мифологии *оборотень* — человек, обладающий сверхъестественной способностью превращаться в *волка*. *Колдуны* могли обернуть волками целые свадебные поезда! Самый удивительный и та-

инственный герой русского эпоса, *Волхв* Всеславлич, умел превращаться в волка и рыскать по дремучим лесам, одолевая в одно мгновение невероятные расстояния, так что могло показаться, будто он находится в нескольких местах одновременно. Мощь волкодлаков бывает такова, что они вызывают лунные затмения во время своих превращений!

Оборотням помогает чудодейная *тирлич-трава*. А еще, чтобы превратиться в волка, надо слева направо перекинуться через двенадцать ножей, воткнутых в осиновый пенек. Когда захочешь снова стать человеком — перекинуться через них справа налево. Но *беда*, если кто-то уберет хоть один нож: никогда уже волкодлак потом не сможет обернуться человеком!

Волоты

ВЕЛИКАНЫ, то же, что греческие гиганты.

ЖИЛИ ОНИ В неприступных горах, дремучих лесах, диких степях, и молва сохранила нам их баснословный облик и чудовищную силу.

Буря-богатырь сражается с ветрами, Горыня, или Вертогор, ворочает гигантские горы.

Дубыня, или Вертодуб, вырывает с корнем самые могучие дубы, у Бородыни была такая борода, что целую реку накрывала, а усы Усыни на семь верст тянулись.

У этих великанов были жены-волотки — великаныши, богатырки.

Баба-Алатырка или Баба-Горынинка, например, ни в чем не уступали мужьям, а разъярившись, даже превзойти их могли.

Также называли волотами неких обитавших в подземных пещерах полулюдей об одном глазу, одной руке и одной ноге, которые, чтобы сдвинуться с Места, принуждены были стать по двое, но уж тогда бегали с немислимой быстротою, могли при случае обогнать и самого *Полкана*.

Древние курганы, под которыми упокоились исполины, волоты и богатыри, названы в народе волотками.

Волхв (Волховец)

ЕМУ ПОКЛОНЯЛИСЬ как божеству всяческих чудес, превращений и колдовства. По преданиям, это сын князя Славена, некогда воздвигшего на берегах Днепра город Славенск. Был сей Волхв великим чародеем, от того все *чародеи* после него стали именоваться *волхвами*. На берегу "реки Мутной, которую в его честь и донныне называют Волховом, он построил крепость и разбойничал там, обращаясь водяным чудищем вроде громадного крокодила или дракона, пре-

граждая путь судам и пугая корабельщиков. Однако для своих чудес призывал он *навий*, силы тьмы; как-то раз не поладил Волхв с ними — они его и задушили.

Жрецы и слуги Волхва погребли своего господина и бога на крутом берегу, справили великую тризну, а над могилою насыпали высокий курган, который тотчас и рухнул, провалившись в самое Подземное царство!

В память об сем Волхве был назван один из старших богатырей русских былинных сказаний — Волхв Всеславлич (Вольга Святославович). Он является олицетворением хитромудрости, сродной с колдовством. Вещий богатырь-знахарь, разъезжающий со своей дружиною по городам "за получкою", выбивающий — по былинному слову — "с мужичков дани-выходы", являет собою яркое воплощение "змеиной мудрости", объ-

единенной с красотою-молодечеством. Былинные сказители именуют его сыном княжны Марфы Всеславьевны и *Змея*, наделяя Волхва способностью обертываться, по желанию, то в гнедого тура — золотые рога, то в ясного *сокола*, то в серого *волка*, то в рыбу-щучинку. Рождение его на свет белый сопровождалось сотрясением земли и всколебанием *Океан-моря*: "Рыба пошла в морскую глубину, птица полетела высоко в небеса,

туры да олени за горы пошли, *зайцы*, *лисицы* по чащам..." Пятилетним мальчиком постиг он всю премудрость, двенадцатилетним отроком собрал дружину богатырей и пошел-поехал разгуляться-потешиться на охоту молодецкую!

Много совершил он чудесных подвигов, только ничего не смог поделат с сошкой кленовенькой, позабытой на недопаханной ниве любимым сыном *Матери-Сырой Земли Микулой Селяниновичем*.

Волхвы (жрецы, ведуны и ведуньи, вещуны и вещуньи)

ГАДАТЕЛИ, пророки, предсказатели, ведающие прошлое, настоящее и будущее. Древние служители языческих богов.

Всякая народная вера предполагает обряды, свершение которых поручается некоторым избранным людям, уважаемым за их добродетель и мудрость. Это посредники между народом и духом или божеством.

Не только в *капищах*, но и при всяком освященном древе, при всяком обожжаемом источнике находились особенные хранители, которые жили подле, в маленьких хижинах, и питались остатками жертв, приносимых божествам. Однако жрецы-волхвы вообще руководили обрядами языческого богослужения, приносили жертвы от имени всего народа, составляли мудрые календари, знали "черты и резы" (начатки древней письменности), хранили в памяти историю племен и стародавние предания, мифы.

В составе всего жреческого сословия было много различных разрядов. Известны волхвы-облакопророки, или *облакопророки*, которые должны были предсказывать — и своим магическим действием создавать необходимую людям погоду. Были волхвы-целители, лечившие людей средствами народной медицины; позднейшие церковники признавали их врачебные успехи, но считали грешным обращаться к ним. Существовали волхвы-хранители, которые изготавливали различные амулеты-обереги и изображения богов.

Кроме волхвов-ведунов, существовали и женщины-колдуньи, *ведьмы* (от "ведать" — знать), чаровницы, "потворы".

Волхвы-кошунники — так назывались сказители "кошун", древних преданий и эпических сказаний. Сказителей называли также "баянами" — от глагола "баять" — рассказывать, петь, заклинать.

Жрецы пользовались народным уважением, имели исключительное право отпускать длинную бороду, сидеть во время жертвоприношений и входить в святилище во всякое время. Воин, с удачей вернувшийся из похода и желавший принести благодарность богам, разделял свою добычу с их служителями. Правители народа всячески приветствовали почтительность к жрецам, которые именем богов могли обуздывать своеволие людей грубых, побуждать к труду нерадивых, устыжать безнравственных.

Жрецы приносили богам жертвы и предсказывали будущее. В древнейшие времена славяне убивали во имя богов животных, но порою обагрляли свои третища кровью пленников или выбранных по жребию несчастных. Это было свойственно в те немилосердные времена, ибо жизнь человека тогда недорого ценилась: слишком много опасностей подстерегало людей на их пути от рождения к смерти!

У северных славян жрецы гадали о будущем с помощью *коней*. В Арконском храме держали белого

скакуна, и люди не сомневались, что *Святовид* ездит на нем каждую ночь. Ожидая какого-то важного пророчества, коня принуждали переступать через копыта: если он ступал правой, а не левой ногою, народ ожидал славы и богатства, всяческой удачи. Ну а в Штетине такой конь-пророк был вороной и предвещал успех, если ни разу не касался ногами девяти копий, когда перешагивал через них. В Ретре гадали обращались к земле, к ее недрам. Некоторые жрецы, вопрошая будущее, бросали на землю три маленькие дощечки, у которых одна сторона была черная, а другая белая: если они ложились вверх белою, то обещали что-то хорошее; черная же предвещала беду.

Многие жрецы за свою близость к богам получали неограниченное доверие народа и приобретали огромную власть.

Так, первосвященник Рюгенский, уважаемый более самого короля, правил многими славянскими племенами, которые без его согласия не дерзали ни воевать, ни мириться; налагал подати; содержал сильную армию, и ни единое решение народное не могло быть принято без его согласия, хотя он был всего лишь устами бога на земле...

ВОЛЧИЙ ПАСТЫРЬ

ИЗДРЕВЛЕ на Руси волчьим пастырем, или пастухом, почитается Егорий Храбрый. Даже пословица есть: "Что у *волка* в зубах, то Егорий дал". А у белорусов это козлоногий и мохнатый Полисун. Сказания гласят, что Полисун гонит плетью стада голодных волков на прокорм туда, где враждующие народы губят друг друга в ожесточенной войне. Удары этой кровавой плети далеко разносятся по окрестным странам.

ВОРОБЬИНАЯ НОЧЬ

ПО ЮЖНОРУССКОМУ поверью в темные воробьиные (осенние) ночи, на Симеона Столпника (1 сентября по старому стилю), *черт* меряет воробьев четвериками, под гребло, убивая всех, сколько войдет в меру, и отпуская остальных. Кара сия настигает их за то, что подносили гвоздики, когда распинали Спасителя. За то же лапки у них вековечно "веревочкой связаны": воробьи не ходят, как прочие птицы, а мелко подсакивают. Воробьиные ночи называют еще рябиновыми.

Ворон

ЯВЛЯЕТСЯ прообразом *ветра*, Стрибожьего внука, и, по словам старинных сказаний, не только приносит бурю на своих черных крылах, но и воду живую и мертвую.

Ворон — птица вещая — жи-

вет, по преданию, до трехсот лет, а все оттого, что питается одной только мертвечиной.

Есть у этих птиц свой царь-ворон, сидит он, глядя сказки, в гнезде, свитом на семи дубах. Однако за вещую душу не больно-то любят его люди и охотно верят, что ворон приносит несчастье своим прилетом к жилью.

Воструха

ДУХ, обитающий в жилище, древнейший предшественник *домового*. Живет он за печкою и караулит воров. Вострухина острого слуха ничто не утаится, там, где он живет, ничего приключиться не может, ничто не пропадет в доме. Даже красоту и непорочность юных дев, как честь и достояние дома, бережет Воструха!

Времена года

В ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫХ превращениях природы древние племена усматривали не проявление естественных законов, а действие одушевленных сил — благотворных и враждебных, их вечную борьбу между собою, торжество то одной, то другой стороны. Поэтому времена года представлялись нашим предкам не отвлеченными понятиями, но живыми воплощениями стихийных богов и богинь, которые поочередно нисходят с небесных высот на землю и устраивают на ней свое владычество. По указанию старинных пасхалий (календарей), "весна наречется, яко дева, украшена красотою и добротою, сияюще чудно и преславне... Лето же нарецается муж тих, богат и красен, питая многи человеки и смотря о своем дому, и любя дело прилежно, и без лености возстая заутра до вечера и делая без покоя. Осень подобна жене уже старе и богате и многочадне; иногда печальна от скудости плод земных и глада человеком, а иногда весела суши, рекше ведрена и обильна плодом всем, и тиха и безмятежна. Зима же подобна мачехе злой и нестройной и нежалостливой, яре и немилостиве; егда милует, но и тогда казнит; егда добра, но и тогда знобит, подобно трясавице, и гладом морит, и мучит грех ради наших".

Поэтические олицетворения времен года шли из глубокой древности и принадлежали славянам наравне со всеми другими родственными племенами.

Более наглядные олицетворения времен года встречаем у белорусов. Весну они называют Ляля, лето — Цеця, осень — Жыцень, зиму — Зюзя.

Ляля представляется юною, красивую и стройной девою; существует поговорка: "Пригожа, як Ляля!" В честь ее празднуют накануне Юрьева дня, и праздник этот известен под именем Ляльника. На чистом лугу собираются крестьянские девицы; избравши самую

красивую подругу, они наряжают ее в белые покровы, перевязывают ей руки, шею и стан свежей зеленью, а на голову надевают венок из весенних цветов: это и есть Ляля.

Она садится на дерн; возле нее ставят разные припасы (хлеб, молоко, масло, творог, сметану, яйца) и кладут зеленые венки; девицы, взявшись за руки, водят вокруг Ляли хоровод, поют обрядовые песни и обращаются к ней с просьбой об урожае... Ляля раздает им венки и угощает всех приготовленными яствами.

Венки и зелень, в которую наряжалась Ляля, сберегают до следующей весны.

Цеця — дородная красивая женщина; в летнюю пору она показывается на полях, убранная зрелыми колосьями, и держит в руках сочные плоды.

Жыцень представляется существом малорослым, худощавым, пожилых лет, с суровым выражением лица, с тремя глазами и всклокоченными, косматыми волосами.

Он появляется на нивах и огородах после снятия хлеба и овощей и осматривает: все ли убрано как следует в добром хозяйстве. Заприметив много колосьев, не срезанных или оброненных жнецами, он собирает их, связывает в сноп и переносит на участок того хозяина, где хлеб убран начисто, то есть с бережливостью; вследствие этого на будущий год там, где Жыцень подобрал колосья, оказывается неурожай, а там, куда перенес он связанный сноп, бывает обильная жатва.

Когда Жыцень странствует в виде нищего и при встрече с людьми грозит им пальцем, это служит предвестием всеобщего неурожая и голода в следующем году.

Во время осенних посевов он незримо присутствует на полях и утаптывает в землю разбросанные зерна, чтобы ни одно не пропало даром.

Зюзя — старик небольшого роста, с белыми что

снег волосами и длинной седой бородою, ходит босой, с непокрытой головою, в теплой белой одежде и носит в руках железную булаву. Большую часть зимы проводит он в лесу, но иногда заходит и в деревню, предвещая своим появлением жестокую стужу...

Встречник

ЗЛОЙ дух, который в виде вихря несется по проезжим дорогам за *душой* умирающего преступника или убийцы. Неосторожного путника он может утащить с собою, и тогда никто и нигде более не увидит его. Спасти от встречника можно только одним способом: бросив в вихрь острый нож. Тогда смерч рассеется, а нож, упавший на дорогу, окрасится кровью.

Также, по народным поверьям, в крутящемся вихре воздуха празднуют свадьбу *ведьма* с *чертом*. Они невидимы, но если бросить в смерч нож, нечистые тут же явятся во плоти и пойдут в услужение к смельчаку.

ГАДАНИЯ

ЧЕЛОВЕК всегда тревожится о судьбе своей, об успехе дел, о здоровье, о любви, норовит спросить будущее. Такими же были наши предки, древние славяне. Они гадали вот так: метали вверх деревянные кружки, с одной стороны белые, с другой — черные; ляжет бело — значит, добро, дело выгорит, удача ждет; а если черное — берегись беды. Впрошались о будущем *коня* Святovidова. Гадали по полету и крикам

птиц, животных. Вглядывались в движение *огня* и дыма в костре. Глядя в бегущую *воду*, гадали по ее течению, пене и струям. В зачарованную купальскую ночь юные девы опускали в волны венки с зажженными лучинками и следили за ними: у которой венки дальше всех проплывет, та будет всех счастливее, а у которой лучинка дольше гореть будет, та проживет долгую-предолгую жизнь!

Но самые интересные и таинственные гадания бывают, конечно, на Рождество или Крещение. Только в рождественскую ночь можно принести к проруби коровью кожу и, усевшись на нее, загадать желание: например, оказаться в доме будущего жениха, или в царском дворце побывать, или в тридевятое царство слетать. Лишь наступит полночь, выйдут из проруби водяные бесы, подхватят кожу и полетят, куда велено: сами незримые и человека того незримым сделавши. Но уж когда назад полетят, будут спешить нырнуть в свою прорубь вместе с гадальщиком. Тут уж надо не зевать и вовремя сказать: "*Чур* сего места!" — а не то ждет неминуемая гибель.

Еще льют золото, свинец или воск в воду, загадав, что хотят узнать, а потом разглядывают изображение и ищут в нем признаки грядущего. Некоторые в гадальную ночь слушают под окнами, и какое слово прежде услышат, по тому и предсказывают свою судьбу.

Девы, конечно, в крещенский вечерок гадают на женихов. Гаданий таких великое множество! Например, берут в темноте из поленницы полено, и если оно гладкое, то муж будет хороший, а если суковатое, с трещинами, — то дурной и сердитый. А другие, напротив, верят, что если полено суковато, то быть девице за богатым, а если попадется гладкое — то за бедным. Некоторые красавицы делают из прутиков мостик и кладут его на ночь под подушку, приговаривая: "Кто мой суженый, кто мой ряженный, тот переведет меня через мост". Ну а потом только гляди, кто во сне приснится!

А вот самое страшное, но и самое верное крещенское гадание.

Девушка приходит в пустую комнату одна, ставит на стол два прибора, свечу и зеркало, и, глядя в зеркало, загадывает: "Суженый, ряженный, приходи ко мне ужинать". Когда придет некто и станет смотреться через ее плечо в зеркало, надо его зачурать и, забыв будущему жениху, быстренько сказать: "Чур сего места!", чтобы исчезла, вреда не причинив, та нечистая, неведомая сила, коя образ жениха принимала.

Надобно знать, однако, что всякое гадание — штука опасная. Судьба не любит, когда ее пытаются, а потому гадалки и ворожеи редко бывают счастливы, пусть даже и предрекают иным людям счастливую долю.

ГАМАЮН

ВЕЩАЯ птица, посланник богов, их глашатай, поющий людям божественные гимны и провещающий будущее тем, кто умеет слышать тайное.

Когда летит Гамаюн, с восхода солнечного приходит смертоносная буря.

Гамаюн все на свете знает о происхождении земли и неба, богов и героев, людей и чудовищ, птиц и зверей.

Гарцуки

ПО ДРЕВНЕМУ белорусскому поверью, это духи, обитающие в горах и подвластные *Перуну*. Они обращаются в хищных птиц и быстрыми взмахами крыльев порождают бури и ураганы.

Гранат (виниус-камень)

ВЕСЕЛИТ человеку сердце и отдаляет кручину. "Если кто сей *камень* носит у себя во рту, у того человека речь и смысл к судебным делам направляется. И тот человек, кто камень этот при себе носит, людям всегда приятен", — так уверяли *знахари* древних славян.

Гриф-птица

ВООБРАЖЕНИЮ сказочников она представляется наполовину птицей (голова и крылья орлиные), наполовину зверем (туловище и ноги льва). Перья у этого птице-зверя заострены, как стрелы; когти и клюв у него — железные. Величиною он — с гору.

Сказочные добры молодцы, отправляясь в тридесятое царство, в тридесятое государство за невестами,

подходят к синему морю — нет переправы через необозримую водную пустыню... Велят они рыбакам зашить себя в лошадиную шкуру и положить на берегу. Прилетает ночью гриф, хватает шкуру и переносит в ней добра молодца за море. Разрезает тогда он булатным мечом свою оболочку и выходит на белый свет, пугая неожиданностью чудовищного перевозчика, только что собиравшегося было позавтракать принесенной добычей. Эта птица летает так быстро, как *ветер*, а есть и быстрее ее, говорит народ.

Громовник

ПО НАРОДНЫМ повериям это воплощение всех небесных сил, прежде всего грома, молнии, грозы, олицетворение устрашающих стихий. Язычники называли его *Сварогом*, потом *Перуном*, ну а когда в христианской Руси небесный *огонь* из глиняных рук Перуна передан был в незримую длань библейского пророка Илии, явилось верование, что властная рука всехвального пророка мечет на землю молниеносные стрелы, чтобы разить насмерть злых духов, враждебных человеку. Ведая про то, злые, но трусливые бесы в неописуемом смятении мечутся по земле, отыскивая себе надежные места для защиты. Обыкновенно скрываются они в жилых и нежилых строениях, вскакивая через открытые двери и окна и влетая через печные трубы и всякого рода отверстия. Столь же нередко спешат они укрыться в густой хвое, в тени развесистых *деревьев*, за всяким подходящим прикрытием. В числе последних самыми надежными, вполне безопасными считаются в блудливом бесовском сонме живые люди, застигнутые под открытым небом на лошади или в телеге, так как небесная огненная стрела находит виноватого всюду и разит без разбора, убивая из-за бесов и людей (бесы вполне безопасны от ударов

молнии лишь в чистом поле на межах). Илья-пророк, впрочем, знает невинность человека, которого избрал дьявол себе для защиты, и жалеет Божье создание, хотя в то же время твердо убежден, что все равно тот человек, в которого успел вселиться дьявол, погиб бы, так как злодей не покинет своей жертвы уже во всю жизнь и, рано или поздно, заставит потонуть или повеситься. Илья — усердный Божий помощник в борьбе с нечистой силой — не только не враг человеческому роду, но радетель и старатель за православный люд: убивает он избранного как случайную жертву, в уверенности, что Бог милует и приемлет таких несчастных, удастаивая их царствия небесного, так как они явно сослужили полезную службу людям своей смертью, которая вместе с тем вызвала одновременно и смерть злого духа. Вот почему, для заграждения себя от дьявола, кроме общепринятого обычая крестить рот при зевоте, издревле установилось благочестивое правило налагать на себя крестное знамение при всякой вспышке молнии со словами самой простой молитвы: "Свят, свят, свят".

Осторожные хозяева в деревнях предусмотрительно соблюдают все, что указывается вековыми обычаями, зародившимися в глухие и давние времена безверия, чтобы обезопаситься от беса, не допустить его прятаться в избе и тем подвергать ее в грозное время опасности пожара. С этой целью опытные, пожилые деревенские хозяйки советуют: "Во время грозы нельзя быть с растрепанными волосами, в подоткнутом платье — много места тут укрываться *анчутке* беспятому (бесу). Всякую посуду в избе надо опрокинуть, если она пустая; налитую следует поспешно закрестить. Не надо в голове искаться: не одну такую бабу стрела забила насмерть, других же оглушила". Полезно также держать на чердаке громовую стрелу или чертов палец (скипевшийся или вообще в камень сплавленный ударом молнии песок). В последнее средство слепо веруют все поголовно и

этот найденный на песчаных берегах речек конусообразный камень в виде пальца бережно прячут и тщательно хранят. Но полезнее всего держать пост, особенно в Ильинскую пятницу, или мазать молоком косяки дверей и окон; полезно также вывешивать за окно полотенце с покойника. Если же бес не побоится ни того, ни другого, то, наверное, не устоит он перед горящей свечкой, с которой молились в Страстной четверг на "стояниях", когда читались 12 евангелий Господних Страстей. Хороши и пасхальные, а того лучше богоявленские свечи, уверяют богомольные деревенские люди, не раз применявшие этот способ на деле с видимым успехом.

"Громовых стрел два сорта: от огненных происходят пожары, а каменные или чугунные убивают людей, расщепляют деревья", — толкуют словоохотливые деревенские старушки, и каждая из них, на случай грозы, припасает ладан, чтобы посыпать его на уголья в печной загнетке или на раскаленную сковородку, так как "*черт* ладану боится".

ДАЖЬБОГ

СЫН *Сварога*, бог солнца и его олицетворение. *Идол* его стоял на холме в Киеве. Предполагается, что имя это образовано сочетанием слов "дать" и "бог". В "Слове о полку Игореве" Дажьбожьи внуки — русские, покровителем и родоначальником которых считалось это светоносное божество.

Наши предки верили, что Дажьбог покровительствует свадьбам, встречает жениха на рассвете в день бракосочетания. Дажьбог замыкает зиму и отмыкает лето.

Дворовой

ПОЧТИ то же, что *домовой*, только живет сей дух не дома, а во дворе, и отдает он все свое внимание не людям, а скотине. Нрав его порою бывает злобен: дружит он только с собакой и козлом, а тех животных, которых невзлюбил, мучает беспощадно: эта скотина спадает с тела, не ест, грива у ней спутана, хвост в репьях, обшипан... Чтобы устроить пакостника, иные хозяева вешают на потолке убитую совору, так как дворовой ненавидит эту птицу. Однако не век же ей висеть! Лучше уж с дворовым дружить, а этой дружбы добиться нетрудно, если ему кое в чем потакать: не держать, например, белых кошек, белых собак и сивых лошадей (соловых и буланых он тоже

обижает, а холит и гладит только вороных и серых). Если же случится так, что нельзя отказаться от покупки лошадей нелюбимой масти, то их вводят во двор не иначе как через овчиную шубу, разостланную в воротах шерстью вверх. Не придется дворовому по

нраву новый *конь* — загоняет до смерти ночью, приглянется — гриву ему в косички заплетет, будет холить, чистить, корму сам подбросит.

Не любит дворовой ни телят, ни овец, поэтому хозяйки спешат унести новорожденных в избу, чтоб дворовой "не изломал", не погубил. Там ягненка или теленка надобно скорее сунуть головою в устье печи: как говорится, "подомлить", сроднить с домом. Теперь он уж свой, теперь о нем заботу дворовой на себя возьмет.

Нередко хозяева терпят беды от ссор, какие заводят между собой соседние дворовые. Как-то раз один злой дворовушко позавидовал своему соседу, доброму дворовушке: у того и коровы сыты, и у лошадей шерсть лоснится... Злой провертел дыру в чане, в котором добрый дворовой возил в полночь с реки воду в конюшню. Лил потом добряк воду, лил в чан и все ждал, пока она сравняется с краями, да так и не дождался и с горя повис под нижней губой лошади сосулькою в виде маленького человечка.

Мужику, который сумеет угодить дворовому, удача за удачею: покупает он дешевле всех, продает с прибылью, рожь его цветет невредимо, в то самое время, как у соседей побита градом, — и так далее. Дворовой и *лешему* не даст потешиться в хозяйском саду, и *ведьме* не позволит задаивать хозяйских коров — он устраняет всякий убыток и противодействует замыслам нечистой силы.

Поздней осенью, 8 ноября по старому стилю, а по нынешнему — 21 (в Михайлов день), знающие хозяева спешат ублажить и задобрить дворовых, если хотят не ссориться с ними, если хотят, чтобы во дворе все было по-доброму в предстоящую зиму. "Не ублажи дворового до Михайлова дня — он уйдет со двора, а на свое место пришлет лихого (то есть *черта*)!" — говорят люди. А потому рано поутру, до белой зорьки, старая бабка должна вынести чашку с пивным суслом и поставить ее на поветь (крышу над

двором). Затем, перед полуднем, хозяину следует сесть на лошадь, любимую дворовым, и ездить на ней взад и вперед по двору, в то время, как старуха, стоя на крыльце избы, будет махать во все стороны помелом, приговаривая: "Батюшка дворовой! Не уходи! Не разори двор, животину не погуби! Лихому пути-дороги не кажи!" После этого помело обмакивают в дегтярницу, и где-нибудь на подворье проводится дегтем по стене полоса. Это, по объяснению ублажающих дворового, означало "отмечать на лысине у дедки зазубрину". Завидев эту зазубрину, лихой чуть ли не за версту обходит двор домохозяина, строго блюдущего обычай старины, когда все жили в ладу и с дворовыми и с домовыми.

Дед (Дедка)

ПОКРОВИТЕЛЬ всех кладов. Глаза его в темноте светятся, как расплавленное золото, отсюда и пошло поверье, что там, где в чистом поле неожиданно завиднеется *огонь*, хранится *клад*. При этом в народе говорят, что "Дедка горит".

День и Ночь

ПРЕДСТАВЛЯЛИСЬ они первобытным народам высшими, бессмертными существами; как День — первоначально верховное божество света — солнце, с которым слово это тождественно и по названию, так Ночь — божество мрака.

Между богами света и тьмы, тепла и холода происходит вечная, нескончаемая борьба за владычество над миром.

У славян День и Ночь, согласно мужскому роду

одного слова и женскому другому, олицетворялись как брат и сестра. Народная загадка, означающая "год", произносится так: "Я стар, от меня родилось двенадцать сыновей (месяцы), у каждого из них по тридцати сыновей красных, по тридцати дочерей черных" (дни и ночи). Другая загадка, означающая "ночь и день", выражает мысль свою так: "Сестра к брату в гости идет, а брат от сестры пятится" (или: "в лес прячется"). В гимнах "Ригведы" Ночь — сестра *Зари*.

Несмотря на родство, в которое ставит фантазия День и Ночь, они в преданиях, как и в самой природе, друг другу враждебны; народная загадка называет их раздорниками (то есть ссорящимися): "Двое стоячих (небо и земля), двое ходячих (солнце и месяц), да два раздорника (день и ночь)". Еще прямее выражено это в следующей загадке, занесенной в одну старинную рукопись: "Кои два супостата препираются? — День и Ночь".

Деревья

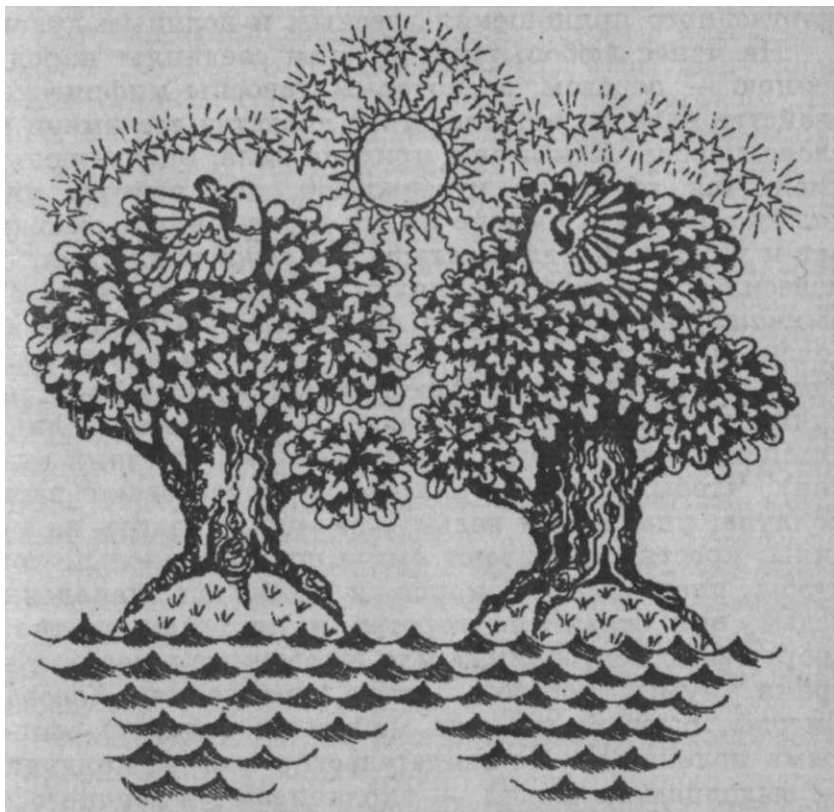
СЛАВЯНЕ, живущие в лесах, относились к деревьям с большим почтением, наделяя почти каждое сверхъестественными свойствами. Предание о мировом древе, которое обнимает корнями землю, а ветвями держит небесный свод, славяне по преимуществу относят к дубу. В их памяти сохранилось сказание о дубах, которые существовали еще до сотворения мира. Еще в то время, когда не было ни земли, ни неба, а только одно синее море (воздушный океан), среди этого моря стояло два дуба, а на дубах сидело два голубя; голуби спустились на дно моря, достали песку и *камня*, из которых и создались земля, небо и все небесные *светила*.

Народная русская сказка, известная и другим славянам, рассказывает про дуб, который вырос до самого неба; полез старик на то дерево, лез-лез и взобрался на небо, где сидел кочеток-золотой гребешок — птица, которая ни в огне не горит, ни в воде не тонет, и стояли чудесные жерновки — эмблема весенней грозы, дарующей земле плодородие, а людям их насущный хлеб. На дубе держатся три великих мира — небо, земля и ад, на ветвях его гнездятся молниеносные птицы, а у корня лежит страшная *змея*; наконец, при этом дереве текут живые источники и обитают вешие девы.

Существует предание о железном дубе, на коем держатся *вода*, *огонь* и земля, а корень его покоится на божественной силе. Бытовало поверье, что семена дуба прилетают по весне из *Ирия*. В древности наши предки творили суд и правду под старыми дубами.

Дуб, а равно и всякое другое дерево, в которое ударила молния, получали те же целебные, живительные свойства, какие приписываются весеннему дождю и громовой стрелке. Чтобы иметь лошадей добрых (в теле), советуют класть в конюшне кусок де-

рева, разбитого громом. Если при первом весеннем громе подпереть спиною дерево (или деревянную стену), то спина болеть не будет. Детей, страдающих сухоткою, кладут на некоторое время в раздвоенное дерево, потом трижды девять раз обходят с ними вокруг дерева и вешают на его ветвях детские сорочки. По возвращении домой купают их в воде, взятой из девяти рек или колодцев, и обсыпают золою из семи печей. От *лихорадки* и других болезней крестьяне ку-

паются в реках, лесных родниках и колодцах, а после купания вытираются чистою тряпицею и вешают ее на соседнее дерево или ракитов куст; вместо тряпицы вешают также рубашку или лоскут от своей одежды

и оставляют их до тех пор, пока совсем не истлеют. Смысл обряда следующий: смывая и стирая со своего тела недуг, больной как бы снимает его с себя и вместе с тряпицею и сброшенной рубашкою передает кусту или дереву, как земным представителям того небесного, райского дерева, которое точит живую воду, исцеляющую все болезни. Как истлевают оставленный лоскут или сорочка, так должна сгнить и самая болезнь. Позднее, при утрате ясного понимания старинных представлений, обряд этот получил характер жертвенного приношения лесным и водяным духам.

Не менее любопытные поверья соединяет народ с осиною — деревом, за которым усвоены мифические свойства едва ли не вследствие сродства его имени со словом яшень. Как ясеню придана сила, оцепеняющая змей, так об осине утверждают, что убитого ужа должно повесить именно на это дерево; иначе он оживет и укусит. Когда богатырь *Добрыня* убил змея, он повесил его на осину кляпую: "Сушися ты, *Змей Горынычце*, на той-то осине на кляпяя". Подобное же спасительное действие оказывает осина и против *колдунов, упырей и ведьм*. Заостренный осиновый кол получил в глазах народа значение Перуновой палицы (скипетра верховного *бога-громовника* древних славян). Чтобы мертвец, в котором подозревают злого колдуна, упыря или ведьму, не мог выходить из могилы, крестьяне вбивают ему в спину осиновый кол; чтобы предохранить коров и телят от нападения ведьм, они ставят на воротах и по углам скотного двора осины, срубленные или вырванные с корнем; во время чумы рогатого скота, прогоняя *Коровью Смерть*, бьют ее (то есть машут по воздуху) осиновыми поленьями. По свидетельству сказок, колдунам — выходцам из могил — вколачивают в сердце осиновый кол, бьют их наотмашь осиновым поленом и сжигают их трупы на осиновом костре... В свою очередь, ведьма может пользоваться осиновым колом или веткою для своих волшебных чар: ударяя этой

веткою в грудь сонного человека, она наносит ему незримую рану и жадно упивается его кровью. Выдоив черную корову, ведьма выливает молоко в землю и тут же вбивает осиновый кол: этою чарою она отымает у коров молоко, иссушает их сосцы — так удары молнии, низводя на землю молоко-дождь, тем самым иссушают черные тучи.

Как спасительное орудие против демонского наваждения, осина может служить и целебным средством для изгнания нечистой силы болезней. Читают *заговор* над осиновыми прутьями, которые потом кладутся на больного. Когда разболются зубы, берут осиновый сучок и трижды читают над ним заговор: "На море, на окияне, на *острове* на *Буяне* стоят высокие три дерева, под теми деревьями лежит *заяц*; переселись ты, зубная боль, к тому зайцу!" После того осиновый сучок прикладывается к больным зубам.

Береза — тоже священное дерево в славянской мифологии. Ее почитали и как символ берегинь, *русалок* во время весеннего праздника Семика, когда в селение вносили распутившееся дерево и девушки надевали березовые венки. На бересте писали и приколачивали к деревьям прошения *лешим*: вернуть, например, заблудившуюся коровушку, подвести под ружье охотнику дичь, помочь не заплутаться, когда девки пойдут по малину...

Славяне вообще считали березу главным, мировым древом, опорой всей земли, о чем и говорится в старинном заговоре: "На море, на океане, на острове Буяне, стоит белая береза вниз ветвями, вверх корнями..."

Также чтили в сем дереве женского духа Березу, покровительницу юных дев.

В райских садах и рощах, на тенистых деревьях весенних туч зреют золотые плоды (яблоки), дающие вечную молодость, здравие и красоту. По своим чудесным свойствам плоды эти совершенно тождественны с бессмертным напитком — живую водою.

Русское предание дает им название молодильных, или моложавых: стоит только вкусить от этих плодов, как тотчас же сделаешься и молодым, и здоровым, несмотря на преклонные лета. Любопытная русская сказка о молодильных яблоках и живой воде, известная и у других народов, сообщает один из древнейших мифов. Состарившийся и ослепнувший царь, о котором говорит она, олицетворяет собою зимнее время, когда все на земле увядает, дряхлеет и всемирное око-солнце теряет свой яркий блеск. Изображая времена года живыми, человекоподобными существами, народная фантазия весну представляла прекрасною девицею, а зиму беловлаемым и слепым старцем.

Чтобы возвратить царю его молодость и зрение, сын-царевич должен добыть живой воды, которая исцеляет слепоту, и моложавых золотых яблок, то есть вызвать весну с ее благодатными дождями, золотистыми молниями, светозарным солнцем и со всей роскошью растительного царства. Живая вода и золотые яблоки обладают равною творческою силою: они одинаково обновляют дряхлого старика, делают его цветущим юношею и даже уподобляют семилетнему ребенку; больному дают крепость и здравие, мертвому — жизнь, безобразие превращают в красоту, бессилие — в богатырскую мощь; и та и другие обретаются в стране далекой — в вечно неувядаемом саду — и оберегаются драконами и великанами...

Предания о небесных, райских садах с течением времени стали прилагаться к земным лесам и рощам и сообщили им священный характер.

Древний человек признал леса и рощи местопребыванием облачных духов и этим последним придал характер леших. Они живут в лесных трущобах и пустырях, но обыкновенно с первыми морозами (в начале октября) проваливаются сквозь землю, исчезая на целую зиму, а весною опять выскакивают из земли — как ни в чем не бывало.

Детинец

ОБОЗНАЧЕНИЕ той жертвы, которую славяне, как и прочие народы, приносили своим городам.

По опустошении города Славенска язвою, славяне задунайские нашли его развалины и хотели там построить новый город. Старшие из народа собрались между собою и рассуждали, какое сему городу дать основание, то есть как заложить и назвать его. Один из них придумал, чтобы на другой день при восхождении солнца послать на дорогу отборных людей, и первый, ветрегившийся с ними, должен тогда служить основанием городу, который и получит от него свое имя. Собрание приняло это предложение. На другое утро послы были отправлены для исполнения этого поручения. Первый, попавшийся им в руки, был юноша. С ним-то возвратились они в город и представили свою находку собранию. Тотчас было дано повеление зарыть под городской стеною юношу, который и дал ему свое имя.

Дзевко-Купало

У БЕЛОРУСОВ до сих пор существует древний языческий обычай: с рассветом Иванова дня крестьяне выбирают самую красивую девушку, обнажают ее и окутывают с ног до головы гирляндами из цветов. Затем отправляются в лес, где Дзевко-Купало (так называют избранницу) раздает своим подругам заранее приготовленные венки. К этому она приступает с завязанными глазами, в то время как вокруг нее движется веселый девичий хоровод. Смотря по тому, какой венок кому достанется, заключают о своей будущей судьбе: свежий венок сулит богатую и счастливую жизнь замужем, а венок сухой, увядший — бедность и несчастливый брак.

Див (Дый)

ОДНО из воплощений верховного бога *Сварога*. Память об этом сказочном, невероятном существе сохранили для нас слова "диво", "удивление": то есть нечто, вызывающее изумление. Облик Дива никто не мог удержать в памяти, разные люди даже видели его по-разному! Сходятся отзывы о нем в одном: это вихрь-человек, сверкающий, точно мол-

ния, который внезапно появлялся на пути войска, идущего в поход, на бой, и выкликал пророчества: то страшные, то благоприятные. Помните, в "Слове о полку Игореве": "Див кличет вверху дерева..." Трусливым хотелось бы думать, что это просто птица недобрая, ворон каркает, ревет ветер, грохочет буря, но Диву была ведома судьба тех, кто обречен на близкую *смерть*, и он силился предупредить людей об опасности. Но ведь судьбу обмануть невозможно, не уйти от нее никому... а потому пророчества Дива, точно так же, как греческой Кассандры, оставались неслышанными, непонятыми — и никому не приносили удачи и счастья.

В разгар боя он веял своими крыльями над теми, кто был обречен на поражение, и клики его чудились погребальным плачем, последним прощанием с жизнью, с белым светом...

Дивии люди

БАСНОСЛОВНЫЕ получеловеки об одном глазу, одной руке и одной ноге, которые, чтобы двинуться с места, принуждены складываться надвое — и тогда бегают с изумительной быстротою. Они плодятся, выделывая себе подобных из железа. Дым и смрад, исходящие из их кузниц, разносят по белому свету поварные болезни: мор, оспу, *лихорадки* и т.д. По некоторым позднейшим народным легендам, дивии люди обитают близ Волги, в Змеиной пещере, вместе с прикованным там к стене Стенькою Разиным, которого сосет за сердце летучий змей.

Дид

ТРЕТИЙ сын богини *Лады*, после *Леля* и *Полели*, бог супружеской любви. Иные полагали его покровителем охлаждения, остывших чувств, однако это не так: он

покровительствовал прочным союзам, неизбывной любви.

Дид, как и его братья, всегда молод, ибо истинная супружеская любовь никогда не стареет, не слабеет: она дарована богами для увеличения человеческого рода, для неумирающего уважения друг к другу мужа и жены, для вечной взаимной нежности. Пусть угасает жар любви, страсть, — однако нежная дружба должна сохраняться.

Символом этой неразрывной, только смерти подвластной связи были две горлинки, которые держал в руках Дид, каким его изображала статуя, воздвигнутая в огромном храме в Киеве. Как и братья его, как и мать, Дид любил не страшные, кровавые жертвы, а приношения цветов, ягод, веселые, приветливые песни, любил, когда большая семья приходила к алтарю и возносила благодарность за счастливо протекающие годы, за вечную любовь, которую благословляет добрый Дид.

Дидилия

БОГИНЯ женского плодородия. Ей поклонялись все бесплодные, а особенно беременные женщины. Дидилия покровительствовала благополучным родам и воспитанию младенцев.

Статуя этой богини представляла собой молодую,

прекрасную, цветущую женщину, увенчанную драгоценными камнями. Один кулак у нее был сжат, что знаменовало трудности родов, а другой разжат: это означало благополучное разрешение. Наизнатнейший храм Дидилии был в Киеве. Богине жертвовали цветы, плоды и новорожденных ягнят, телят, поросят, причем их никогда не убивали, а через некоторое время по воле Дидилии, извещенной жрецами, отдавали бедным.

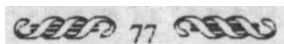
Добрыня Никитич

БОГАТЫРЬ-ЗМЕЕБОРЕЦ русских былин. Здесь *Змей* является лютым врагом народа православного, злым похитчиком красных девушек, лукавым обольстителем жен.

В былине "Три года Добрынюшка стольничал" ведется сказ про полюбившуюся богатырю Марину Игнатьевну, знавшуюся с Горынычем. Обольстила еретица Марина сердце богатырское, да не пришлось им со Змеем посмеяться над Добрынюшкой: едва ноги унесло от Никитича чудище лютое, а коварной Марине пришлось поплатиться жизнью за свое лиходейство.

Былина "Добрыня купался, Змей унес" повествует о том, как вошел гулявший с дружиной хороброю богатырь во Израй-реку, как "поплыл Добрынюшка за первую струю, захотелось молодцу и за другую струю, а две-то струи сам переплыл, а третья струя подхватила молодца, унесла в пещеры белокаменны"... И вот видит неостерегшийся добрый молодец, не внявший словам родимой матушки, предсказывавшей ему это, видит: "ниотколь взялся тут лютой зверь, налетел на Добрынюшку Никитича, а сам-то говорит, Горынчище, а сам он, Змей, приговаривает:

"А стары люди пророчили, что быть Змею убито-

му от молодца Добрынюшки Никитича, а ныне Добрыйя у меня сам в руках!"

Но торжеству Змея не суждено было исполниться. Не соразмерил Горынчище расстояние, отделявшее его от богатыря, — мимо Никитича пролетел. "А и стали его (Добрыни) ноги резвые, а молода Добрынюшки Никитьевича, — продолжается былинный сказ, — грабится он к желту песку, а выбежал доброй молодец, а молодой Добрынюшка Никитич млад,

нагреб он песку желтого, — налетел на его Змей-Горынчище, хочет Добрыню *огнем* спалить, хоботом ушибить"...

Но и тут дело вышло не по его, не по Змею хотенью:

**На то-то Добрынюшка не робок был,
Бросает шляпу земли греческой
С теми пески желтыми
Ко лютому Змею-Горынчищу:
Глаза заporошил и два хобота ушиб,
Упал Змей-Горынчище
Во ту во матушку во Израй-реку;
Когда ли Змей исправляется,
В то время и во тот же час
Схватил Добрыня дубину,
Тут убил до смерти;
А вытащил Змея на берег,
Его повесил на осину на горькую;
— Сущися ты, Змей-Горынчище!**

ДОГОЛА

БОГ тихого, приятного ветра и ясной погоды, полная противоположность своему свирепому брату, покровителю ветров *Позвизду!*

Румяный, русокудрый юноша в васильковом венке, в серебристо-голубой одежде, с самоцветными крылами за спиной, Догода неспешно пролетает над землею, осеняя ее своей улыбкою, ласковым взором, приветливо помахивая вечно цветущей веткою розовоцветного шиповника.

Догода имел свои храмы, но никаких иных жертв, кроме веселых, нежных песен и танцев, принимать не желал.

ДОДОЛА

У ДРЕВНЕЙШИХ славян богиня лета как *времени года* и лета человеческой жизни — молодости. С особенной любовью покровительствовала Додола молоденьким девицам, их забавам, песням, играм и причудам: *гаданьям*, верованьям — всем девичьим тайнам и секретам.

Доля и Недоля

СЧАСТЬЕ и НЕСЧАСТЬЕ, судьба и несудьба, удача и неудача. В древности это были две сестрицы, девы судьбы, — небесные пряжи, которые пряли нить жизни каждого человека. Но у Доли текла с веретена ровная, золотистая нить, в то время как Недоля пряла нитку остистую, неровную, кривую, непрочную. Такова и участь выпадала: кому-то удачная, кому-то злая.

У сербов этих сестер зовут Среча и Несреча. Среча — красивая, добрая девушка, заботливая, ловкая: она крепко держит в своих ласковых руках нить человеческой жизни! Несреча — седая старуха с мутным взором, которая прядет слишком тонкую, легко обрывающуюся нить. Об этом есть и поговорка: "Несреча танко пряде", то есть тонко прядет.

В античной и скандинавской мифологии также существуют пряжи, девы судьбы: Парки, Мойры, Норны, но их по три сестры: две прядут нить жизни, а третья безжалостно обрывает ее.

Домовой

ЖИВЕТ этот дух и по сю пору в каждой деревенской избе, да не каждому об этом ведомо. Зовут его дедушкой, хозяином, суседкою, но это все он — хранитель домашнего очага, незримый помощник хозяев. Конечно, он может и во сне щекотать, и греметь по ночам посудую, или за печкой постукивать, но делает это больше от озорства. Главное же дело его — досмотр за хозяйством. Домовой видит всякую мелочь, неустанно заботится и хлопочет, чтобы все было в порядке и наготове: подсобит работающему, поправит его промах; ему приятен приплод домашних животных и птицы; он не терпит излишних расходов и сердится на них — словом, домовой склонен к труду, бережлив и расчетлив. Если ему жильё по душе, то он служит этой семье, словно в кабалу к ней пошел. За эту верность в иных местах его так и кличут: доможил. Зато ленивым и нерадивым он охотно помогает запускать хозяйство, мучает людей до того, что давит по ночам чуть не до смерти или вовсе сбрасывает с постелей. Впрочем, помириться с рассерженным домовым не трудно: стоит только подложить под печку нюхательного табаку, до которого он большой охотник, или сделать любой подарочек: разноцветный лоскут, горбушку хлеба... Если хозяева своего суседку любят, если живут с ним в ладу, то нипочем не захотят с ним расстаться, даже переезжая в новый дом: поскребут под порогом, соберут мусор в совок — и посыплют его в новой избе, не приметив, как с этим мусором перебирается на новое место жительства "хозяин". Только надо не забывать принести ему на новоселье горшок каши и со всем возможным уважением сказать: "Дедушка домовой, выходи домой. Иди к нам жить!"

Кого домовой всерьез не любит, это пьяниц и простоволосых женщин: по его старинным воззрениям,

каждая замужняя женщина должна непременно носить платок. А какая рачительная хозяйка ему понравится, о той он денно и ночью печется: во сне наплетет ей на голове несчетно маленьких косичек. Ей хлопотно, поди расчеши потом, а ему радость — приукрасил свою любимицу. Оттого еще зовется он лизун.

Редкий человек может похвалиться, что видал домового. Для этого нужно надеть на себя в Пасхальную ночь лошадиный хомут, покрыться бороной,* зубьями на себя, и сидеть между лошадьми целую ночь. Если повезет, то увидишь старичка — маленького, словно обрубочек, всего покрытого седенькой шерстью (даже ладошки у него волосатые), сивого от древности и пыли. Иной раз, чтобы отвести от себя любопытный взор, он примет облик хозяина дома — ну как вылитый! Вообще домовый любит носить хозяй-

скую одежду, но всегда успевает положить ее на место, как скоро понадобятся вещи человеку.

Порою домовой до того не терпит, когда за ним подсматривают, что по его указке лошади начинают бить задом по бороне и могут до смерти забить нескромного и любопытного. Гораздо проще домового не увидеть, а услышать: его плач и глухие сдержанные стоны, его мягкий и ласковый, а иногда глухой голос. Иной раз ночью в образе серой, дымчатой *кошки* навалится на грудь и давит: это он. Тому, кто проснувшись, поспешит спросить его: "К добру или к худу?" — он ответит человеческим голосом, но тихо, словно *ветер* листьями прошелестит. Часто гладит он сонных своею мягкой лапою, и тогда не требуется никаких вопросов — и так ясно, что это к добру. Если слышится плач домового, даже в самой избе, — быть покойнику. Когда умирает кто-то из домочадцев, он воет ночью, выражая тем свою непритворную печаль. Смерть самого хозяина предрекает домовый тем, что, садясь за его работу, прикрывает голову его шапкою. Перед чумою, пожаром и войною домовые выходят из села и воют на выгонах. Если идет большая неожиданная *беда*, "дедушка" извещает о ее приближении, веля собакам рыть среди двора ямы и выть на всю деревню... Если у трубы на крыше заиграет в заслонку — будет суд из-за какого-нибудь дела и обиды. Обмочит кого-то домовый ночью — заболит тот человек. Подергает женщину за волосы — остерегайся жена, не вступай в спор с мужем, не то побьет. Загремит домовый в поставце посудой — поосторожнее обращайся с огнем, не урони искру.

К радости суседка скачет, песни мурлычет, смеется; иногда, поигрывая на гребешке, предупреждает о скорой свадьбе.

Вот он каков, славянский домовый, несомненно добрый бог и древности, и современности, заботник, хранитель домашнего очага, незримый помощник хозяев — и озорник.

Душа

СЛАВЯНЕ признавали в душе нечто отдельное от тела, имеющее свое самостоятельное бытие. По их верованиям, душа еще в течение жизни может временно расставаться с телом и потом снова возвращаться в него; такое удаление души обыкновенно бывает в часы сна, так как наш сон и *смерть* — понятия родственные. О *колдунах* и колдуньях рассказывают, будто они, погружаясь в сон, могут выпускать из себя воздушное демоническое существо, то есть душу, которая принимает различные образы и блуждает по тем или другим местам, причем оставленное ею тело лежит совершенно мертвым. И во время обмирания или летаргического сна душа, по русскому поверью, покидает тело и странствует на том свете. Таким образом, тело есть жилище духа, та временная оболочка, в которую она заключается при рождении дитяти и покидает при кончине человека.

Душа человеческая, по древним языческим преданиям, представлялась в самых разнообразных видах. А.Н.Афанасьев приводит гармоничную систему:

1. Славяне признавали в душе человеческой проявление той же творческой силы, без которой невозможно на земле никакая жизнь: это сила света и теплоты, действующая в пламени весенних гроз и в живительных лучах солнца. Душа — собственно частица, искра этого небесного огня, которая и сообщает очам блеск, крови — жар и всему телу — внутреннюю теплоту.

Если душа понималась как *огонь*, то жизнь возможна была только до тех пор, пока горело это внутреннее пламя; погасало оно — и жизнь прекращалась. У нас уцелело выражение: "Погасла жизнь"; выражение это в народной песне заменено сравнением смерти человека с погасшею свечою. Неумолимая смерть тушит огонь жизни и остается один холодный труп...

По другому представлению, смерть не погашает животворного огня жизни, а исторгает его из тела, которое после того обращается в труп. Народные легенды рассказывают о том, как умирающие выпускают свою душу в пламени.

2. Душа представлялась звездой, что имеет самую близкую связь с представлением ее огнем, ибо *звезды* древний человек считал искрами огня, блистающими в высотах неба. В народных преданиях душа точно так же сравнивается с звездой, как и с пламенем; а смерть уподобляется падающей звезде, которая, трясясь в воздушных пространствах, как бы погасает.

Падающая звезда почитается в русском народе знаком чьей-либо смерти, поэтому, увидя такое, обыкновенно говорят: "Кто-то умер!", "Чья-то душа закатилась!"

3. Как огонь сопровождается дымом, как молниеносное пламя возгорается в дымчатых, курящихся парах облаках, так и душа, по некоторым указаниям, исходила из тела дымом и паром.

4. Душа понималась как существо воздушное, подобное дующему ветру. Такое представление совершенно согласно с тем физиологическим законом, по которому жизнь человека обусловлена вдыханием в себя воздуха. В Южной Сибири грудь и легкие называют воздухи: полагают, что душа заключена в дыхательном горле, перерезание которого прекращает жизнь. Глаголы "из-дыхать", "за-душить", "за-дохнуться" означают умереть — то есть потерять способность вдыхать в себя воздух, от чего существование делается невозможным. Об умершем говорят: "Он испустил последнее дыхание", "последний дух".

По смерти человека тело его разлагается и обращается в прах, и только в сердцах родных, знакомых и друзей живет воспоминание о покойнике, о его лице и привычках; это тот бестелесный образ, который творит сила воображения для отсутствующих и умерших и который с течением времени становится все бледнее и

бледнее. Образ умершего хранится в нашей памяти, которая может вызывать его пред наши внутренние очи; но образ этот не более как тень некогда живого и близкого нам человека. Вот основы древнеязыческого представления усопших бестелесными, воздушными видениями, легкими призраками — тенями.

По русскому поверью, кто после трехдневного поста отправится на кладбище в ночь накануне родительской (поминальной) субботы, тот увидит тени не только усопших, но и тех, кому суждено умереть в продолжение года.

5. В отдаленные века язычества молниям придавался мифический образ червя, гусеницы, а *ветрам* — птицы; душа человеческая роднилась с теми и другими стихийными явлениями и, расставаясь с телом, могла принимать те же образы, какие давались грозовому пламени и дующим ветрам. К этому воззрению примыкала следующая мысль: после кончины человека душа его начинала новую жизнь; кроме естественного рождения, когда человек являлся на свет с живою душою, эта последняя в таинственную минуту его смерти как бы снова, в другой раз нарождалась к иной жизни — замогильной. Оставив телесную оболочку, она воплощалась в новую форму; с нею, по мнению наблюдательного, но младенчески неразвитого язычника, должна была совершаться та же метаморфоза, какая замечается в живом царстве. Фантазия воспользовалась двумя наглядными сравнениями: уже раз рожденная гусеница (червяк), умирая, вновь воскресает в виде легкокрылой бабочки (мотылька) или другого крылатого насекомого; птица рождается первоначально в форме яйца, потом, как бы нарождаясь вторично, вылупливается из него цыпленком. Это обстоятельство послужило поводом, почему птица названа в санскрите дважды рожденною; тот же взгляд встречаем и в наших народных загадках: "Дважды рождается, один раз умирает"; "Два раза родился, ни разу не крестился, а *черт* его боится" (петух). Младенца же народная загадка называет

метафорически яйцом... И птица, и бабочка, и вообще крылатые насекомые, образующиеся из личинок (муха, сверчок, пчела и проч.), дали свои образы для олицетворения души человеческой. Некоторые из славянских племен считают светящихся червячков душами кающихся грешников, а чехи принимают червячка, который точит стены деревянного дома, за душу покойного предка. Это — любопытные отголоски того старинного верования, по которому низведенная с неба, пламенная душа обитала в теле человеческом светящимся червем или личинкою, а в минуту смерти вылетала оттуда как легкокрылая бабочка из кокона...

6. Народный язык и предания говорят о душах как о существах летающих, крылатых. По мнению крестьян, душа усопшего, после разлуки своей с телом, до шести недель остается под родною кровлею, пьет, ест, прислушивается к изъявлениям печали своих друзей и родичей и потом улетает на тот свет.

Наравне с другими индоевропейскими народами, славяне сохранили много трогательных рассказов о превращении усопших в легкокрылых птиц, в виде которых они навешают своих родичей.

7. Понимая душу как пламя и ветер, наши предки должны были сроднить ее со стихийными существами, населяющими небо и воздух. Толпы стихийных духов, олицетворяющих небесные лучи, молнии и ветры, ничем не отличались от отцов, предков, то есть от усопших родителей и дедов. Народные поверья доселе связывают с душами усопших атмосферные явления, указывая тем самым на их стихийный характер.

Когда зимою, после трескучих морозов, станет вдруг оттепель, русские выражаются об этом так: "Родители вздохнули", — то есть мертвые повеяли (дохнули) теплым ветром. По мнению полешуков (жителей белорусского Полесья), усопшие родители в день свадьбы своих детей сходят на землю дождевой тучею, чтобы благословить молодую чету.

Елена Прекрасная

ГЕРОИНЯ волшебных славянских сказок названа так, конечно, в честь той древнегреческой Елены, из-за которой теряли голову все мужчины и была до основания разрушена Троя, однако в наших сказках ей соответствуют и Анастасия Прекрасная, и Василиса Прекрасная (Премудрая), и Марья-царевна, и Марья Моревна, и Царь-девица, и другие. Эти несравненные

красавицы наделены великим умом, волшебной силой, властью над природными стихиями, и все это они готовы отдать своему возлюбленному герою, подобно тому, как некогда, по истечении эпохи матриархата, женщины безропотно подчинились мужчинам и всю потустороннюю, неземную, чародейную силу свою замкнули лишь в пределах семьи, дома, любовных, бытовых отношений — в пределах своего бабьего царства.

ЖАР-ПТИЦА

ВОПЛОЩЕНИЕ лучезарного бога солнца — и в то же самое время бога грозы. Во всяком случае, она создается народным воображением из представлений о небесном огне-пламени, и сияние ее так же слепит глаза, как солнце или молния. За этой птицею, приносящей тому герою, который овладеет хоть одним ее пером, великое счастье, отправляются

один за другим в неизведанный путь сказочные добры молодцы.

Жар-птица живет в тридесятom царстве или у *Кошея Бессмертного*, в райском саду, окружающем терем Царь-девицы. Растут в том саду золотые яблоки, возвращающие молодость старикам. Днем сидит Жар-птица в золотой клетке, напевает Царь-девице райские песни: поет она — из клюва скатный жемчуг сыплется. Ночью вылетает она в сад, перья у ней отливают златом-серебром, вся она как жар горит: полетит по саду — весь он осветится разом! Одному перу ее, по словам сказок, "цена ни мало ни много — побольше целого царства", а самой Жар-птице и цены нет.

Древнегреческое предание о птице Феникс, который, состарившись, взмывает в солнечную высь, зажигает от молнии гнездо свое и сам в том огне сгорает, чтобы потом возродиться, имеет нечто родственное со славянскими преданиями о Жар-птице.

Жар-цвет (свети-цвет, царь-цвет, Перунов цвет)

ЭТОТ фантастический цветок — метафора молнии. Когда он цветет, ночь бывает яснее дня и море колыхнется. Рассказывают, что бутон его разрывается с треском и распускается золотым или красным, кровавым пламенем, и притом столь ярким, что глаз не в состоянии выносить чудного блеска; показывается этот цветок в то же самое время, в которое и *клады*, выходя из земли, горят синими огоньками...

Ночь, в которую цветет папоротник, бывает среди лета — на Ивана *Купала*, когда *Перун*, по древнему представлению, выступал на битву с демоном-иссушителем, останавливающим колесницу Солнца на небес-

ной высоте, разбивал его облачные скалы, отверзал сокровые в них сокровища и умерял томительный зной дождевыми ливнями. Сверх того, папоротников цвет распускается и в бурногрозные летние и осенние ночи, известные под именем воробьиных, или рябиновых, когда часть воробьев *черт* отпускает на волю, а другую предает смерти, что указывает на враждебное отношение его к этим птицам. Но, вероятно, еще в эпоху язычества с воробьем стали соединять то же демоническое значение, какое присваивалось *ворону*, *сове* и другим хищным птицам, в которых обыкновенно олицетворялись грозные бури...

В темную, непроглядную полночь, под грозой и бурею, расцветает огненный цветок Перуна, разливая кругом такой же яркий свет, как самое солнце; но цветок этот красуется одно краткое мгновение: не успеешь глазом мигнуть, как он блеснет и исчезнет! Нечистые духи срывают его и уносят в свои вертепы. Кто желает добыть цвет папоротника, тот должен накануне светлого праздника Купалы отправиться в лес, взявши с собою скатерть и нож, потом найти куст папоротника, очертить около него ножом *круг*, разостлать скатерть и, сидя в замкнутой круговой черте, не сводить глаз с растения; как только загорится цветок, тотчас же должно сорвать его и спешить домой, накрывши себя скатертью, а дома тем же самым ножом разрезать палец или ладонь руки и в сделанную рану вложить цветок. Тогда все тайное и скрытое будет ведомо и доступно...

Нечистая сила всячески мешает человеку достать чудесный Жар-цвет; около папоротника в заветную ночь лежат *змеи* и разные чудовища и жадно сторожат минуту его расцвета. На смельчака, который решается овладеть этим чудом, нечистая сила наводит непробудный сон или силится оковать его страхом: едва сорвет он цветок, как вдруг земля заколеблется под его ногами, раздадутся удары грома, заблестает молния, завоют *ветры*, послышатся неистовые

крики, стрельба, дьявольский хохот и звуки хлыстов, которыми нечистые хлопают по земле; человека обдаст адским пламенем и удушливым серным запахом; перед ним явятся звероподобные чудища с высуну-

ми огненными языками, острые концы которых пронизывают до самого сердца. Пока не добудешь цвета папоротника, Боже избави выступать из круговой черты или оглядываться по сторонам: как повернешь голову, так она и останется навеки! — а выступишь из круга, черти разорвут на части. Сорвавши цветок, надо сжать его в руке крепко-накрепко и бежать домой без оглядки; если оглянешься — весь труд пропал: Жар-цвет исчезнет! По мнению других, не должно выходить из круга до самого утра, так как нечистые удаляются только с появлением солнца, а кто выйдет прежде, у того они вырвут цветок. Те же условия: очертить себя кругом и не оглядываться — необходимо соблюдать и при добывании клада.

Та же могучая сила, которая присваивалась Перуновой палице, грому, лринадлежит и цвету папоротника: обладая им, человек не боится ни бури, ни грома, ни *воды*, ни *огня*, делается недоступным влиянию злого чародейства и может повелевать нечистыми духами. Для этих последних цвет папороти так же страшен, как и громовые стрелы: завидя пламенный цветок, они, по одному представлению, стараются овладеть им и запрянуть в облачные пещеры, а по другому — в ужасе разбегаются от него по своим трущобам и болотам. Цветок этот отмыкает все замки и двери (только приложи его — и железные запоры, цепи и связи вмиг распадаются!), открывает погреба, кладовые, казнохранилища и обнаруживает подземные клады — подобно тому, как удары молнии, разбивая облачные скалы, обретают за ними золото солнечных лучей. Кто владеет чудесным цветком, тот видит все, что кроется в недрах: темная земная кора кажется ему прозрачною, словно стекло. Так как молния есть проводник живой воды и так как *вода* эта называлась небесным вином, то отсюда возникли поверья, наделяющие папоротник целебными свойствами, и мнение, будто с помощью его цвета можно черпать из рек и колодцев вместо воды сладкое вино.

Всякий, кто достанет Жар-цвет, становится вещим человеком, знает прошедшее, настоящее и будущее, угадывает чужие мысли и понимает разговоры растений, птиц, гадов и зверей. Сверх того, он может по собственному произволу насылать в сердце девицы горячее чувство любви, для чего *заговоры* постоянно обращаются к *богу-громовнику* и его молниеносным стрелам.

Наконец, соответственно представлению быстромелькающей, неуловимой для глаз молнии-невидимки, создалось поверье, что всякий, кто носит при себе цвет папоротника, делается незримым для всех присутствующих.

Один крестьянин искал накануне Иванова дня потерянную корову; в самую полночь он зацепил нечаянно за куст папоротника, и чудесный цветок попал ему в лапоть. Тотчас прояснилось ему все прошлое, настоящее и будущее; он легко отыскал пропавшую корову, сведал о многих сокрытых в земле кладах и насмотрелся на проказы *ведьм*. Когда крестьянин воротился в семью, домашние, слыша его голос и не видя его самого, пришли в ужас. Но вот он разулся и выронил цветок — и в ту же минуту все его увидели. С потерей цветка окончилось и его всевидение, даже позабыл про те места, где еще недавно любовался зарытыми сокровищами. Рассказ этот заканчивается и так: к мужику, который и сам не понимал, откуда далась ему мудрость, явился черт, купил у него лапоть и вместе с лаптем унес и папоротников цвет.

Желя (Журба) и Карна (Кручина)

ДВЕ ВЕЧНО печальные сестры, сопровождающие всякого человека в его первых подступах к потустороннему, загробному миру.

Имя Карны связано со словом "кара", то есть наказание, расплата, нуаимя. Жели — со словом "жалость", "сожаление".

Сестры эти — вековечные плакальщицы, божества погребального обряда.

Карна — олицетворение печали, Желя — беспредельного сострадания. Эти две скорбные девы, словно черные, зловещие птицы, летят вслед за всяким войском, выступившим в поход, однако богатая пожива не приносит им ни счастья, ни довольства.

Их удел — горькие слезы над убитыми, беспредельная жалость к умершим людям.

ЖИВА (Дзиева, Дева)

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ плодородной силы, юности, красоты всей природы и человека — то есть весны. Жива властвует, когда зеленеют, расцветают поля и леса, сады и огороды, когда люди, очнувшись от унылого зимнего сна, словно впервые видят красоту весенней природы, красоту расцветающей молодости, впервые познают прелесть любви и нежности.

Именно весной можно увидеть Живу или Живиц, ее молоденьких прислужниц: в виде прекрасных дев они реют над землей, бросая на нее такие ласковые взгляды, что она еще пуще цветет и зеленеет.

Жыж

СОГЛАСНО белорусскому преданию дух огня, который постоянно расхаживает под землей, испуская из себя пламя.

Если он ходит тихо, то согревает только почву, если же движения его быстры, то производит пожары, истребляющие леса, сенокосы и нивы.

ЗАБИДЯЩАЯ (ЗАДУШНАЯ) СВЕЧА

В СТАРИНУ, при произнесении проклятия на погибель врага, почиталось необходимою принадлежностью обряда погасить зажженную свечу. Иногда забидающую свечу зажигали с нижнего конца или, ломая ее пополам, затепливали с середины.

Заговоры

ЕЩЕ В ДРЕВНОСТИ народ был убежден, что вещицы жены и *знахари* всю сущность дела полагают в могуществе чародейного слова и сопутствующих ему обрядов.

Прибегая к обожествленным *светилам* и стихиям, испрашивая у них даров счастья и защиты от всяких бед, древний человек отдавал себя под их священный покров, что выражается в заговорах следующими формулами: "Пойду я в чистое поле — под красное солнце, под светел месяц, под частые *звезды*, под полетные облака; стану я в чистом поле на ровном месте, облаками облачуся, небесами покроюся, на главу свою кладу красное солнце, подпояшусь светлыми зорями, обтычуся частыми звездами, что острыми стрелами — от всякого злого недуга" или: "Умываюсь росой, утираюсь (то есть осушусь) со-

лнцем, облакаюсь облаками, опоясываюсь чистыми звездами"...

Когда древние молебные воззвания перешли в заклятия, чародейная сила их была признана именно за тем поэтическим словом, за теми пластическими выражениями, которые исстари почитались за внушенные самих богов, за их священное откровение вещим избранникам: прорицателям и поэтам. Заговоры обыкновенно заканчиваются этими формулами: "Слово мое крепко!", "Слово мое не прейдет вовек!", "Будьте, мои слова, крепки и лепки, тверже камня, лепче клею и серы, сольчей соли, вострей меча-самбсека, крепче булата; что задумано, то исполнится!", "Сие слово есть утверждение и укрепление, им же утверждается и укрепляется и замыкается... и ничем — ни воздухом, ни бурею, ни *водою* — дело сие не отмыкается". Старинная метафора уподобила губы и зубы замку, а язык — ключу на том основании, что тайная мысль человека до тех пор сокрыта, заперта, пока не будет высказана языком; язык, следовательно, — ключ, отпирающий тайник души человеческой: по народной пословице: "Губы да зубы — два запора". Метафора эта нашла для себя знаменательное применение в заговорах; чтобы указать на крепость, нерушимость их заповедного слова, употребляются следующие выражения: "Голова моя — коробея, а язык — замок", "Тем моим словам губы да зубы — замок, язык мой — ключ; и брошу я ключ в море, останься замок в роте" или: "Мои уста — замок, мой язык — ключ: ключом замкну, ключом запру, замок в море спущу, а ключ на небеса заброшу", "Замыкаю свои словеса замками, бросаю ключи под бел-горюч *камень-алатырь*; а как у замков смычи крепки, так мои словеса метки", "Ключ моим словам в небесной высоте, а замок в морской глубине — на рыбе-ките, и никому эту кит-рыбу не добыть и замок не отпереть кроме меня; а кто эту рыбу добудет и замок мой отперет, да будет яко древо, палимое молнией", "Замкну

аз за тридевять замков, выну из тридевять замков тридевять ключей, кину те ключи в чистое море-океан; и выйдет из того моря шука златоперая, чешуя медная, и проглотит тридевять моих ключей, и сойдет в глубину морскую. И никому той шуки не поймать, и тридевять ключей не сыскать, и замков не отпирать, и меня не испортить". Эти выражения дают заклятию силу великую; преодолеть ее, уничтожить заклятие так же трудно и невозможно, как отпереть замок, ключ от которого закинут в море, или отпереть замок, брошенный в океан, ключом, закинутым в небеса: "Ключ в небе, замок в море!" Если мы прибавим, что та метафора ключа употреблялась для обозначения молнии, отпирающей облачные скалы (камень-алатырь), что ходящие по небу тучи уподоблялись рыбам, плавающим в воздушном *океан-море*, то поймем всю мистическую важность указанных изречений.

Как язык есть ключ к тайнам *души*, так молния — огненный язык *бога-громовника* — есть ключ, с помощью которого отмыкаются уста *Перуновы* и раздается его громовое слово. Таким образом на освящение и утверждение заклятия призывался громовник; скрепленный его небесным ключом, заговор получал неодолимую твердость: "Мой заговор крепок, как камень-алатырь!", "Кто камень-алатырь изложет, тот мой заговор превозможет!" или: "Тем моим словам небо — ключ, земля — замок отныне и до веку!", то есть одна только божественная сила, которая может изгрызть облачную скалу и которая весною отпирает недра земли, замкнутые зимним холодом: сила неба с его весенними грозами, — в состоянии превозмочь заговор.

Могущество заговорного слова безгранично: оно может управлять стихиями, вызывать громы, бурю, дожди, град и задерживать их, творить урожаи и бесплодие, умножать богатство, плодить стада и истреблять их чумною заразою, даровать человеку счастье,

здоровье, успех в промыслах и подвергать его бедствиям, прогонять от хвораго болезни и насылать их на здорового, зажигать в сердце девицы и юноши любовь или охлаждать пыл взаимной страсти, пробуждать в судьях и начальниках чувства милосердия, кротости или ожесточения и злобы, давать оружию меткость и делать воина неуязвимым ни пулями, ни стрелами, ни мечом, заживлять раны, останавливать кровь, превращать людей в животных, *деревья* — в *камни*, — короче сказать, слово это может творить чудеса, подчиняя воле заклинателя благотворные и зловредные влияния всей обожествленной природы...

У нас верили в старину, что бывают счастливые и несчастные часы, и доселе существует поговорка: "В добрый час сказать, в худой помолчать"; рассказывая о каком-нибудь несчастье или упоминая о нечистом духе, люди спешат прибавить: "Не тут (не при нас) будь сказано!" Таким образом, верование в могущество слова сливается с верою в судьбу, которая определяет людские доли, смотря по тому, в какой кто час на свет народился: в счастливый или бесталаный. И на Руси, и у других славян уцелело много старинных клятв, любопытных по своему эпическому складу и указаниям на древние мифические представления; все они состоят в призывании на недруга карающей руки божества, тяжелых болезней и всевозможных бедствий: "О, чтоб тебя язвило (пятнало или стреляло)!", "Благое тебя побери!" ("благой" — безумный; смысл того: "Чтоб ты с ума сошел!"), "Колом тебя в землю!" (намек на осиновый кол, которым прибивают умерших *колдунов* и *ведьм*)...

Злое, неосторожно сказанное в сердцах слово, хотя бы без всякого желанья, чтоб оно сбылось, по народному поверью, никогда не останется без худых последствий. "Чтобы тебя буйным *ветром* унесло!" — говорит в сказке красная девица, не добудившись своего милого, — и в ту же минуту подхватило его вихрем и унесло далеко-далеко, в неизвестные страны...

На могущество слова опиралась и древняя, языческая присяга, потому что она состояла в торжественном призывании на свою голову различных казней — в случае, если произносимый человеком обет будет нарушен или если даваемое им показание ложно. Договор Игоря с греками был скреплен этими словами: "Да не имут (нарушители мира) помощи от бога, ни от Перуна, да не ушитяться щиты своими и да посечены будут мечи своими, от стрел и от иного оружия своего, да будут рабы в весь век будущий"... Доселе обращающиеся в народе божбы и клятвы указывают на то же: "*Душа* вон!", "Лопни мои глаза (ослепнуть мне!)", "коли говорю неправду!", "Сейчас сквозь землю провалиться!", "С места не сойти!.."

Заговоры на любовь называются присушками, а на утрату этого чувства — отсушками или остудою (от "стыть", "студить", "студеный", "стужа", "остуда" — нелюбовь, ненависть; "постылый" — немилый; сравни: охладеть в любви). Для того, чтобы уничтожить в ком-нибудь любовь, надобно погасить в нем пыл страсти, охладить внутренний сердечный жар... Заговоры на любовь, или присушки, состоят из заклинаний, обращенных к божественным стихиям весенних гроз: к небесному пламени молний и раздувающим его ветрам.

"Встану я и пойду в чистое поле. Навстречу мне *Огонь* и *Полымя* и *буен Ветер*. Встану и поклонюсь им низешенько и скажу так: гой еси *Огонь* и *Полымя*! не палите зеленых лугов; *буен Ветер*! не раздувай *полымя*; а сослужите службу верную, великую: выньте из меня тоску тоскучую и сухоту плакучую, понесите ее через боры — не потеряйте, через пороги — не уроните, через моря и реки — не утопите, а вложите ее в (имярек) — в белую грудь, в ретивое сердце, и в легкие, и в печень, чтоб она обо мне тосковала и горевала денну, ночну и полуночну, в сладких яствах бы не заедала, в меду, пиве и вине не запивала".

"Вставайте вы, матушки, три тоски тоскучие, три

рыды рудучие, и берите свое огненное пламя, разжигайте рабу-девицу (имярек), разжигайте ее во дни, в ночи и в полуночи, при утренней *заре* и при вечерней..." Присушки наговариваются большею частью на хлеб, вино или воду, и эти наговорные снадобья даются при удобном случае тому, кого хотят приворожить; произносятся они и на след, оставленный ступнею милого человека, и на ласточкино сердце и вороново перо.

На те же предметы наговариваются и остуды, и самое заклятие обращается к тем же стихиям — грозе, ветрам и воде как символу дождя: 'Той еси, река быстрая! Прихожу я к тебе по три *зари* утренние и по три *зари* вечерние с тоской тоскучей, с сухотой плакучей, мыть и полоскать лицо белое, чтобы спала с моего лица белого сухота плакучая, а из ретива сердца тоска тоскучая. Понеси ты ее (тоску), быстра реченька, своею быстрою струею и затопи ты ее в своих валах глубоких, чтобы она ко мне не приходила".

То есть заговорное слово обладало мощью и силою волшебства и стихии.

ЗАЛОМ

ИЗ РАСТЕНИЙ *колдуны* всего более вредят хлебу, отлично понимая, что, уничтожая крестьянские поля, они причиняют величайшее несчастье не только отдельным лицам, но целым крестьянским обществам. Чаще всего чародеи прибегают к так называемому залому, или закруткам (иначе "куклы").

Залом представляет собой очень спутанный пучок стеблей еще не сжатого хлеба, надломленных в правую и левую сторону, закрученных в узел вместе с золой и присыпанных у корней солью, землей с кладбища, яичной скорлупой и распаренными старыми

зернами. Если зола взята из печи одного хозяина, то залом сделан с расчетом нанести вред ему одному, предвещая различные бедствия: пожар, падеж скота и даже *смерть*. Последствием таких закруток неизбежно является полный неурожай на всем поле.

Крестьяне убеждены, что если они и успеют предупредить или ослабить козни колдунов на испорченных полосах, то все-таки выросший хлеб не будет "снопаться", то есть его будет расходоваться в семье гораздо больше обычного среднего количества, так что придется раньше времени покупать хлеб на стороне. Сверх того, с зачурованной десятины зерно получается легковесное и по количеству наполовину не сравняется с соседними. Такой хлеб ни один хозяин поля не решится пустить для домашнего потребления, а постарается поскорее продать его на сторону.

Кроме дурного качества зерна, залом имеет еще ту особенность, что с ним чрезвычайно трудно бороться: что бы ни делали хозяева зачурованного поля, как бы ни вырывали и ни жгли залома, но загаданная *беда* непременно сбудется, если не отслужить молебна с водосвятием и не попросить самого священника вырвать крестом всю закрутку с корнем. Правда, кроме священника, во многих местах хлебородных губерний возлагают еще надежды на опытных стариков и даже на ловких *знахарей*.

Жил некогда старик, которого всюду возили "развязывать" заломы старинным и очень мудреным способом. Он вставал по три *зари* до восхода солнца и нашептывал на *воду*. А шептать надо долго, так что иной шевелит-шевелит губами и языком, да так и заснет. Нашептанной водой обрызгивал весь загон и потом уже залом срезали и сжигали. Старик этот приносил с собой на загон изломанное колесо, срезанный залом клал в ступицу и сжигал на глазах хозяев: "Залом-залом, взвейся под огнем, рассыпья пеплом по земле, не делай вреда никому! *Огонь* очищает, болезнь прогоняет", — так говорил он в поле и притом

обыкновенно поднимал руку кверху, держа ладон обращенными к огню.

Кроме заломов, равносильным или едва ли даже не большим несчастием следует считать так называемые прожины (или прорезы). Это не недочет в снопах или в копнах, а та дорожка во ржи в вершок шириною, которая проходит с одного края загона до другого и по которой все колосья срезаны. Срезают их жучки и черви в то время, когда рожь в цвету, и потому, конечно, никаких следов человеческих ног по сторонам никогда не замечается, а, напротив, стенки ржи бывают даже приметно гуще, чем в других местах той же хлебной полосы.

Но крестьяне объясняют это явление тем, что колдун, делая прожин, стоит в это время обеими ногами на двух иконах, как на лыжах, и ведет дорожку, как колесо катит.

Когда опытные хозяева замечают прожин, то зовут священника и поднимают иконы, придавая между ними большое значение "Святцам" (иконе Двенадцати праздников с Воскресеньем в середине). Священник идет по прожину с крестом и кропит по сторонам святою *водою*.

Если же эти меры предосторожности не будут приняты, то результаты прожина скажутся, и надежды на урожай не оправдаются: на корню по всему полю рожь как будто бы хороша, то есть соломой велика и зерном прибыльна, но как только сжали ее, привезли на гумно и начали молотить, то сейчас же стали замечать, что вместо пяти или четырех мер с копны вышло лишь по две, а то и по одной чистого зерна.

Одни при этом толкуют, что затем колдуны и прожин делают, чтобы переливать зерно в свои закрома (пятую часть со всего поля); другие объясняют беспричинною злобою и желанием всем хозяевам полного недорода.

Заря (ДИВА, ДИВИЯ)

ОНА ОЛИЦЕТВОРЯЛАСЬ у славян в образе богини и называлась сестрою Солнца:

**Заря ль, моя Зоренька,
Заря, солнцева сестрица!..**

Согласно с наглядным, ежедневно повторяющимся указанием природы миф знает двух божественных сестер — Зарю Утреннюю и Зарю Вечернюю; одна

предшествует восходу солнца, другая провожает его вечером на покой, и обе таким образом постоянно находятся при светлом божестве дня и прислуживают ему. Утренняя Заря выводит на небесный свод его белых *коней*, а Вечерняя принимает их, когда оно, совершивши свой дневной поезд, скрывается на западе...

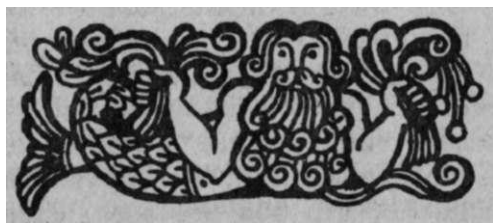
В славянских сказках сохранились воспоминания о чудесной самопрялке, прядущей чистое золото, о золотых и серебряных нитях, спускающихся с неба. Из этих-то солнечных нитей и приготавливалась та чудная розовая ткань, застилающая небо, которую называем мы зарею, — покрывало богини.

В наших *заговорах* на унятие крови находим следующие любопытные обращения к богине Заре: "На море, на океане (море — небо) сидит красная девица, швея-мастерица, держит иглу булатную, вдвевает нитку шелковую, рудо-желтую, зашивает раны кровавые"... Потому "кровь" стала метафорой ярко рдеющих лучей солнца. Розоперстая богиня Заря тянет "рудо-желтую" нитку и своей золотою иглою вышивает по небу розовую, кровавую пелену; испрашивая у ней помощи от разных недугов и вражьих замыслов, заговоры выражаются так: "Заря-Заряница, красная девица, полуночница! Покрой мои скорбные зубы своею фатою; за твоим покровом уцелеют мои зубы"; "Покрой ты, девица, меня своею фатою от силы вражней, от пищалей и стрел; твоя фата крепка, как горюч *камень-алатырь*." Этой фате даются эпитеты вечной, чистой и нетленной. Потухающая Заря заканчивает свою работу, обрывает рудо-желтую нитку, и вместе с тем исчезает с неба ее кровавая пелена, почему народное поверье и присвоило ей силу останавливать текущую кровь и зашивать действительные раны: "Нитка оборвись — кровь запекись!" или по другому выражению: "Как вечерняя и утренняя зари станут потухать, так бы у моего друга милого всем недугам потухать"...

ЗАЯЦ

ВОПЛОЩЕНИЕ слабости и робости. "По лесу-лесу лисье жаркое в шубейке бежит!" — загадывают про него. "Труслив, как заяц!" — говорят в просторечии о робких не в меру людях. Зовут белого зимой, серого по осени, рыжего летом трусишку-зверька — косым. Все поговорки о нем — охотничьи. "Коня положу, да зайку ухожу!", "Не дорог конь — дорог заяц!", "Покуда зайца догонишь — с пару зайдешься!", "Рубль бежит — сто догоняют!" Перебежит косой заяц дорогу — лучше вернуться домой, по охотничьей примете, а то никакого толку не будет весь день. Трусоват заяц, а есть на свете и другой зверь, что — по народному слову — и его боится: лягушка, прячущаяся в своей болотине при виде такого страшилища... В песнях зайцу-труссу посчастливилось, — не косым зовут там его, а зайнкой величают.

Заяц не только воплощение трусости, но и олицетворение быстроты. Потому-то быстрое, едва уловимое мелькание отблеска солнечных лучей на стенах, потолке и полу называется зайчиком. Это название относится в народе и к синим огонькам, перебегающим по горящим угольям. Простонародное суеверие не советует вспоминать о зайце во время купанья: *водной* утопить за это может.

Звезды

В СТАРОДАВНИЕ времена звались они совсем иначе, чем теперь: Зоряница, Денница, Утренница, Светлуса, Красопаня — это, конечно, Венера, каждому понятно.

Вечерняя звезда, первой появлявшаяся на небе, какова бы она ни была, всегда Вечерница, Зверьяница (ибо в ту пору ночные хищники выходят на охоту). Марс звался Смертонос, Меркурий — Добропан, Сатурн — Гладолед, Юпитер — Кроломоц...

Конечно, это были живые существа: все это множество зачаровывающих, мерцающих, таинственных звезд, и чаще всего древний славянин представлял их прекрасными девами, которые летают по небу, держа в руках свечечки или лучинки. Они танцуют, водят хороводы, играют в прятки: оттого меняются и узоры звезд на небе. Все они служительницы богов: Утренницы и Денницы служат *Зимцерле*, богине утренней зари, другие — богам ночи, тьмы.

С течением времени воображению пахаря небо стало представляться светлым теремом Божиим — со звездами вместо окон. Из этих окон смотрят на белый свет святые ангелы Господни. Нет счета-числа воинству небесному: сколько людей в мире — столько и ангелов. У каждой живой души — свой ангел-хранитель. Народится человек, и ангела нового посылает Бог стеречь его от греха напрасного-наносного, от ухищрений нечистой силы дьявольской. Прорубит ангел новое окошечко из Божьего терема, сядет у него да и смотрит, глаз не спускаючи с доверенного его попечению сына земли. "Смотрит ангел, а сам каждое дело земное в книгу небесную записывает. А людям-то кажется, что это все звезды сверкают!" — гласит народное слово. Умер человек, захлопывается ставнями окно, падает и его звезда с выси небесной

на грудь земную. Кто увидит такую звезду да успеет сказать свое пожелание — оно сбудется, не минется.

Звездное небо представляется глазам зоркого пахаря "грамоткой", написанной по синему бархату. "Не прочесть этой грамотки, — говорит он, — ни попам, ни дьякам, ни умным мужикам". А между тем, для последних-то, оказывается, эта грамотка является не совсем тайной — недаром они с поразительной для оторванного от природы горожанина точностью угадывают по расположению звезд время ночи. Ночное звездное небо — такие же безошибочно верные часы для деревенского путника, что и крикливый вестник полночи *петух* на дворе.

Не все звезды для русского хлебороба одинаковы. Знает он, что "звезда от звезды разнствует во славе", а потому и различает если не все, то хотя некоторые из жемчужин россыпи звездной. Так, знает он Вечерницу — первую вспыхивающую вечером звезду, назовет и Денницу — позднее всех своих сестер погасающую на небе, только-только не встречающуюся с утреннею ранней зорькою.

Большая Медведица слывет в народной астрономии за Сажар (или Стожар) звезду. По этому созвездию советуется охотникам выходить смело на всякого дикого зверя, кроме одного только *медведя*. Плеяды, по народному определению, — Утиное Гнездо, Пояс Ориона — Кичаги, Арктический Пояс — Железное Колесо, Млечный Путь — Становище. Три звезды, находящиеся подле Млечного Пути, зовутся Девичьими Зорями.

Падающие звезды, при виде которых старые богобоязненные люди причитают свое "Аминь, аминь! Рассыпья!", а молодые произносят заветные желания, — зовутся Маньяком.

О Девичьих Зорях дошло до наших дней старинное сказание. Жили-были, гласит оно, на белом свете три сестры (родством и дородством — сестра в сестру). Жили они в родном доме без отца-матери: сами пра-

вили домом, сами пахали, сами хлеб продавали. Проторяли к сестрам дорожку свахи-сваты, да было им всем диво-дивное: придут к воротам — ворота сами растворяются; пойдут к избе — двери сами отойдут настежь; взойдут в избу, — в избе нет ни живого, ни мертвого, как после мора. Поят, пооят, так и пойдут ни с чем. Выйдут на улицу, посмотрят на окна, а у окон сидят три сестры вместе, прядут одну кудель...

Стали все за это считать трех сестер *сдьмами*; и надумали бабы-свахи сжить девок со свету.

Чего-чего только они ни придумывали, лишь бы загубить их! Поджигали даже то городьбу у них, то избу: и *огонь* не берет... По *знахарям-ведунам* хаживали: и те ума не приложат, что с тремя сестрами сделать! Увидали-подглядели однажды ночью зоркие

бабьи глаза, что летит поднебесьем *Огненный Змей* прямо к дому ненавистных им трех сестер; полетал-полетал, да и прочь полетел несолоно хлебавши: и Змей их не берет!

Но вот — мало ли, много ли времени прошло: умерли сестры, все сразу.

Узнали об этом свахи-бабы, пошли поглядеть на покойниц — пошли, а самих страх берет: послали наперед себя мужиков.

Пошли, осеняясь крестным знамением, мужики, подошли к городьбе — городьба расступилась на четыре стороны, подошли к избе — изба рассыпалась в мелкие щепки.

Сказание заканчивается словами:

"Тут то мужики догадались, что те три сестры были прокляты на-роду.

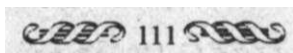
Да и после смерти им худое житье: досталось век гореть зорями. Вот их уже немножко осталось: только три пятнышка"...

По девичьей примете, звезды падают не только к ветру, как говорят старые люди, а и к девичьей судьбе: в какую сторону о Святках звезда упадет, когда на нее смотрит загадывающая девушка, — в той стороне и суженый (жених) ее живет.

Не мало говорят о звездах и сельские поговорки, каждая из которых не мимо молвится. "Не считай звезды, а гляди под ноги: ничего не найдешь, так хоть не упадешь!" — замечают рассеянному человеку-верхогляду, приговаривая: "Жить живи, да решето звезд в воде не лови!", "Часты звезды, яркие звезды, да рассыпчаты: сладки речи, звонки речи, да обманчивы!" и т.д.

Простонародные загадки говорят о звездах в таких словах:

"Рассыпался горох — на тысячи дорог!", "Полно корыто огурцов намыто!", "Вся дорожка осыпана горошком!", "Поле (небо) не меряно, овцы (звезды) не считаны, пастух (месяц) рогатый!"

Зевана (Зевония)

БОГИНЯ зверей и охоты. Она была весьма почитаема и славянами, жившими среди лесов, и другими народами, промышлявшими звероловством: векши (беличьи шкурки) и куницы составляли в древности не только одежду, но и вместо денег употреблялись.

Зевана изображалась в богатой куньей шубе, отороченной белкою. Вместо епанчи

(верхней одежды) на нее накинута медвежья шкура, а голова зверя служила шапкою.

В руках Зевана держала натянутый лук и капкан, у ног ее лежала рогатина, с какой медведя из берлоги поднимают, и нож.

Всегда в храме Зеваны водились лучшие охотничьи собаки.

Богине молились ловцы и охотники, прося у ней счастья в звероловстве, а в благодарность приносили часть своей добычи.

ЗИМА

ЭТО ВРЕМЯ года в представлении славян, как и других народов, всегда было одушевленным. Вспомните известную всем Снежную Королеву — не ее ли напоминает красавица Зима, одетая в белоснежную душегрейку, которая в ноябре приезжает по горам и долам на пегой кобыле?

Она дышит на все встречное таким леденящим дыханием, что даже нечисть, о которой добрые люди боятся вспоминать на ночь (а если кто и обмолвится ненароком, тот тут же оговаривает свою ошибку словами: "Не к ночи будь помянут!"), даже все духи

тьмы торопятся укрыться подобру-поздорову куда-нибудь подальше да поглубже от краснощекой, белолицей красавицы, замораживающей своими поцелуями кровь в жилах.

Слуги Зимы — метели, вьюги, поземки-поползухи. Длинной свитой тянутся они по следу госпожи, просят у нее заделья, и уж когда дает им Зима работу, крутятся над землею снежные вихри, метут метели, бушуют бураны.

Зима старается, чтобы все вокруг было белым-бело, снежным-снежно!

В самом начале своем несет Зима всем людям веселые, светлые праздники: Рождество, Новый год, Крещение.

Однако идет время, Зима стареет, и тогда жди от нее пакостей вроде *Коровьей Смерти*, которая в феврале особенно старается проникнуть в деревни. Да и *лихоманки-лихорадки*, злобные сестры, особенно свирепствуют зимою...

И к марту месяцу, накануне прихода Весны-Красной девицы, Зима в народном представлении обращается в уродливую, зловредную старуху, которую мы мечтаем как можно скорее спровадить туда, откуда пришла: за гора-за моря, в снеговые, ледяные хоромы, чтобы насладилась теплом уснувшая земля, пробудилась и расцвела.

Зимцерла (Мерцана, Зарница)

ВЛАДЫЧИЦА начала дня, то есть богиня утренней зари у западных славян. Порою выходит она резвиться по ночам над лесами-полями, и тогда называют ее Зарницею.

В народе верят, что Зарница помогает обильному и быстрому созреванию жатв, а потому она почиталась покровительницею урожая.

Зимцерлу изображали в злато-багряных одеждах, которые освещают восточные границы небес румяной утренней *зарюю*.

Зирка

ПО ПОВЕРИЯМ белорусов, всякий человек имеет свою Зирку, которая, как дух-хранитель, неотступно находится при своем избраннике. Собственно, "зирка" значит *звезда*, но в народе под этим именем слывет богиня счастья.

Злебог (Кровник, Злодий, Худич)

У ЗАПАДНЫХ славян бог вечного мучения, которое ожидает в *Пекле* негодяев, воров, убийц, злодеев после *смерти*. Изображали его в виде чудовищной *змеи*, и был он неистощимым на казни, которые ожидали его жертв!

ЗЛЫДНИ

В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ мифологии злые духи, крошечные существа, которые, украдкой поселившись за печкой, приносят этому дому всяческие несчастья.

Как бы ни было велико богатство хозяина, оно быстро сгинет, и на место довольства придет страшная нищета. Сохранилась поговорка: "Просились злыдни в гости на три дни, аив три года не выживешь!" И правда: выжить их почти невыносимо, разве что чудо поможет, вернет, удачу в дом.

Змей Горыныч

ИЗ РОДА в род, из века в век переходят древние предания о *драконах-змеях*. Змей Горыныч всегда был порождением нежити-нечисти, не заслуживавшей никакого поклонения-почитания, хотя и вынуждавшей своим лукавством ограждать от нее всякими прицетами-заговорами. И *леший*, и *водяной*, и *полевик*, не говоря уже о покровителе домашнего очага, дедушке-домовом, — все вместе и каждый наособицу поль-

зовались в русском народе несравненно большим почитанием, чем это чудище, несмотря на всю его силу-мочь. И это явление вполне объяснимо.

Змеепоклонство, распространенное у многих народов, никогда не было свойственным духу русского народа. Народная Русь и на самой первобытной ступени развития всегда относилась к змею как к низшему (хотя и одаренному лукавой мудростью) существу, не позволявшему ее могучему, рвущемуся от земных пределов к небесным нивам, духу искать в пресмыкающемся предмете обожествления. Летучий, огнедышащий дракон, и устрашая своим видом трепетавшего перед ним сына *Матери-земли*, оставался все тем же змеем.

В то время как другие народы видели в драконе предмет поклонения, наш пахарь выходил на борьбу с этим грозным чудовищем, высылая против него своих могучих сынов. Драгоценнейшие памятники русского народного слова — былины киевского периода — сохранили от забвения могучие образы богатырей, выступавших на единоборство с грозным воплощением всего лукавого, порабошающего. Эти богатыри-змееборцы — плоть от плоти, кость от кости народной, в их, выходящих из всяких границ обыденного, обликах чувствуется мощное биение стихийного народного сердца. В них восстает перед взором современного читателя-слушателя одухотворенный верою в торжество светлой-праведной свободы Земли Русской могучий своею тысячелетней самобытностью дух русского народа, которому все по плечу, для которого нет на белом свете ничего невыполнимого-непосильного. Перед высокой силою воли созданных народом-пахарем богатырей, одушевленных неугасимым пламенем нелицемерной любви к воскормившей-воспоившей их родной земле, в позорном бессилии никнет кичащаяся своим дородством сила залегающих пути-дороги, облегающих города православные, требующих данью в свои пещеры земных дочерей и

жен русских на съедение и поругание змеев тугариных, тугаринов змеевичей, змеищ горынчищей. Меркнет перед светом их горящего своею действенной верою сердца чадное полымя дракона лютого.

Змей Горыныч — обитатель пещер, уходящих в неизведанные глубины гор, оттого-то, по объяснению наследователей древних сказаний, и звался-величался он Горынычем.

Под Змеем Горынычем подразумевались прежде всего грозные темные тучи, залегающие на небе пути-дороги солнцу красному и лишаящие тем весь согреваемый его лучами живой мир главного источника жизни. С течением времени дракон-змей является уже не в виде самой тучи, а вылетающих из этой "небесной горы" молний. Змеевидность последних сама говорит об этом воплощении.

Впоследствии перенеслось представление о Змее Горыныче с молний на метеоры, проносящиеся над землей и рассыпающиеся на глазах у всех. Летит такой "змей", по словам народа, что шар огненный, искрами — словно каленое железо — рассыпается. "Из рта его огонь-полюмя, из ушей его столбом дым идет"... — гласит про него сказание, повествующее о битве Егория Храброго со "змеем лютым, огненным".

В былинном сказе про *Добрыню Никитича* в таковых словах описывается появление "лютого зверя Горынчища":

**Ветра нет — тучу нанесло,
Тучи нет — а только дождь дождит,
Дождя нет — искры сыплются:
Гром гремит, да свищет молонья!
Летит Змеище-Горынчище,
О двенадцати змея хоботах...**

Ревет он таким зычным голосом, что дрожит от змеиного рева лес-дубровушка; бьет хвостом он по сырой земле — реки выступают из берегов; от ядовитого дыханья змеиного сохнет трава-мурава, лист с дерев валится. Кажись, нет и спасения встречному человеку от такого чудища грозного! Но не таков дух русского народа, чтобы трепетать в бессильном страхе даже и перед подобным порождением темного зла. Исконный пахарь, всю жизнь и все свои силы полагающий на труд ради хлеба насущного, русский народ-сказитель сумел не только победить Змея, но и

запрячь его в соху. До сих пор показывают в приднепровских местах борозды, проведенные плугом, в который был запряжен русский дракон. Тянутся эти "Валы Змеиные" с малыми перерывами на целые сотни верст (в Киевской, Подольской, Волынской и Полтавской губерниях) по лесам, по полям, по болотине. По объяснению ученых, исследователей старины, были проведены эти валы в защиту от набегов степных кочевых племен, нападавших на русские города в отдаленные времена, близкие к язычеству (в IX — X веках). Народ же приписывает происхождение их преданию о "Божьем кузнеце", отождествляя его с киевским богатырем Никитой Кожемякой, который запряг в плуг Змея и вспахал на нем легендарные валы.

Змей Огненный

ВОПЛОЩЕНИЕ змеиной хитрости и силы, которое летает над селами и проникает в избы одиноких девушек и женщин. Если Огненный Змей полюбит девицу, то зазноба неисцелима вовек. Такой зазнобы ни отчитать, ни заговорить, ни отпоить никто не берется. Всякий видит, как Огненный Змей летает по воздуху и горит *огнем* неугасимым, а не всякой знает, что он, как скоро спустится в трубу, то очутится в избе молодцом несказанной красоты. Не любя, полюбишь, не хваля, похвалишь, говорят старушки, такого молодца. Умеет оморочить он, злодей, душу красной девицы приветами; усладит он, губитель, речью лебединою молоду молодицу; заиграет он, безжалостный, ретивым сердцем девичьим; затомит юн, ненасытный, ненаглядную в горючих объятиях; растопит он, варвар, уста алые на меду, на сахаре. От его поцелуев горит красна девица румяной *зарей*; от его приветов цветет красна девица красным солнышком. Без Змея

красна девица сидит во тоске, во кручине; без него она не глядит на Божий свет; без него она сушит, сушит себя!

А на самом деле у Огненного Змея голова шаром, спина корытом, и длинный-предлинный хвост — иногда до пяти сажень. Прилетая на свое место, он рассыпается искрами, которые вылетают как бы из решета, а летает он так низко, что бывает виден от земли не свыше сажени. Посещает он таких только женщин, которые долго и сильно тоскуют об отсутствующих или умерших мужьях.

Самого посетителя сторонним людям не видно, но в избе слышен его голос; он и на вопросы отвечает, и сам говорить начинает. Сверх того, посещения его заметны и потому, что возлюбленные его начинают богатеть на глазах у людей, хотя в то же время всякая баба, к которой повадился Змей, непременно начинает худеть и чахнуть (говорят: "Полунощник напущен"); а иная изводится до того, что помирает или кончает самоубийством (все случаи женских самоубийств приписываются Огненному Змею).

Есть, впрочем, средства избавиться от посещения Змея. Совестьливая и стыдливая баба спохватится и обратится к колдуньям за советом, а уж те укажут, как узнать, кто по ночам приходит: настоящий ли муж или сам нечистый. Для этого они велят в то время, как избранница сидит за столом с Огненным Змеем и угощает всем, что он приносит и выставляет, уронить со стола какую-нибудь вещь и затем, поднимая ее, наклониться и поглядеть: не копытами ли ноги, не видать ли между ними кончика хвоста? Если затем окажется, что прилетевший подлинно нечистый, то, чтобы избавиться от него, надо сесть на порог, очертиться *кругом*, расчесать волосы и в то же время есть коноплю. Когда же Змей спросит: "Что ешь?" — надо отвечать: "Вши".

Это ему столь не по нутру, что он попихнет в бок или ударит, но с того случая больше летать не станет.

Ходят повсеместно слухи о том, что от Огненных Змеев женщины рожают детей, но большей частью недолговечных ("как родился, так и ушел под пол") или прямо мертвых.

Рождение уродов точно так же приписываются участию Змея, причем бабки-повитухи, которые ходили принимать таких детей, зачатых от нечистой силы, рассказывают, что дети рождаются "черненькия, легонькия, с коротеньким хвостиком и маленькими рожками": кикиморы.

Бывали, по словам седой старины, и случаи, что родились от такой любви сразу по двенадцати змеенышей, до смерти засасывающих порождавшую их на белый свет красавицу. Сохранил народ в своих сказаниях вещью память и о таких детях, как Тугарин Змеевич, на которого перенесены были многие черты чудовищного отца.

На помощь прибегают шатающиеся по деревням странники. Они, от всех подобных проказ нечистой силы во образе Огненных Змеев, пишут на бумажках 40 раз псалом: "Да воскреснет Бог" — и велят надеть на крест и носить, не снимая.

Змея

В ПРОСТОНАРОДНОМ воображении она является живым олицетворением всего нечистого, возбуждающего смешанное с ужасом отвращение, всего злого, лукавого, вредоносного.

"Змея умирает, а все зелье хватает!" — отзывается народ наш о злых, жадных до неправедной наживы людях; "Сколько змею ни держать, а беды от нее ждать!" — о лукавых; "Выкормил змейку на свою

шейку!", "Отогрел змею за пазухой!" — о черной неблагодарности.

Видит наблюдательный русский краснослов рядом с собой лъстеца-притворщика — и про того готова у него живая речь: "Лъстец под словами — змей под цветами!", "Глядит — что змея из-за пазухи!" — обмолвилась народная Русь про смотрящего исподлобья, не в меру подозрительного человека.

Нет для открытого другу-недругу глубокого сердца народного ничего хуже лихой клеветы на белом Божьем свете: "Клевета-змея из-под куста укусит!", "У клеветы жало змеиное!" и т.д. Но, по народному же слову, клеветнический навет больней жала змеиного: "Змею завидишь — обойдешь, клевету услышишь — не уйдешь!" Сродни этому выражению мудрости и такие меткие изречения, как: "Лучше жить со змеей, чем со злою женой!", "Сваха лукавая — змея семиглавая!", "Недобрый сват — змее родной брат!"

В стародавние годы, гласит предание, было по всей округе всякого гада ползучего многое-множество, кишмя-кишели змеи-гадюки: ни проходу, ни проезду по дорогам от их змеиной лихости не было. Давно это было — не запомнят и деды наших прадедов. Лютовал змеиный род, нагонял страхи и на Русь, и на нерусь — чудь белоглазую; да послал Бог доброго человека знающего: заклил он их единым словом на веки вечные.

"Змея Медяница! — гласит один такой *заговор*. — Зачем ты, всем змеям старшая и большая, делаешь такие изъяны, кусаешь добрых людей? Собери ты своих теток и дядей, сестер и братьев, всех родных и чужих, вынь свое жало из греховного тела у раба Божьего (имярек). А если ты не вынешь своего жала, то найшу на тебя грозную тучу, камнем тебя побьет, молнией пожжет. От грозной тучи нигде ты не укроешься: ни под землею, ни под межою, ни в поле, ни под колодою, ни в траве, ни в сырых борах, ни

в темных лесах, ни в оврагах, ни в ямах, ни в дубах, ни в норах. Сниму я с тебя двенадцать шкур с разными шкурами, сожгу самое-тебя, развею по чистому полю. Слово мое крепкое-лепкое, не пройдет ни в век, ни вовек!.."

Суеверные люди приписывали змеям силу чар в различных случаях жизни, но более всего верили в любовный приворот с помощью этих чар.

Так, по совету *знахарей*, хаживали они в лес, разыскивали там гадюку. Найдя, они заранее заговоренную палкой-рогулькою должны были прижать змею к земле и продеть через змеиные глаза иголку с ниткою.

При этом обязательно должно было произносить слова:

"Змея, змея! Как тебе жалко своих глаз, так чтобы раба Божия (имярек) любила меня и жалела!"

По возвращении домой надо было поскорее продеть платье приглянувшейся красной девицы этой иголкой, но тайно от всех, а от нее — наособицу.

Если удастся проделать все это — любовь приворожена навеки.

Другие знахари подавали совет: убить змею, вытопить из нее сало, сделать из сала свечку и зажигать ее всякий раз, когда замечаешь остуду у любимого человека. "Сгорит змеиная свеча, и любовь погаснет — ищи другую!" — приговаривали ведуны.

Змиулан

МОГУЩЕСТВЕННЫЙ покровитель черных туч, противник царя *Огня* и царицы *Молоньицы* (*Перуна*, *Мокоши*), связанный с образами *Огненного Змея* и *Змея Горыныча*.

Как и все *змеи* в фольклоре — воплощение хитрости и зла.

Знахарь (шептун)

ДЕРЕВЕНСКИЙ лекарь-самоучка, умеющий врачевать недуги и облегчать телесные страдания не только людей, но и животных. В народе верят, что не стоит доверяться силе целебных снадобий, если они не наговорены заранее или не нашептаны тут же, на глазах больного, так как главная сила врачевания заключается в словах *заговора*, а снадобья служат лишь успокоительным средством. Поэтому-то и зовут знахарей "шептунами", именно за те заговоры или тайн-

ственные слова, которые шепчутся над больным или над целебным снадобьем.

Заговоры воспринимаются или устно, от учителей, или из записей, широко распространенных среди грамотного сельского населения под названием "цветников", "травников" и "лечебников".

Произносятся заговоры шепотом,

чтобы не услышал непосвященный человек (иначе заговоры не имеют никакой силы) и чтобы остались они неотъемлемой собственностью одних только знахарей. Сопровождаются заговоры различными движениями рук, чтобы удержать силу слов, или, как говорится, "запечатать замок".

Главное отличие между *колдунами* и знахарями состоит в том, что первые скрываются от людей и стараются окутать свое ремесло непроницаемой тайной, вторые же работают в открытую и без креста и молитвы, не приступают к делу: даже целебные заговоры их в основе своей состоят из молитвенных обращений к Богу и святым угодникам как целителям. Правда, знахари тоже нашептывают тайно, вполголоса, но зато открыто и смело действуют: "Встанет раб Божий, благословясь и перекрестясь, умоется свежей водой, утрется чистым полотенцем, выйдет из избы к дверям, из ворот к воротам, выступит под восточную сторону, где стоит храм Введения Пресвятой Богородицы, подойдет поближе, поклонится пониже, попросит смотреть лестно, и повсеместно, и повсечасно...". У знахаря не "черное слово", рассчитанное всегда на зло и беду, а везде "крест-креститель, крест — красота церковная, крест вселенный — дьяволу устрашение, человеку спасение". (Крест опускают даже в *воду* перед тем, как задумают наговаривать ее таинственными словами заговора, и таким образом вводят в нее могущественную целебную силу.) У знахаря на дверях замка не висит: входная дверь открывается свободно; в теплой и чистой избе с выскобленными стенами пахнет сушеными травами, которыми увешаны стены и обложен палатный брус; все на виду, и лишь только перед тем, как начать пользоваться, то есть лечить, знахарь уходит за перегородку Богу помолиться, снадобье приготовить. Выговаривая себе всегда малую плату, знахарь уверяет, что берет деньги Богу на свечку, а чаще довольствуется тем количеством яичек от домашних кур, какое принесут, а то так и ничего не возьмет и, отказываясь, окажет:

"Дело божеское, за что тут брать?" Впрочем, плата, даваемая знахарям, не считается зазорной главным образом потому, что ею оценивается лишь знание и искусство, а не волшебство или чародейство. К тому же знахарь немало трудится около своих пациентов, так как крестьяне не обращаются к нему по пустякам, а лишь в серьезных случаях.

Прежде чем больной пришел за советом, он уже попользовался домашними средствами: ложился на горячую печь животом; накрывали его с головою всем, что находили под рукой теплого и овчинного; водили в баню и на полке околачивали вениками до голых прутьев; натирали тертой редькой, дегтем, салом, скипидаром; поили квасом с солью — словом, все делали и теперь пришли к знахарю, догадавшись, что приключилась болезнь не от простой "притки", то есть легкого, нечаянного припадка, а прямо-таки от "уроков", лихой *порчи* или злого насыла, напуска, наговора и чар.

Знахарь, как и весь деревенский русский мир, глубоко убежден, что всякая болезнь есть живое существо. С нею можно разговаривать, обращаться к ней с просьбами или приказаниями о выходе вон, спрашивать, требовать ответов (не говоря уже о таких, например, болезнях, как кликушество, когда сидящий внутри женщины бес не находит даже надобности скрываться и, еще не видя приближающегося крестного хода или проходящего мимо священника, начинает волноваться и выкрикивать женским языком мужские непристойные ругательства и кабацкие сквернословия).

Бывают случаи, когда болезни даже олицетворяются. Так, самый распространенный недуг, сопровождающийся ознобом и жаром и известный под общим именем *лихорадки*, есть не что иное, как одна из двенадцати дочерей библейского царя Ирода. Знахарь умеет распознать, какая именно в данном случае овладела его пациентом: одна ли, например, ломовая,

или трепуха, или две вместе. Он определяет, которая из них послабее, положим, знобуха или гнетучка, чтобы именно с такою-то и начать борьбу. Большой и сам умеет подсказать, гноевая ли это (если лихорадка напала в то время, когда свозили навоз на поле) или подтынница (если болезнь началась, когда усталым он свалился под изгородь в лугах и заснул на мокрой траве).

В том же случае, когда объявлялись сильные боли в крестце или разломило в пояснице так, что не продохнешь, всякий знахарь понимает, что это утин, и что в этом случае надо положить больного животом на порог избы, взять тупой косарь в руки, насекал им спину и вступить с этим утином в переговоры, спрашивая его и выслушивая ответы: "Что рублю?" — "Утин секу". — "Руби гораздо, чтобы век не было" и т.д.

Бесконечное разнообразие знахарских приемов и способов врачевания, составляющее целую науку народной медицины, сводится, в конце концов, к лечению травами.

Знахари и знахарки в деревенской среде считаются людьми, лишь заподозренными в сношениях с нечистой силою, но отнюдь не продавшими ей свою душу.

Так, например, ночью знахарям нельзя даже зажечь *огонь* в избе или продержат его дольше других без того, чтобы соседи не подумали, что знахарь готовит зелье, а нечистый дух ему помогает.

Но, живя на положении подозреваемых, знахари тем не менее пользуются большим уважением в своей среде. Объясняется это тем, что знахарями делаются люди преимущественно старые, одинокие холостяки или старушки-вдовы и престарелые девицы, не сделавшиеся черничками (монашками) потому, что захотели быть лекарками и ворожеями.

Положение подозреваемых невольно делает знахарей слегка суровыми и очень самолюбивыми и самоуверенными.

Да и подбирается сюда не только народ смысленный, но и положительно стоящий выше других на целую голову.

Оттого у знахарей не выходит с соседями ни особенно близкой дружбы, ни хлебосоля, ни откровенных бесед: тайна пуще всего им на руку.

Наряду со знахарем пользуется больных и бабка-лекарка.

Она, так сказать, дополняет знахаря по той причине, что бывают по женской части такие дела, в которые мужчине никак не проникнуть. Бабки-повитухи работают вполне независимо, на свой страх и ответ, причем в некоторых случаях им даже отдается предпочтение перед мужчиной-знахарем, так как бывают такие болезни, где только женская рука, нежная и мягкая, может принести действительную пользу. Так, например, все воспаления глаз всегда и повсюду доверяются лечению исключительно одних знахарок: никто лучше их не сдувает бельма, никому так ловко не вдунуть в глаз квасцов, смешанных с яичным белком. Сверх того, бабка усерднее знахаря: она забежит к своему больному раза три на день. В лечении детских болезней точно так же нет равных знахаркам, хотя и по "сердечным" делам они не утратили заслуженно добытую славу. Они охотно берутся "снимать тоску" с того человека, который лишился любви, но заставить полюбить не могут, так как *присуха* — дело греховное и дается только колдунам.

В этом, собственно, и заключается существенная разница между колдунами и знахарями: то, что наколдуют чародеи, — знахари и знахарки снимут и поправят.

И слава их в этом отношении так велика, что к ним со всех концов стекаются деревенские люди за помощью.

Знич

СВЯЩЕННЫЙ неугасимый *огонь*. Древние славяне почитали его как вечный источник жизни, подателя тепла и света. Во многих городах стояли храмы, где жрецы неусыпно следили за огнем и приносили ему в дар военные трофеи, ибо Знич почитался также покровителем жаркой воинской отваги и храбрости. К нему приходили за помощью и тяжело больные, надеясь получить облегчение, согревшись возле животворного огня. Жрецы по игре Знича предсказывали судьбы людям — и никогда не ошибались. Да и в каждом доме был свой храм Знича: домашний очаг, а попросту — печка.

ЗОЛОТАЯ БАБА

ДРЕВНЯЯ богиня тишины и покоя, домашнего благополучия. Повитухи, повивальные бабки, помогающие молодушкам разрешиться от бремени, почитали ее своей покровительницей, да и всякая женщина не пренебрегала ее советом.

Храм Золотой Бабы находился, по преданиям, в стране Обдорской, при устье реки Обиго. Она держала на руках одного ребенка, а другого вела за руку. Жители тех мест называли ребятишек ее внуками.

Подле Золотой Бабы всегда лежало множество гуслей и других музыкальных орудий, которые непрерывно наигрывали сами собой — то тихонько, то погромче. По звуку их жрецы предсказывали будущее, ибо Золотая Баба почиталась доброй пророчицей.

Почтение к ней было так велико, что никто не осмеливался пройти мимо статуи, не принеся хоть малой жертвы, ну а если вовсе ничего не имел, то вырывал из платья своего нить или волос с головы,

подносил это Золотой Бабе, кланялся в землю. — и тем надеялся ее умиловать. Вообще же в жертву ей приносили соболей да куниц, одевали ее в их шкуры. Даже чужестранцы, верившие в иных богов, не скупилась для нее на золото, серебро и меха, ибо не принесший жертвы Золотой Бабе непременно должен был заблудиться в пути.

ИГОША

МЕРТВОРОЖДЕННЫЙ младенец, которого следует признать за *домового*: класть ему за столом ложку и лопоту хлеба, бросить в окно для него рукавицы и шапку. Если этого не сделать, игоша начнет всячески досажать домочадцам.

ИДОЛ (кумир, истукан)

СТАТУЯ бога, его изваяние. Первые рукотворные изображения богов и духов были неуклюжи, топорны, но со временем, с развитием художественных ремесел, славяне начали уделять больше внимания внешней красоте изображения. По отзывам древних путешественников, статуи *Лады*, *Леля*, *Севы*, *Дидилии* и многих других богов и богинь отличались необычайной, красотой.

Беда в том, что большинство *капищ* славянских и храмов стояли в чашобах, божественные изображения были вытесаны из дерева, а значит, их не щадили ни дожди, ни *ветры*, ни, самое главное, пожары, которые частенько вспыхивали в лесах и деревянных городах наших предков.

Именно поэтому мы только по немногим отзывам, сохранившимся в рукописях историков тех баснословных времен, можем представить себе облик богов и богинь, которым поклонялись наши пращуры.

Идолище погодное

БЫЛИННЫЙ разбойник-великан, который сжирает зараз по целому быку жареному, выпивает по котлу меду или пива, а котел так велик, что его с трудом подымали двадцать человек. Идолище, как и прочие супостаты земли Русской, был убит *Ильей Муромцем*.

Изумруд

ПО СЛОВАМ древних лекарей, цветом зелен, а добывают же его в тех местах, где медную руду копают. *

Если истолченный изумруд в питье положить, то уйдет смертоносный яд и заживут укусы ядовитых гадов. Истолченный изумруд весом с семь ячменных зерен, принятый внутрь при питье, от отравы смертельной избавляет человека. Если на изумруд глядеть долго, тогда зрачок человека укрепляется, а глаза от возможных недугов он в здравии сохраняет, и тому, кто носит его, веселье придает. Тот же толченный *камень*, принятый с питьем, излечивает прокаженных, но помогает также и печени и при болезнях желудка.

ИКОТА

ПО СУЕВЕРНЫМ представлениям, напускная болезнь. Силою чародейного слова нечистый дух заклиняется на чье-нибудь имя; быстро летит он на крыльях *ветра*, и первый встречный, кто носит означенное имя, делается его жертвою. Иногда наговаривают икоту на *камни* или насекомых, и тот, кто запнется о такой камень или проглотит летучую мошку, подвергается истязаниям злого демона.

Илья Муромец

ЛЮБИМЕЙШИЙ герой русских былин. Подвиги не могут изгладиться из памяти народа-пахаря, которого охранял этот богатырь от лютого врага.

Илья муромец, сын Иванович, просидел сиднем тридцать лет и три года "близ славного города Муром, в том ли селе Карачарове", но, едва поднявшись на ноги,, сделался олицетворением несокрушимой силы богатырской дружины, могучим охранителем стольна-града Киева от "поганой орды", налетавшей на Русь православную. Он с честью-славою несет на

своих могучих плечах немалую службу родине, обороняя рубеж великокняжеский, сражаясь то с *Соловьем-разбойником*, то с Калином-царем: олицетворением всех тех супостатов-ворогов, кои терзали Русь. Один Илья Муромец всегда остается "надежей" ласкового князя Владимира-Красна Солнышка — Илья Муромец, первый по старшинству лет в-gridнице богатырской, первый и по силе, добродушный, хотя и не дающий спуска ничьей обиде-похвальбе.

Но князь стольнокиевский далеко не всегда держит в чести старого богатыря: не-только силой грозен Илья Муромец, крестьянский сын, — богат он и смелою правдой-маткою...

Не по сердцу иногда князьям правда мужицкая, серая, "неумытая". Попадает за нее Илья Муромец в погреба, под затворы железные. Но это не умаляет его правдолюбия, не мириться вовек ему, правому, с кривдой-лестью, *змеей* подкольной! Потому-то так крепко и помнит о нем Русь.

Индрик-зверь

ГЛАВА и владыка звериного царства. Ходит он по поднебесью. Когда Индрик-зверь разыграется, вся вселенная всколыбается! От его чудодейных копыт произошли на земле все овраги, котловины и пади, которые потом наполнились водою. В этом сказочном звере легко, по самому его наименованию, узнать единорога, представлявшегося и в не особенно стародавние годы загадочным существом, с которым связывалась в суеверном воображении мысль о сверхъестественной силе и мудрости. Еще в XVII столетии рогу этой "матери всем зверям" приписывались целебные свойства, и уверенность в этом была настолько велика, что даже царь Алексей Михайлович, по свидетельству дворцовых книг (1655 г.), соглашался за три

таких рога заплатить десять тысяч рублей соболями и мягкой рухлядью (мехами). Сведущие в целении болезней русские люди того времени были убеждены, что рог единорога не только может оказывать помощь в различных болезнях, но и дает владеющему им человеку уверенность в цветущем здоровье на всю жизнь долголетнюю.

Ирий-сад (Вырий-сад)

ДРЕВНЕЕ название рая у восточных славян. Светлое небесное царство находится по ту сторону облаков, а может быть, это теплая страна, лежащая далеко на

востоке, у самого моря, — там вечное лето, и это — солнца страна.

Там растет мировое древо (наши предки полагали, что это береза или дуб), у вершины которого обитали птицы или *души* умерших. Ключи от Ирии были некогда у вороны, но та прогневила богов, и ключи перешли ласточке.

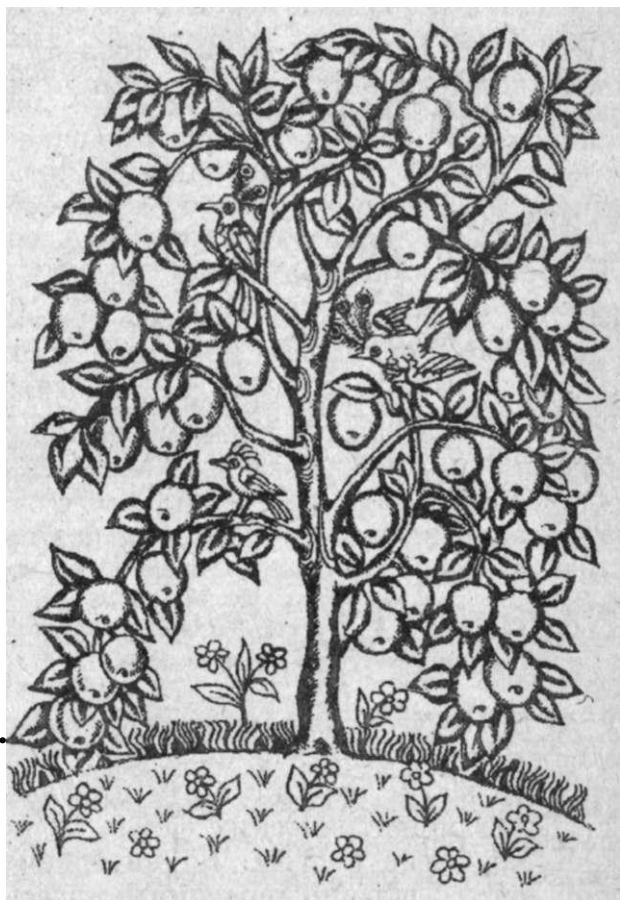
По свидетельству народных легенд, в Ирии, у колодцев, находятся места, приготовленные для будущей жизни хороших, добрых людей.

Это *студенцы* с чистой ключевой водой, при которых растут благоухающие цветы, зреют на *деревьях* молодые яблоки и сладко поют райские птицы.

Праведных ожидает в Ирии такое несказанное блаженство, что время для них как бы перестанет существовать.

Целый год пролетит как единый неуловимый миг.

А триста лет покажутся всего-навсего тремя счастливыми, сладостными минутами...

Каженик

ЧЕЛОВЕК, которого обошел (обвеял вихрем) *леший*, из-за чего случается потеря памяти, помешательство, безумный' бред, столбняк.

КАМНИ

КОСТИ Земли. Наши предки, считая Землю живым существом, сравнивали просторы суши с исполинским телом, а скалы и камни — с костями. Именно поэтому волшебные свойства всей *Матери-Сырой земли* постепенно перешли на некоторые камни: см. статьи "Агат-камень", "Алмаз-камень", "Бирюза-камень" и проч.

КАПИЩА (требище)

У ДРЕВНИХ славян места приношения жертв богам и божествам, отправления служб. Святилища под открытым небом нередко были круглыми, состоящими из двух концентрических валов, на которых разводились круговые костры. Во внутреннем кругу ставились *идолы*, обычно деревянные; здесь горел жертвен-

ник и здесь "жрали бесам", то есть приносили жертвы богам. Это именовалось капищем. Внешний круг, по всей вероятности, предназначался для потребления жертвенной ритуальной пищи и назывался требищем. Круглая форма святилищ определила их название хорумами (от "хоро" — круг), а в ином произношении — храмами. Позднее христианские церковники удержали это очень древнее слово за православными ритуальными зданиями, хотя их форма и не соответствует этимологии слова "храм".

Порою славяне служили своим богам прямо в лесу или в горах, на берегах рек или моря, например, *Студенец* сам был святилищем, да и каждый омут, в котором мог затаиться *водяной*, каждая березка, где качались *русалки*, была капищем! Волхвы в присутствии народа совершали обряды веры на природных алтарях, которыми служили огромные *камни*, величавые *деревья*, вершины гор, но с течением времени, желая сильнее воздействовать на людей и почтитель-

нее служить богам, вздумали набросить еще более плотный покров тайны на сие действо: защитили обожаемые кумиры от дождя и снега кровлею, и такое-то простое здание было самым первым храмом. Мысль сделать его достойным жилищем богов требовала величия, и славяне принялись строить высокие деревянные храмы, украшая их резьбою необычайной пышности. И на хол-

ме Киевском, и на берегу Волхова, и в других местах нашего Отечества стояли храмы достаточно огромные и пышные, сооруженные со всем возможным искусством в резьбе и зодчестве.

Большинство славянских земель окружали леса, но северо-западные племена жили на берегу моря или в горах, а уж там-то было много камня для строительства еще более величественных и прочных храмов. Путешественники тех времен оставили восхищенные отзывы об этих святилищах. Трудно вообразить, как наши предки, не зная изобретенных механикой способов, воздвигали такие громады, которые равнялись с самыми высокими скалами и могли казаться народу творением рук божественных!

В святилищах возвышалась статуя бога, которому сей храм был посвящен. Например, в древнем городе Штетине, по отзывам древних путешественников, было четыре храма, и главный из них отличался своим художеством, украшенный внутри выпуклыми изображениями людей, птиц и зверей, так сходных с природою, что они казались живыми. Краски с внешней стороны храма не смывались дождем, не бледнели и не тускнели. Следуя древнему обычаю предков, жители города отдавали в храм десятую часть своей воинской добычи и оружие побежденных неприятелей. В святилище хранились серебряные и золотые чаши, из коих в торжественных случаях люди знатные ели и пили, рога буйволов, оправленные золотом: они служили и чарами, и трубами. Прочие драгоценности, там собранные, удивляли своим богатством. В трех других капищах, не столь украшенных и менее священных, были вокруг стен поставлены лавки, ибо славяне любили в храмах собираться для обсуждения важных дел, а также для пиров и веселия.

Описывают, что и деревянный храм Арконский был срублен весьма искусно, украшен резьбою и живописью; одни ворота служили для входа в его ограду;

внешний двор, обнесенный стеною, отделялся от внутреннего только пурпурными коврами, развешанными между четырьмя столбами, и находился под одной с ним кровлею. В святилище стоял идол *Святовида*, а в отдельном здании хранились казна и драгоценности.

Храм в Ретре, также деревянный, славился изображениями богов и богинь, вырезанных на внешних его стенах; внутри стояли кумиры в шлемах и латах, а в мирное время хранились там знамена. Дремучий лес окружал сие место; сквозь просеку, вдали, представлялось глазам море в виде грозном и величественном. Славяне вообще с уважением относились к святыням храмов и даже в неприятельских землях старались не осквернять их.

КАРАВАЙ

В РАЗЛИЧНЫХ ритуалах восточных славян это обрядовый круглый хлеб с украшениями — и в то же время мифологическое существо, символ плодородия. Приготовление каравая было связано со множеством торжественных действий, обрядов, длившихся несколько дней при участии особенных жрецов (даже и в XVI—XVII веках были специальные придворные — "каравайчата"); использовались архаические орудия, в частности, обрядовые жернова для приготовления муки. По словам старинной песни, "сам бог каравай месит": люди просят бога спуститься с неба, чтобы помочь им месить тесто и печь. Связь каравая с богом отражается в его украинских названиях: дивень, дивний каравай. В свадебных обрядах каравай, разломленный на две половинки, воплощал жениха и невесту. Также принадлежал он *светилам*, в белорусской обрядовой поэзии отождествлялся с солнцем и месяцем. Согласно сказаниям, каравай, вернувшийся с неба,

видел там месяц с *зарей* и *звезды*. Настоящий обрядовый каравай украшался исконными символами: изображением мирового древа и фигурками птиц и животных.

Карачун (Корочун)

ДРЕВНИЕ славяне почитали его подземным богом, повелевающим морозами. Его слугами были *медведишатуны*, в которых оборачивались бураны, и стаи волков-метелей. Позднее люди стали считать Карачуна богом скотьего падежа. День Карачуна совпадал с одним из самых холодных дней зимы, 23 декабря, когда перестают укорачиваться ночи, а солнце смотрит уже не на мороз, а на тепло. Вот эта темная, непонятная сила, которая укорачивала светлую часть суток, и есть Карачун. Бог этот был столь грозен и неумолим, что до сих пор выражение "задать карачуна" означает умереть, пришибить, убить или злодейски замучить кого-то.

Кий-Бий

СКАЗОЧНОЕ оружие, побивающее врагов по богатырскому приказу.

Кикимора

ПРАЩУРЫ наши почитали ее злым божеством ночных кошмаров, а позднее — недобрым духом крестьянской избы. Родится она у красной девицы от *Змея Огненного*, а потому проклята еще до своего рождения. От этих проклятий детище пропадает из утробы матери, и нечистая сила переносит ее за тридевять земель, к злым *колдунам*, где оно и нарекается кикиморой, злым летучим духом. К семи годам вырастает зачатое детище, научается всякому недоброму волшебству. С виду кикимора тонешенька, малешенька, голова с наперсточек, а тулово не толще соломинки. Но, несмотря на свое убожество, видит она далеко по поднебесью, скорей того бегаёт по земле.

Никем не знаячи, пробирается кикимора в крестьянскую избу, никем не ведаючи, поселяется за печку. Отсюда и выходит она по ночам, чтобы проказить с веретенами, лрялкой, вязаньем, начатой пряжей. Берет бабье рукоделье и садится на своем излюбленном месте — в правом от входа углу, подле самой печи. Сидит ли, прядет ли кикимора — беспрестанно подпрыгивает на одном месте. Только и слышно, как свистит на всю избу веретено, крутятся нитки. Впрочем, хоть кикимора и прядет, толку от ее работы нет. Перепутает нитки, скомкает куделю, а потом уберется за печку, чтобы и там стучать коклюшками, пугая малых детей.

Но это еще ничего — так, озорство! Вот если при-

Образовалась целая своеобразная наука о различных способах отрывать и находить клады. Для получения клада надо, прежде всего, знать зарок, с которым он положен, а эти заклятия настолько капризны, что без записей или подсказок знающих людей невозможно и приступить к делу. Так, например, на большой дороге, между почтовой и казенной просекой, зарыт клад; чтобы найти его, надо спеть 12 песен, но таких, чтобы ни в одной не было сказано ни про друга, ни про недруга, ни про милого, ни про немилого. Лежит другой клад под сосной; чтоб получить его, нужно влезть на эту сосну вверх ногами и спуститься назад точно так же, вниз головой. Разбойники обычно зарывали свои сокровища "на сто голов человеческих", но значение этого заклятия мудрено отгадать: сотому ли дураку приходиться, чтоб дались те деньги на голодные зубы, или следует самому быть разбойником, чтобы загубить сто человек, прежде чем взяться за заступ.

Бывают на клады и такие мудреные заклятия: "Попадайся клад доброму человеку в пользу, а рудому на гибель", — или еще: "Тому это добро достанется,- кто после моей смерти тотчас же голым пропляшет"; зарывают и на человека определенного имени — это, если можно так выразиться, "именные" клады.

Для заурядных искателей чужого зарытого добра исстари существуют могущественные средства, при помощи которых можно одновременно узнать и место нахождения клада, и способ добычи его. *Беда* только в том, что эти средства даются нелегко. Таковы цвет папоротника, *разрыв-трава*, шапка-невидимка и косточка-счастливка. Первый, хотя и принадлежит к числу бесцветковых растений, но в ночь на Ивана Купалу, когда, по народному убеждению, все цветы на земле достигают наивысшей силы расцвета, горит несколько мгновений огненно-красным отливом. Вот этот-то момент и должен уловить кладоискатель,

видится она с прялкой на передней лавке, быть в доме покойнику. И если кого невзлюбит — всех из избы выгонит своими причудами. Ничто кикиморе не по сердцу: и печь не на месте, и стол не в том углу, и скамья не по той стене. Принимается она все бросать, швырять, перестанавливать. Так же плохо, если уйдет она из избы жить в курятник. Всем курам перья повыщиплет! Можно, конечно, в курятнике повесить "курячьего бога" — это камень с природной сквозной дыркой. Можно все в избе перемыть настоящей горького корня

папоротника: кикимора его очень любит и за угождение может всех оставить в покое. Но самое лучшее и надежное — призвать на Герасима-грачевника (4 марта по старому стилю) *знахаря* и особыми, потайными заговорами изгнать непрощенную гостейку!

КЛАДЫ

БЕЗГРАНИЧНАЯ и неудержимая в поисках чудесного народная фантазия сумела изобрести особых духов, которые охраняют зарытые в земле сокровища и ценности, известные под именем кладов. Зовутся они кладовиками, кладовыми, а подручные их — кладенцами.

чтобы обеспечить за собой успех. Нечистая сила, охраняющая клад, очень хорошо знает таинственные свойства папоротника и, со своей стороны, принимает все меры, чтобы никому не позволить овладеть цветком. Она преследует смельчаков диким хохотом и иступленными воплями, наводящими ужас даже на человека неробкого десятка.

Однако на все эти острастки нечистой силы все-российское предание советует не обращать внимания, хотя, как говорят, не было еще случая, чтобы самый хладнокровный смельчак остался равнодушным ко всем этим ужасам. Но зато бывали случаи, когда папоротник сам собой попадал некоторым счастливым, задевавшим его нечаянно ногою, в лапоть. С той поры такие избранники все узнавали и видели, замечали даже место, где зарыт клад, но лишь только, придя домой, разувались и роняли цветок, как все знания Исчезали и счастье переставало улыбаться им. Некоторые думают даже, что стоит положить цветок за щеку в рот, чтобы стать невидимкой. Впрочем, для последней операции придумана особая *кость-невидимка*, которую находят в разваренной черной *кошке*.

Разрыв-трава кладоискателями также отыскивается в ночь на Ивана *Купала*. С ее помощью можно ломать все замки, сокрушать все препоны и разрушать все преграды. Но так как и она, подобно папоротнику, держит цвет не дольше того времени, которое полагается для прочтения символа веры и молитв Господней и Богородичной, то имеется, следовательно, достаточное основание считать ее просто сказочным зельем."

Сверх Таинственных обрядов и сложных приемов, из которых ни одного нельзя позабыть, для искателей

кладов придуманы еще *заговоры* и даже молитвы: "Пойду в чистое поле, во леса дремучие, за черные грязи, через *океян-море*". А здесь "стоит столб, а на нем сидит Спас-Пресвятая Богородица"; "За болотом немного положено — мне приходится взять. Отойди же ты, нечистая сила, не вами положено, не вам и стеречь". При розыске таинственных сказочных цветков главная мольба заключается в том, чтобы *"черт"* поиграл им да опять отдал и не шутил бы, не глумился над рабом Божьим". В самодельных же молитвах, придуманных для раскрытия клада, рассчитывают на то, чтобы силою слов и знаменем креста сокрушить нечистую силу, приставленную сторожить клад, и "отчитать" самый клад. Впрочем, прямой нужды в этом отчитывании не имеется, но требуются особые благочестивые приемы в тех случаях, когда над кладом находится или часовня, или поставлен крест, или висит на золотой цепи икона Богородицы в золотой ризе, или же, наконец, подвешена одна лампадка. И то, и другое, и третье знаменует присутствие клада, который спрятан с таким зарокom, чтобы нашедший его построил церковь или часть приобретенного разделит нищим или разнес по чтимым монастырям. Народное воображение — даже над кладами великого чародея и беспримерного богача Стеньки Разина — поставило в некоторых местах иконы Богоматери и перед ними повесило неугасимые лампы.

Когда, при помощи папоротника, клад будет найден, то кладоискатель еще не может считать свое дело оконченным, так как мало найти клад — нужно еще уметь взять его. Иным счастливым не надо ни молить, ни заклинаний, ни вызывных книг, ни руководителей — к ним сами клады напрашиваются; а у иных неудачников уже найденные, открытые, из рук уходят, не даются.

Если клад, выходя из-под земли, превращается в какое-либо животное или даже в живого человека,

надо его ударить наотмашь левой рукой со словами "аминь, аминь, рассыпья". Без этого кладом не овладеешь. К одной нищенке в то время, как она шаталась по селу, приставал петух, теребил ее за подол, совался под ноги; ударила его старуха палкой — и рассыпался петух деньгами. Один старик гвоздарь шел как-то из деревни в город. Дело было под вечер. •Вдруг среди поля что-то загрохотало. Оглянулся — катится бочка, а со стороны кричит чей-то голос: "Перекрести дорогу!" Старик испугался, отскочил в сторону — покатила бочка мимо, а в ней ясно слышен был звон серебряных денег. Деревенские ребята пошли искать клад и по пути позвали с собой одинокого старика, жившего на краю села в избушке. Старик отказался: "Зачем идти искать — коли Бог захочет, так и в окошко подаст". Долго искали клад ребята, но ничего не нашли. На обратном пути увидели под кустом мертвого барана: "Давай подкинем его старику в окошко". Утром увидел у себя старик мертвого барана, взял, благословясь, его за ноги, чтобы выбросить на двор, а баран и рассыпался по избе червонцами.

Одному дьякону каждый полдень являлся неведомый мужик со всклокоченными волосами и бородой, в синей изорванной рубахе и таких же портках. Появится — убежит в сарай и пропадет, и все на одном и том же месте. Смекнул дьякон, в чем дело, и стал рыть в том месте землю. Вырыл яму в сажень глубиной и наткнулся на пивной котел, прикрытый сквородой. Хотел было его вытаскивать, да вдруг слышит чей-то грубый голос: "А что ты тут, добрый человек, делаешь?" — "А тебе какого черта нужно?" — ответил дьякон и тотчас же услышал, как в руках его дрогнул котел и затем медленно и тяжело начал погружаться в землю. Догадайся дьякон позвать того человека на помощь — и стал бы богачом.

У других неудачников случается и по-иному. Рюют двое, сговорившись поделиться поровну, да

стоит одному подумать про себя, как бы нарушить договор, — и тотчас же полуотрытый клад загремит и провалится. Иные даже домой принесут добычу с намерением исполнить зарок, предписывающий сделать какое-нибудь пожертвование, но, залюбовавшись сокровищем, спрячут до доброго случая, а потом раздумают: у таких вместо денег оказываются либо черепки разбитого горшка, либо стекольные вершки от бутылки.

Кликуши

ПО НАРОДНЫМ поверьям, *колдуны* и колдуньи напускают на людей и домашний скот *порчу*, то есть томят, сушат, изнуряют болезненными припадками. Кликуши — это женщины, страдающие падучею или другими тяжкими болезнями, соединенными с бредом, пеною у рта и корчами; они издают дикие вопли и утверждают, будто злые вороги колдуны и *ведьмы* посадили в них бесов, которые и грызут их внутренности.

Колдун (чародей, ворожбит)

СУЕВЕРНЫЙ страх перед колдунами покоится на общенародном убеждении, что все они состоят в самых близких отношениях с нечистой силой и что *черти* не только исполняют все их поручения, но даже надоедают, требуя для себя все новой и новой работы. Что ни придумают чародеи — все чертям нипочем, одна забава: пошлют иные колдуны на елке хвою считать, каждую иголку перебрать, чтобы бесы искололи себе лапы, изошли кровью от укулов, а они сказывают верным счетом да еще самодовольно ухмыляются-

ся. Листья пошлют ли считать — а осиновый лист, как известно, неподатлив: без ветру изгибается, без устали шевелится, ухватить себя лапами не дается. Долго черти с ними бьются; пот с них льется градом несмотря на то, что на осине листьев меньше, чем иголок на елке, — однако и глазом заказчик едва успел мигнуть, как работа у чертей окончена. Вбил один колдун в озеро кол и оставил конец под *водой*: "Заливайте, говорит, кол решетом". И по сию пору черти трудятся!

Колдуны бывают природные и добровольные, но разницы между ними нет никакой, кроме того, что последних труднее распознать в толпе и не так легко уберечься от них. Природный колдун, по воззрениям народа, имеет свою генеалогию: девка родит девку, эта вторая приносит третью, и родившийся от третьей мальчик делается на возрасте колдуном, а девочка *ведьмой*. Впрочем, помимо этих двух категорий колдунов существуют, хотя и очень редко, колдуны невольные. Дело в том, что всякий колдун перед *смертью* старается навязать кому-нибудь волшебную силу, иначе ему придется долго мучиться, да и *Мать-Сыра Земля* его не примет. Поэтому знающие и осторожные люди тщательно избегают брать у него из рук какую-нибудь вещь, даже самые родные стараются держаться подальше, и если больной попросит пить, то не дадут из рук, а поставят ковшик так, чтобы он сам мог до него дотянуться.

Рассказывают, что один колдун позвал девку и говорит: "На тебе!" Та догадалась: "Отдай тому, у кого взял".-

Застонал он, заскрипел зубами, посинел весь, глаза налились кровью. В это время пришла проведать его племянница; он и к ней: "На, — говорит, — тебе на память!" Та спроста приняла пустую руку — захохотал он и начал кончаться.

Для невольного колдуна возможно покаяние и спасение: их отчитывают священники и отмаливают

в монастырях, для природных же нет ни того, ни другого.

Посвящения в колдуны, в общем, сопровождаются однородными обрядами, смысл которых повсюду сводится к одному — к отречению от Бога и царствия небесного и затем к продаже души своей черту. Для первого довольно снять с шеи крест и спрятать его под правую пятку или положить икону на землю вниз ликом и встать на нее ногами, чтобы затем в таком положении говорить богохульные клятвы, произносить заклинания и выслушивать все руководящие наставления сатаны. Лучшим временем для этого, конечно, считается глубокая полночь, а наиболее удобным местом — перекрестки дорог как излюбленное место нечистой силы.

Удобны также для сделок с чертом бани, к которым, как известно, приставлены особые духи. При заключении договоров иные черти доверяют клятвам на слово, другие от грамотных требуют расписки кровью, а неграмотным велят кувыряться ведомое число раз через столько-то ножей, воткнутых в землю. Когда все обряды благополучно окончены, к посвященному на всю жизнь его приставляются для услуг мелкие бойкие чертенята.

Для изобличения колдунов в некоторых местах знают три средства: вербную свечу, осиновыя дрова и рябиновый прут. Если зажечь умеючи приготовленную свечу, то колдуны и колдуньи покажутся вверх ногами. Равным образом стоит истопить в великий четверг (на Пасхальной неделе) осиновыми дровами печь, как тотчас все колдуны придут просить золы. Рябиновая же палочка помогает опознавать этих недоброхотов во время светлой заутрени: они стоят спиной к иконостасу.

Колдуны большей частью — люди старые, с длинными седыми волосами и нечесаными бородами, с длинными неостриженными ногтями. В большинстве случаев они люди безродные и всегда холостые, зару-

чившиеся, однако, любовницами, которые к таким сильным и почетным людям очень прилипчивы. Избенки колдунов, в одно окошечко, маленькие и сбоченившиеся, ютятся на самом краю деревни, и двери в них всегда на запоре. Днем колдуны спят, а по ночам выходят с длинными палками, у которых на конце железный крюк. Как летом, так и зимой надевают они все один и тот же овчинный полушубок, подпоясанный кушаком. По наружному виду они всегда внушительны и строги, так как этим рассчитывают поддержи-

вать в окружающих то подавляющее впечатление, которое требуется их исключительным мастерством и знанием темной науки чернокнижия. В то же время они старательно воздерживаются быть разговорчивыми, держат себя в стороне, ни с кем не ведут дружбы и даже ходят всегда насупившись, не поднимая глаз и устрашая взглядом исподлобья, который называется "волчьим взглядом".

Пользоваться помощью колдуна, как равно и верить в его сверхъестественные силы, наш народ считает за грех, хотя и полагает, что за этот грех на том свете не угрожает большое наказание. Но зато самих чародеев за все их деяния обязательно постигнет лютая, мучительная смерть, а за гробом ждет суд праведный и беспощадный.

Самая смерть колдунов имеет много особенностей. Прежде всего колдуны заранее знают о смертном часе (за три дня), и, кроме того, все они умирают приблизительно на один манер. Чародеев бьют судороги, и настолько сильно, что они не умирают на лавке или на полатах, а непременно около порога или под печкой. Если над таким колдуном станут читать "псалтырь", то в полночь он вскакивает и ловит посиневшего от страха чтеца.

Колдуны перед смертными страданиями успевают дать родным словесное завещание: если умрет в поле — не вносить в избу, умрет в избе — выносить не ногами вперед, по обычаю всех православных, а головой, и у первой реки заблаговременно остановиться, перевернуть в гробу навзничь и подрезать пятки или подколенные жилы.

Все твердо знают, что необходимо тотчас же, как только зароят могилу колдуна, вбить в нее осиновый кол с целью помешать этому покойнику подыматься из гроба, бродить по белу свету и пугать живых людей. Умирают колдуны непременно очень долго и страшно, так как им указано мучиться сверх положенного.

Одна колдунья, например, умирала целых шесть дней: к вечеру совсем умрет — затихнет, положат ее на стол, а наутро она опять залезет в подполье и снова жива.

Вытащат ее оттуда, а она опять начинает мучиться: корежит ее и ломает, вся она посинеет, высунет раздутый язык наружу и не может спрятать. Дивуется народ, а не догадается снять конец (верх крыши)

или хотя бы одну жердочку, чтобы облегчить предсмертные страдания.

Самые похороны колдунов — вещь далеко небезопасная, и, зарывая их в землю, надо смотреть в оба, чтобы не случилось какой-нибудь беды. Так, на похоронах одного колдуна крестьяне не заметили, как дочь его, слепо повинувшись воле умершего, положила в могилу свежесжатой ржи. Сейчас же после этого грянул гром, нашла грозовая туча с градом, и выбило полевые посевы. С тех пор каждый год в день похорон этого колдуна стало постигать Божье наказание, так что крестьяне наконец решили миром разрыть могилу, вынуть гнилой сноп и только тогда успокоились.

Почти все деревенские напасти имеют прямую или косвенную связь с кознями чародеев. Эта нечисть вредит человеку, вредит скотине и переносит свою ненависть даже на растения. Есть, однако, растения, животные и даже вещи, которые помогают волшебству: филины, *совы*, черные, безо всякого пятнышка, *кошки*, лягушки, *змеи* и всякие пресмыкающиеся гады, безразлично какие, 12 железных ножей — для превращения в *оборотней*; осиновая зола, добытая у соседей в великий четверг, сажа из церковной печи; травы: *разрыв-трава*, любжа, Иван-да-Марья и др.

Тот колдун, который причинил *порчу*, снять ее уже не в силах — надо искать другого, хотя бы и слабенького. И наоборот: если свой колдун успел обезопасить от всяких чар, то чужому тут нечего делать. Последнее всего виднее замечается на свадьбах, около которых преимущественно и сосредоточивается деятельность колдунов.

Чтобы избавить молодых от *порчи*, колдунов обыкновенно зовут на свадьбы в качестве почетных гостей, причем еще в дверях избы приглашенного встречает сам хозяин низким поклоном, со стаканчиком водки. Вторую чарку колдун попросит сам и затем уже смело начинает кудесить с доброй целью

предупредить возможность порчи: берет из рук хозяйки поднесенный хлеб и соль, разламывает хлеб на кусочки, круто насыпает солью и разбрасывает по сторонам. Плюнувши три раза на восток, входит он в избу, осматривает все углы, дует в них и плюет, потом в одном сыплет рожь, в другом свою траву, в остальных двух золу: рожь против порчи, траву на здоровье молодых.

Оглядит пристально пол: не набросано ли желтого порошка — ведомого, опасного зелья; заглянет в печь: не кинуты ли на загнетку с угольями такие травы, от которых смрад дурманит у всех головы, а у иных баб вызывает рвоту (бывали случаи, когда поезжане из-за этого смрада покидали избу и свадьбу отсрочивали). Затем колдун выходит на двор и три раза обходит лошадей, назначенных для поезда под жениха и невесту. Заглядывает под хомут: не положил ли какой-нибудь недоброхот репейника или иных колючек. В избе обсыпает молодых рожью, заставляет проходить через разостланный под ноги черный полушубок и этим вконец изводит навеянную порчу.

Провожая до церкви, он на каждом перекрестке и под каждым воротами (которые считаются самыми опасными местами) шепчет заклинанья. Из-под венца велит ехать другой дорогой. На свадебном пиру принимает первые чарки и напивается прежде всех до полного бесчувствия. Только тогда его увозят домой с выговоренными подарками, сверх денег: холстом и расшитыми в узор, но не в кресты полотенцами.

В лесных захолустьях еще живы рассказы о том, как целые свадебные поезда лихие люди оборачивали в *волков*, как один неприглашенный колдун высунул в окно голову и кричал ехавшему по селу поезду: "Дорога на лес!" — а колдун приглашенный отчурывался своим словом: "Дорога на поле!" — и с соперником сделалось то, что у него выросли такие рога, что он не мог высвободить головы из окна, пока

на обратном пути не простили его и не освободили. Другой раз под ноги передней лошади колдун бросил рукавицу на волчьем меху, и лошадь зафыркала, остановилась как вкопанная и задержала весь поезд, который должен совершить свой путь без помех и препятствий. Против всех этих козней колдунов придумано бесчисленное множество самых разнообразных, хотя и малодейственных, средств: тут и лук, и *чеснок*, и янтарь, и ладан, столь ненавистные чародеям, и крест, нашитый на головной платок невесте, и монета, положенная ей с наговором в чулки, и иголки без ушек, зашитые в подоле платья, и льняное семя, насыпанное в обувь. Все эти меры предосторожности обыкновенно составляют заботу свахи, хотя у колдуна, в свою очередь, припасен гороховый стручок о девяти горошинах — средство, перед которым ничто не устоит.

Колодезники

В НАРОДНЫХ верованиях эти мастера наделены особыми свойствами, ибо вырыть колодец в нужном месте — задача непростая. "С Федора Стратилата колодцы рой! — гласит старина вещими устами знающих людей. — Будет *вода* в них и чиста, и пьяна, и от всякого лихого глаза на пользу!" Под Федоров день — на Федотов вечер, на 8 (21) июля, ставят колодезники на те места, где поутру думают землю копать — воду добывать хотят, — "наговоренные", по особому порядку-обряду изустному, сковороды и оставляют их -до утра. Перед солнечным восходом идут они и, с первым проблеском красного солнца, снимают сковороды, чтобы загадывать по ним об успехе предстоящей работы: отпотеет, покроется выступившею каплями водою сковорода — "многоводная жила" на этом месте, рой, благословясь, хватит пойла

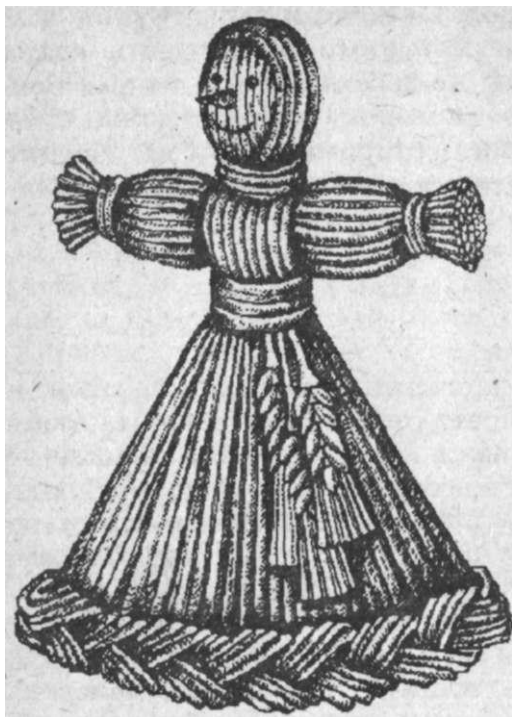
не то что внукам, а и деткам их правнуков! Мало поту земного на сковороде — мало и воды. Сухая сковорода — впору уходить с этого места: хоть год в земле копайся, до жилы не доберешься! А не дай Бог, замочит наговоренную сковороду сверху дождем — все время, до нового лета, спорины не будет. Крепко придерживается колодезник этой приметы.

Колюка -Трава

ЧАРОДЕИ окуривают листьями этой травы заговоренные ружья, а в древности окуривали стрелы, с которыми предки наши шли на охоту: чтоб добыча не могла избежать их меткого выстрела. Сыскать колюку-траву в лесу очень просто: по ранним зорям по дважды кличет она: "Ук! Ук!" человеческим голосом, отчего иногда называют ее трава Ревяка или Кликун. Кто не проспит клику сего, тот заветную траву сыщет — и ружье его никогда знать промаху не будет. Есть, правда, одна трудность: кликун-траву к себе человека не подпускает, в руки ему не дается. Чтобы взять ее, надо знать особый секрет: следует вокруг нее на сажень очертить *круг*, чтобы трава стояла точно в середине, и "выкопать ее с корнем из земли не раньше, чем она поклонится тебе. Копай же с осторожностью, ибо корень колюки-травы видом точно как человек: голова, руки, ноги. Надо быть бережным с ним и с волшебной силой травы этой!"

Коляда (Коледа)

ВОПЛОЩЕНИЕ исконно повторяющегося новогоднего цикла. Иногда Коляду изображал сноп или соломенная кукла, принесенные в дом на Рождество.

Его имя постоянно звучит в "колядках" — песнях, которые исполнялись хороводом по дворам молодежи и содержали магические заклятья: пожелания благополучия дома и семье, требование подарков от хозяев — иначе скупым предрекалось разорение. Иногда сами подарки: печенье, каравай — назывались Колядой. Сопровождалось все это ряженьем в коня, козу, корову, медведя и других животных, воплощавших плодородие.

Конь

В ДРЕВНЕЙШИЕ времена, когда славяне обожествляли всю видимую и невидимую природу, конь одинаково считался детищем *Белбога* (стихии света) и *Чернобога* (стихии мрака), причем, доброму богу посвящался белый конь, а злому — черный. Подобно этому и смена дня ночью представлялась воображению язычников бегом-состязанием двух коней. "Обгонит белый конь — день на дворе, вороная лошадка обскачет — ночь пришла!" — еще и теперь говорят в народе. "Конь вороной через прясла глядит", — можно услышать перед наступлением ночи.

Во всех славянских сказаниях темная сила пред-

ставляется выезжающей на черном коне, белая — на белом.

С разделением власти над миром и всеми явлениями его бытия белые кони передаются в народном воображении богу-солнцу, *богу-громовнику* (сначала *Перуну*, потом *Святовиду* и, наконец, *Светловиду-Яриле*), черные же становятся собственностью *Стрибога* и всех буйных *ветров*, *Стрибожьих внуков*.

Солнце, этот небесный конь, в продолжении дня обегает небо из конца в конец и отдыхающий ночью, чтобы снова появиться на своем вековечном пути, представлялся язычнику еще и светлокудрым божеством, разъезжающим на золотой колеснице, запряженной парю светоносно-белых огненнопламенных коней.

Подводит их ко дворцу Солнца дева -Утренняя заря, уводит дева Вечерняя заря.

Можно найти и целый ряд сказаний, в которых представляются в образе коня и месяц, и звезды, и ветры буйные, облетающие всю "подсолнечную подселенную" от моря до моря. Даже и тучи, заслоняющие свет солнечный, и быстролетные молнии являются иногда в том же воплощении. "У матушки жеребец — всему миру не сдержать!" — говорит старинная загадка о ветре. Громовой гул представлялся, по народным загадкам, ржанием небесных коней. Русские сказки упоминают о конях-вихрях, о конях-облаках; и те, и другие наделяются крыльями.

Постепенно из возницы пресветлого светила и воплотителя понятий о стихиях конь превращается в неизменного спутника богатырей — этих ярких и образных воплощений могущества сязторусского. Трудно представить богатыря наших былин без его доброго, верного, борзого (быстрого) коня, до того слились, сроднились эти два образа. И уж тут цветистая народная речь не скупится на эпитеты. Вспомним хотя бы описание богатырского скакуна, принадлежащего Дюку Степановичу: "А и конь под ним — как лютый зверь, лютый зверь конь — и бур, и космат. У коня грива на леву сторону до сырой земли. За реку он броду не спрашивает: котора река целая верста пятисотная, он и ее перескочит с берега на берег!"

Встречаются в былинном и сказочном народном слове рассказы о могучих конях, выводимых богатырями из подземелий, где они стояли в течение целых веков прикованными к скалам. Подбегают кони, провещающие голосом человеческим, к сказочным царевичам и добрым молодцам на распутьях, сами вызываются сослужить им службу верную. И впрямь верною можно назвать эту службу: они не только увозят своего любимого хозяина от лютых врагов, а и сами бьют-топчут; не только переносят героя на себе за леса и горы, но и стерегут его сон, приводят его к источникам живой и мертвой воды. В народе до сих пор еще ходят стародавние сказания

о выбитых из земли копытами богатырских коней ключах-родниках. Близ Мурома стояла даже и часовня над одним из таких источников, происхождение коего связано в народной памяти с первой богатырской поездкой Ильи Муромца.

В кругу славянских простонародных сказаний далеко не последнее место принадлежит коньку-горбунку, обладающему силой перелетать во мгновение ока со своим седоком в тридевятое царство, в тридесятое государство. Появляется этот конек внезапно, отзываясь на клич: "Сивка-бурка, вещий каурка, встань передо мной, как лист перед травой!" Влезает Иван-дурак ему в одно ухо мужиком-вахлаком, вылезает из другого удалым добрым молодцем. Чудеса творит — всему миру на диво! — хозяин такого конька-горбунка добывает все, что ему ни вздумается: и *Жарптицу*, и раскрасавицу Царь-девицу, — и конь ему в том верный помощник и спаситель.

Поэтическое народное слово именует лошадь "крыльями человека". Ну а крестьянство тоже умеет его оценить по заслугам: "Не пахарь, не столяр, не кузнец, не плотник, а первый на селе работник!" — говорится про него. Великое множество присловий, поговорок и всевозможных прибауток о коне бытует, в народе. Он является воплощением здоровой удали: "Ходит конь конем!" — говорят о человеке бодром, статном. Вера и надежда на него безгранична: "Счастье на коне, несчастье под конем", "Конь не выдаст — и *смерть* не возьмет!" Множество всяких примет, связанных с этим удивительным существом, разгуливает по Руси: ржет конь — к добру, топает — к дороге, втягивает ноздрями воздух дорожный — дом близко, фыркает в пути — к доброй встрече (или к дождю). Споткнется конь при выезде со двора — лучше воротиться назад, чтобы не вышло какого-нибудь худа; распряжется дорогой — быть беде неминуемой. Хомут, снятый с потной лошади, является у баб-знахарок лечебным средством: надеть его на бо-

лящего *лихорадкой* человека — всю хворь как рукой снимет. Вода из недопитого лошадю ведра тоже может облегчать разные болезни, если умыться ей со словом наговорным. Конский череп страшен для нечистой силы. Оттого-то прежде во многих деревнях можно было видеть черепа лошадей, воткнутые на частокол вокруг дворов. Друг-слуга пахаря конь остается верным ему даже и после своей смерти!

Коровья Смерть

ЗЛОЕ СУЩЕСТВО, несущее погибель всему крестьянскому стаду, живет в народном воображении и донныне. Является оно в образе безобразной, злобной старухи, у которой, вдобавок ко всей ее уродливости, руки с граблями. По старинному поверью, она никогда сама в село не приходит, а непременно завозится или заносится прохожим-проезжим человеком.

Чтобы оберечься от беды, деревенские женщины совершают по осени древний таинственный обряд опахивания деревни.

Накануне с вечера обегает все дворы старуха-"повещалка", созывавшая баб на заранее обусловленное дело. Те, кто был согласен идти за нею, умывали руки, вытирая их полотенцем, принесенным повещалкою. Мужики (от мала до велика) должны

были во время свершения обряда сидеть по избам и не выходить, чтобы избежать *беды* великой.

Наконец наступал заветный час — полночь. Баба-повешалка в надетой поверх шубы рубахе выходила к околице и била-колотила в сковороду. На шум собирались одна за другою женщины — с ухватами, кочергами, помелами, косами, серпами, а то и просто с увесистыми дубинами в руках. Скотина давно вся была заперта крепко-накрепко по хлевам, *собаки* — на привязи. К околице притаскивалась соха, в которую и запрягали повешалку. Зажигались пучки лучины, и начиналось шествие вокруг деревни. Она троекратно опахивалась межевою бороздою. Для устрашения чудища, способного, по словам сведущих в подобных делах людей, проглатывать коров целыми десятками сразу, в это время производился страшный шум: кто чем и во что горазд, причем произносились различные заклинания и пелись особые, приуроченные к случаю песни:

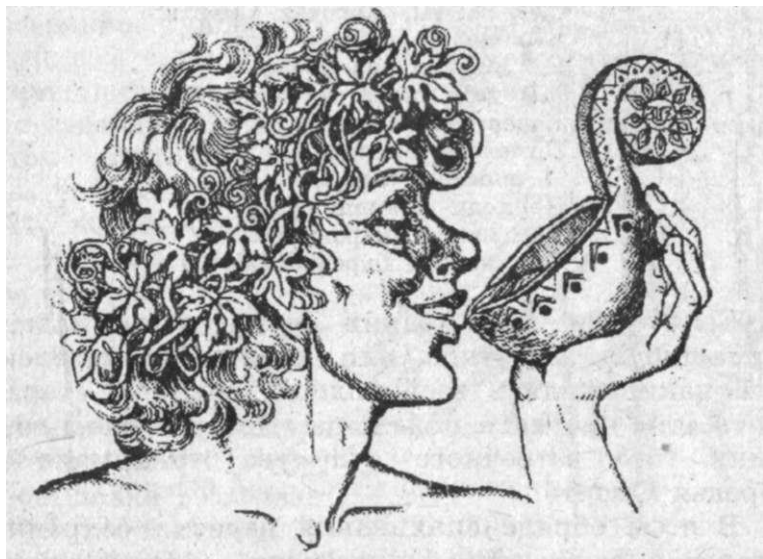
***Смерть* ты, Коровья Смерть!**
Выходи из нашего села,
Из закутья, из двора!
Мы тебя *огнем* сожжем.
Кочергой загребем,
Помелом заметем,
И попелом забьем!
Не ходи в наше село,
***Чур* наших коровушек,**
***Чур* наших буреньшек!**

Если при опахивании попадалось навстречу какое-нибудь животное, или, храни Бог, человек, на него накидывались всей толпой, гнали и старались убить или прогнать подальше. Поверье гласило, что облик того встречного существа принимала сама Коровья Смерть.

В этом обряде опахивания деревни сохранились отголоски глубочайшей древности — матриархата, а также неискоренимая вера в то, что женщинам подвластны потусторонние силы.

Коре (Корша)

ПОКРОВИТЕЛЬ питья и еды, бог пиров, русский Вакх или Бахус. Коре — большой охотник до пива и меда. Изображали его в виде нагого юноши, увенчанного венком из хмелевых плетей и едва прикрытого листьями хмеля. Он выглядел полусонным, словно спяну, в руке держал ковш, ибо всегда был не прочь к нему приложиться. Коре сидел на утлой, вверх дном опрокинутой бочке, а вокруг валялись пустые кувшины и черепки от разбитых чаш. Славяне поклонялись ему своим участием в пьянственных поединках, ибо в те далекие времена среди всех народов немалым богатырем считался тот, кто мог остальных перепить. Там, где начиналась пирушка, и был храм Коре.

Кострома

СЛАВЯНЕ почитали Кострому как воплощение весны и плодородия. В древних обрядах проводов Костромы (проводах весны) ее изображала молодая женщина, закутанная в белое, с дубовой веткой в руках, идущая в сопровождении хора." При ритуальных похоронах Костромы ее воплощает соломенное чучело женщины. Чучело сжигают или топят с обрядовым оплакиванием и смехом. Этот ритуал должен был обеспечить вечное плодородие земли.

Косч рубонька

МУЖСКОЕ воплощение плодородия, как бы Кострома мужского рода. Его изображало соломенное чучело. Ритуальные похороны Кострубоньки знаменовали переход к весеннему циклу.

Хоронили его в первый понедельник Петровок, сопровождая обряд проводов веселой песней:

**Помер, помер Кострубонько,
Сизый, милый голубонько!**

Кость-невидимка

ДРЕВНЕЙШЕЕ колдовское средство. По мнению *ведьм* и *колдунов*, следует отыскать черную *кошку*, на которой ни единого волоса не было бы другого цвета, и, убив ее и ободрав, сварить в котле. Затем выбрать все кости и, положив перед собой, сесть перед зеркалом. Каждую кость надобно класть себе на голову и при этом смотреться в зеркало. Когда при какой-то

кости себя в зеркале не увидишь — она и есть кость-невидимка. С нею можно куда угодно ходить, делать что угодно — и никому об том ведомо не будет.

КОШКА

ЗВЕРЬ, очень любимый народом. С нею связано множество примет и пословиц: "Кто кошек любит — будет жену любить!", "Без кошки не изба", "На мышку и кошка зверь!", "Кошки дерутся — мышкам приволье!" Кошка свертывается клубком к морозу, крепко спит брюхом кверху — к теплу, скребет лапами стену — к ветру непогожему, умывается — к ведру (и к приходу гостей), лижет хвост — к дождю, на человека тянется — обновку (корысть) сулит. Существует старинное поверье, что кошка так живуча, что только девятая *смерть* и может ее уморить до смерти. Загадки загадывает посельщина-деревенщина про этого живучего зверя такие, например: "Две ковырки, две подковырки, один вертун, два войка, третья маковка!" Заводит русский мужик кошек для борьбы со страшным для него зверем, маленьким, но свирепым, когда об иную пору мышиный народ у него чуть не весь хлеб на гумнах да по амбарам поедает! И даже особыми заговорами, из уст ведунов-знахарей, заговаривает свои скудные запасы — "от мышееди".

Кошка у всех народов была спутницею колдунов. Народное суеверие приписывает ее видящим в темноте глазам необычайную силу, почерпнутую из мира таинственного. Трехшерстная кошка, по мнению наших пахарей, приносит счастье тому дому, где живет; семишерстный кот является еще более верным залогом семейного благополучия. По словам русских сказок, кошка — чуть ли не самое смышленное животное. Она сама рассказывает сказки и не хуже дотош-

ного знахаря умеет отводить глаза. Кот-баюн был наделен голосом, слышным за семь верст, и видел за семь верст; как замурлыкает, бывало, так напустит, на кого захочет, заколдованный сон, которого и не отличишь, не зная, от смерти.

Черная кошка является, по народному слову, олицетворением нежданного раздора: "Им черная кошка дорогу перебежала!" — говорят о врагах, недавно еще бывших чуть не закадычными друзьями. В стародавние годы знающие всю подноготную люди говаривали, что на черную кошку можно выменять у нечистой силы шапку-невидимку и неразменный червонец. Нужна-де ей, окаянной, черная кошка, чтобы прятаться в нее на свят-Ильин день, когда грозный для всякой *нежити-кечисти* пророк сыплет с небес своими огромными стрелами.

Еще и в наши дни говорят на Руси, что кто убьет чьего-нибудь любимого кота, тому семь лет ни в чем удачи не будет. Кто любит-бережет кошек, того этот хитрый зверь охраняет от всякой "напрасной беды". Много и других поверий связано с ним в богатом суверенной памяти русском народе.

Кощей Бессмертный

ОН ИГРАЕТ ту же роль скупого хранителя сокровищ и опасного похитителя красавиц, что и *Змей*; оба они равно враждебны сказочным героям и свободно заменяют друг друга, так что в одной и той же сказке в одном варианте действующим лицом выводится *Змей*, а в другом — *Кощей*. В старославянских памятниках слово "кощь" ("кошть") попадает исключительно в значении: сухой, тощий, худой телом — и, очевидно, стоит в ближайшем родстве со словом "кость", как прилагательное к существительному; глагол же "окостенеть" употребляется в смысле: за-

стыть, оцепенеть, сделаться твердым, как кость или камень, от сильного холода. На основании этого можно думать, что название "Кошей" принималось сначала как эпитет, а потом и как собственное имя демона — иссушителя дождевой влаги, представителя темных туч, окованных стужей; в зимнее время года тучи как бы застывают, превращаются в камни и не дают более плодоносных дождей, а вследствие того и сама земля лишается своей производительной силы. До сих пор именем Кошей называют старых скряг, иссохших от скупости и дрожащих над заганенным сокровищем (золотом солнечных лучей и живительною влагою дождя); народная сказка приписывает ему и обладание гуслями-самогудами, которые так искусно играют, что всякий невольно заслушивается их до *смерти* — метафора песни, какую заводят суровые осенние вихри, погружающие в долгий сон и оце-

пенение всю природу. В сближении с этими данными надо искать объяснения и той эпической прибавке, которою характеризуется вещая сказочная старуха, заправляющая вихрями и вьюгами и по самому своему имени родственная с Кощею: *Баба-Яга* — костяная нога.

Старинное русское "кощуны творить" означает: совершать действия, приличные *колдунам* и дьяволу (кощунствовать), а в областных говорах "костить" — ругать, бранить. Демон зимы в народных преданиях нередко представляется старым колдуном, волею которого сказочные герои и героини, вместе с их царствами, подвергаются злему очарованию или заклятию.

Подобно поедучим змеям, Кощей чует "запах русского духа", и в заговорах донныне произносится заклинание против Кошея-ядуна.

Смерть Кошея сокрыта столь далеко, что его называют Бессмертным: на море на океане, на *острове* на *Буяне* есть зеленый дуб, под тем дубом зарыт железный сундук, в том сундуке *заяц*, в зайце утка, а в утке яйцо; стоит только добыть это яйцо и сжать его в руке, как тотчас же Кощей начинает чувствовать страшную боль; стоит только раздавить яйцо — и Кощей мгновенно умирает. То же рассказывают и про Змея: существует остров, на острове *камень*, в камне заяц, в зайце утка, в утке яйцо, в яйце желток, в желтке каменек — это и есть Змеиня смерть; надо только добыть каменек и бросить им в Змея!

Овладевши чудесным яйцом, царевич бросает его в лоб Кошея — и он тотчас же умирает, подобно тому как о дьяволе существует поверье, что его можно убить только серебряною пулею (молнией) или яйцом, снесенным курицею накануне Рождества, когда, по старинному мифу, рождается солнце. Точно так же великаны мрака (зимних туч) гибнут от лучей восходящего (весеннего) солнца.

Крапива

НАКАНУНЕ Иванова дня крестьяне собирают крапиву и кладут на окнах и порогах домов, чтобы отдалить от себя *ведьм*, *леших* и нечистых духов.

КРУГОВАЯ линия, начертанная ножом, зажженной лучиной или углем, защищает человека от зловредного действия колдовства и покушений нечистой силы. Через круговую черту не может переступить ни злой дух, ни *ведьма*, ни самая *смерть*; против *чумы* и других поваральных болезней опахивали кругом деревни и села; при добывании *кладов* и цвета папоротника, при совершении различных чар и произнесении заклятий очерчивают себя круговой линией для охраны от демонского наваждения. Перед Рождеством дают курам корм, окружая его цепью или обручем, чтобы они клали яйца дома. В Ярославской губернии в пламя пожара бросали обруч с квасной шайки, чтобы огонь сосредоточился в одном месте и не распространялся дальше.

Крупеничка

ПРЕКРАСНАЯ царевна, взятая в полон злыми татарами. Желая спастись из Золотой Орды хоть бы и после смерти, девушка попросила о помощи мудрую старуху — и чародейка обратила ее в гречневое зернышко.

Спрятала его старуха, пошла на Русь. Схоронила она гречневое зернышко в чистом поле — и начало то зерныш-

ко в рост идти, и выросла из того зернышка греча о семидесяти семи зернах. Повеяли *ветры* со всех четырех сторон, разнесли те семьдесят семь зерен на семьдесят семь полей... С той поры на Святой Руси расплодился греча.

Кукушка

ВЕЩАЯ птица, посвященная богине весны у славянских племен. Она поведает о наступлении лета ("Зозуля кувала (то есть куковала) — летечко казала", — поется в украинской песне), начале гроз и дождей, определяет долготу человеческой жизни и сроки брачных союзов. По ее голосу земледелец заключает о будущем урожае: если она закукует при восходе солнца и на зеленом *дереве* (то есть когда леса уже оделись листвою), то год будет урожайный, а если закукует

на ночь и на голом дереве, будет голод и мор. Кто впервые услышит кукушку на тощий (пустой) желудок, тому настоящий год сулит несчастья; такому человеку не следует закармливать скотину, не то голодать ей всю зиму.

В народных украинских песнях кукушка прилетает горевать над умершим; она — олицетворение невыносимой сердечной печали по милым покойникам. В свадебной песне невеста-сирота посылает кукушку за своими умершими родственниками, чтобы они пришли с того света благословить ее на новое житье.

Душу человеческую наши древние верования рисуют в образе кукушки, и отчасти проливает свет на этот образ загадочный обряд крещения кукушек. Обычно он свершается в Семицкую неделю, когда поминают усопших. Женщины и девицы собираются в лес, делают из лоскутков и цветов чучело птицы и сажают на ветку, а над нею привешивают шейные кресты; иногда, вместо того, отыскивают траву,

называемую кукушкой, и, вырыв ее с корнем, одевают в сорочку, потом кладут на землю и ставят над нею крестообразно две дуги, покрывая их платками и вешая с двух сторон по кресту. В Орловской и Тульской губерниях надевают крестик на самое чучело кукушки и поют: "Кумушки, голубушки, кумитесь, любитесь, даритесь!" Это называется крестить кукушку или кумиться.

В праздник Семик девицы приходят в рощу, отыскивают две плакучие березки, надевают на них венки из цветов, нагибают и связывают их ветви разноцветными лентами, платками и полотенцами в виде венка; над венком кладут траву-кукушку или рукодельное чучело птицы, а по сторонам привешивают кресты.

Две девицы, желающие покумиться, должны обойти вокруг этих берез — одна навстречу другой, потом трижды поцеловаться сквозь венок и сквозь венок же передать друг дружке желтое крашеное яйцо.

Хоровод поет:

**Ты, кукушка ряба,
Ты кому же кума?
Покумимся, кумушки,
Покумимся, голубушки!**

Названные кумушки обмениваются крестами и кольцами, а "кукушку" разделяют на три части и хранят у себя на память о кумовстве. Затем следует пиршество, необходимой принадлежностью которого бывает яичница.

Те, которые покумались в Семик, ходят на Троицын день развивать венки или бросать их в воду, при чем поют:

**Раскумимся, кумушки!
Раскумимся, голубушки!
Да йо, йо —
Семик да и Троица!**

Купало

БОЖЕСТВО, истукан которого стоял в Киеве. Это веселый и прекрасный бог, одетый в легкую одежду и держащий в руках цветы и полевые плоды, на голове имеющий венок из цветов купальниц, — бог лета, полевых плодов и летних цветов. Купало причисляли к знатнейшим богам. Он почитался третьим после *Перуна* и вторым после *Велеса*: ибо, после плодов скотоводства, земные плоды всего более служат человеку и составляют его богатство. В начале жатвы, то есть 24 июня, приносили ему жертвы. Тогда на полях возжигали большие костры; а юноши и девицы, цветами увенчанные и перепоясанные, плясали около огня

при радостном пении; наконец, скакали они и гнали свое стадо через *огонь*; эти добрые люди думали через то обезопасить свое стадо от *леших*, или лесных духов. Доселе еще те святые, коих именины празднуются в сей день российской церковью, сохранили от идола Купалы прозвания свои: Иван Купала и Аграфена Купальница.

Курячий бог

КАМЕНЬ, напоминающий птичью голову, который вешают в курятник, чтобы *кикиморы*, не давили кур.

ЛАД (ЛАДНИК, ЛАДОНЬ)

БОГ примирения и согласия, дружбы, искренности. Недаром его имя созвучно слову "ладонь" как знаку открытых, честных намерений. Ведь рукопожатие оттого и происходит, что люди при встрече как бы уверяют друг друга: "В моей руке нет ни *камня*, ни *оружия*". Этому богу даже и мы вспоминаем чаще прочих, ибо не раз и не два в день здороваемся и жмем друг ДРУГУ руки.

ЛАДА

СЛАВЯНСКАЯ богиня красоты, любви и бракосочетаний. Но так как любовь порою бывает и причиной горя, то Лада олицетворяла и несчастную любовь.

О человеке, который женился без любви, говорили: "Не с Ладю женился!" Чтобы избежать таких бед, каждая пара молодоженов приносила богине цветы, живых птиц, мед и ягоды. Великолепный храм Лады стоял в Киеве, а в том храме — статуя несравненной красавицы в розовом венке. Ее золотоцветые волосы были убраны жемчугами, платье изукрашено богатым шитьем и драгоценностями. Она держала за руку крылатого младенца, своего сына и бога любви *Леля*.

Лебединые девы

В НАРОДНЫХ сказаниях существа особой красоты, обольстительности и вещей силы. По первоначальному своему значению они суть олицетворения весенних, дождевых облаков; вместе с низведением преданий о небесных источниках на землю лебединые девы становятся дочерьми *Океан-моря* и обитательницами земных вод (морей, рек, озер и криниц). Таким образом они рождаются с *русалками*.

Лебединым девам придается вещей характер и мудрость; они исполняют трудные, сверхъестественные задачи и заставляют подчиняться себе самую природу. Имя "лебедь", употребляемое в народной речи большею частью в женском роде, означает, собственно: белая (светлая, блестящая); такое коренное его значение впоследствии подновлено постоянным эпитетом: белая лебедь.

Одна из наиболее любопытных старинных былин содержит в себе рассказ о том, Как богатырь Поток женился на вещей красавице, которая впервые явилась ему на тихих морских заводях в виде белой лебеди. Однако трудно простому человеку с умной женою, так и Поток не совладал с вещей женкой, упустил Лебедь Белую, Авдотью Лиховидьевну.

Предание, записанное Нестором, упоминает о трех братьях Кие, Щеке и Хориве и сестре их Лыбеди; первый дал название Киеву, два других брата — горам Шековице и Хоривице; Лыбедь — старинное название реки, впадающей в Днепр возле Киева.

Царевна-лебедь — наиболее прекрасный образ русских сказок.

Более живые воспоминания о лебединых девах сохранились в народных сказках. Особенно интересною представляется нам сказка о *Морском царе* и его премудрой дочери: юный Иван-царевич отправляется в подводное царство, приходит к морю и прячется за кусты. На ту пору прилетели туда двенадцать голубок или уток, сбросили свои крылышки (или перышки), обернулись красными девицами и стали купаться: это были водяные красавицы, дочери Морского царя. Иван-царевич подкрался потихоньку и взял крылышки Василисы Премудрой. Девицы испугались, похватали крылышки и улетели голубками или уточками; осталась одна Василиса Премудрая, начала упрашивать доброго молодца возвратить ей крылья, и царевич отдает их под условием, чтобы она согласилась быть его

женою. По народному поверью, превращение в зверя совершается набрасыванием на себя его мохнатой шкуры: то же самое значение, какое в данном случае соединяется со звериною шкурою, при изменении человеческого образа в птичий, приписывается крыльям и перьям.

По другим вариантам, вместо крылышек царевич похищает сорочку и кушак девы; эта замена основывается на поэтическом представлении облаков одеждами, покровами, что в слиянии с метафорой, сблизившею их с птицами, породило сказания о пернатых сорочках (орлиных, сокольных, лебединых).

Девы-птицы встречаются во многих других сказках, и везде им равно придается вещее значение и необычайная мудрость; они исполняют трудные, свыше сил человеческих, задачи и заставляют себе подчиняться самую природу.

В одной сказке эти мифические девы прилетают белыми лебедушками, а в других героиней выводится премудрая Лебедь-птица, красная девица, или Лебедь-королевна такой чудной красоты, что ни око не видело, ни ухо не слышало.

Лед (Коледник)

БОЖЕСТВО это всегда сражалось с *водяными*. Сила к нему приходила с зимой, когда от одного его прикосновения все реки, ручьи, озера покрывались ледяной коркою, так что водяные и водяницы, омутники и омутницы, болотники и болотницы принуждены были сидеть в своих хороминах на самом дне до весны, не в силах не только высунуться на поверхность, но и поплавать вволю, ибо иные речки промерзают до дна. Вот сколь злобен и силен Лед... правда, только в зимнюю пору.

Лель (Лельо, Леля)

ОБ ЭТОМ маленьком боге страсти до сих пор напоминают слово "лелеять", то есть нежить, любить. Он сын богини красоты *Лады*, а красота, естественно, рождает страсть. Изображался он в виде златовласого, как и мать, крылатого младенца: ведь любовь свободна и неуловима. Лель метал из рук искры: ведь страсть — это пламенная, жаркая любовь! Он то же, что греческий Эрос или древнеримский Амур, только те поражают сердца людей стрелами, а Лель возжигал их своим ярким пламенем.

Летлвица

НА ЗАПАДНОЙ Украине существует поверье, что летавицы — это духи, которые слетают на землю падучей *звездой* и принимают на себя человеческий образ — мужской или женский, но всегда новый, прекрасный, с длинными желтыми волосами.

Леший (лесовик, лешак)

ЕСТЬ ОН в каждом лесу, особенно любит еловые. Одет как человек — красный кушак, левая пола кафтана обыкновенно запахнута за правую, а не наоборот, как все носят. Обувь перепутана: правый лапоть надет на левую ногу, левый — на правую. Глаза у лешего зеленые и горят, будто угли.

Как бы он тщательно ни скрывал своего нечистого происхождения, ему не удастся это сделать: если посмотреть на него через правое ухо лошади, леший отливает синеватым цветом, так как кровь у него

синяя. Бровей и ресниц у него не видно, он корноухий (правого уха нет), волосы на голове зачесаны налево.

Леший отличается от прочих духов особыми свойствами, присущими ему одному: если он идет лесом, то ростом равняется с самыми высокими *деревьями*. Но в то же время, выходя для прогулок, забав и шуток на лесные опушки, он ходит там малой былинкой, ниже травы, свободно укрываясь под любым ягодным листочком. Но на луга, собственно, он выходит редко, строго соблюдая права соседа, называемого *полевиком* или полевым. Не заходит леший и в деревни, чтобы не ссориться с *домовыми* и *баенниками*, — особенно в те, где поют совсем черные *петухи*, живут при избах "*двуглазые*" *собаки* (с пятнами над глазами в виде вторых глаз) и трехшерстные *кошки*. Зато в лесу леший является полноправным и неограниченным хозяином: все звери и птицы находятся в его ведении и повинуются ему безответно. Особенно подчинены ему *зайцы*. Они у него на полном крепостном праве, по крайней мере, он даже имеет власть проигрывать их в карты соседнему лешему. Не освобождены от такой же зависимости и беличьи стада, и если они, переселяясь несметными полчищами и забывая всякий страх перед человеком, забегают в большие города, причем скачут по крышам, обрываются в печные трубы и прыгают даже в окна, — то дело ясное: значит, лешие целой артелью вели азартную игру и побежденная сторона гнала проигрыш во владения счастливого соперника..

Настоящий леший нем, но голосист: умеет петь без слов и подбодряет себя хлопаньем в ладоши. Поет он иногда во все горло (с такой же силой, как шумит лес в бурю) почти с вечера до полуночи; он не любит пения петуха и с первым выкриком его немедленно замолкает.

Носится леший по своим лесам как угорелый, с чрезвычайной быстротой и всегда без шапки.

Лешие умеют хохотать, аукаться, свистать и плакать по-людски, и если они делаются бессловесными, то только при встрече с настоящими, живыми людьми.

Лешие не столько вредят людям, сколько проказят и шутят, и в этом случае вполне уподобляются своим родичам — домовым. Проказят они грубо, как это и прилично неуклюжим лесным жителям, и шутят зло, потому что все-таки они не свой брат крещеный человек. Самые обычные приемы проказ и шуток леших заключаются в том, что они обводят человека: то есть всякого углубившегося в чащу с целью собирать грибы

или ягоды, они либо "заведут" в такое место, из которого никак не выбраться, либо напустят в глаза такого тумана, что совсем собьют с толку, и заблудившийся человек долго будет кружить по лесу на одном и том же месте. Однако во всех таких приключениях леший все-таки не ведет людей на прямую погибель, как делает это настоящий дьявол. Притом от проказ лешего можно легко отчураться, конечно, прежде всего молитвой и крестным знаменем, а затем при помощи известных приемов, которым учат с малолетства, по заповедям отцов и прадедов. Так, заблудившемуся рекомендуется присесть на первой же колоде, снять с себя и вывернуть наизнанку носильное платье и затем в таком виде надеть на себя. Обязательно при этом также левый лапоть надеть на правую ногу или правую рукавицу на левую руку.

Если же в беду попали двое или трое, то им следует всем переменяться одеждой, предварительно вывернув ее наизнанку (в этом случае рекомендуется подражать обычаю того же лешего, у которого все навыворот и наизнанку). Можно точно так же вызволиться из беды, проговоривши любимую поговорку лешего, которую удачливые люди успели подслушать у него издали: "Шел, нашел, потерял". А кто спохватится закричать: "Овечья морда, овечья шерсть", перед тем леший исчезнет с криком: "А, догадался!"

Бывают, впрочем, случаи, когда все способы борьбы с лешими оказываются бессильными. Это случается раз в год, в тот заповедный день, когда лешие бесятся (4 октября). В этот день знающие крестьяне в лес не ходят.

На, Ерофея-мученика указано лешим пропадать или замирать. Перед этим они учиняют неистовые драки, ломают с треском деревья, зря гоняют зверей и наконец проваливаются сквозь землю, чтобы явиться на ней вновь, когда она отойдет или оттает весной, и начать снова свои проказы все в одном и том же роде.

Вообще, побаиваясь злых и неожиданных затей лешего, лесной народ не прочь над ним посмеяться, а пользоваться его именем как ругательным словом вся крещеная Русь считает первым удовольствием ("Иди к лешему", "леший бы тебя задавил" и т.п.).

Миф о леших недаром просуществовал на Земле тысячелетия. По народным воззрениям, леший служит как бы бессознательным оружием наказания за вольные и невольные грехи человека. Например, леший на виду у всех унес мужика в лес за то, что тот, идя на колокольню, ругался непотребным словом. Еще сильнее карает леший за произнесение проклятий, и если случится, например, что роженица, потерявши в муках родов всякое терпение, проклянет себя и ребенка, то ребенок считается собственностью лешего с того момента, как только замер последний звук произнесенного проклятия. Обещанного ему ребенка леший уносит в лес тотчас по рождении, подкладывая вместо него "лесное детище" — большое и беспокойное. В случае же, если каким-нибудь чудом зачатого ребенка успеют окрестить ранее, так что взять его сразу нельзя, то леший ждет до семи лет отрочества и тогда сманивает его в лес. (Лешему дана одна минута в сутки, когда он может сманить человека.)

В лесу проклятые живут недолго и скоро умирают. А если и случится, что кто-нибудь из них, по усиленным молитвам матери, выживет, то находят его в самом жалком виде: ходит он одичалым, не помнит, что с ним было, и сохраняет полнейшее равнодушие ко всему, что его может ожидать при совместной жизни с людьми.

Деревенские слухи очень настойчиво приписывают лешим страсть к женщинам и обвиняют их в нередких похищениях девушек. Лешим также навязывают жен одинаковой с ними породы (лешачиха, лешуха) и детенышей (лешеня).

ЛИСА

КУМУШКОЙ зовет ее народ, Патрикеевную величает. "Лисой пройти" в его устах равносильно со словом схитрить ("спроворить"); есть даже особое словцо — "лисить". Лиса — слабосильнее *волка* не в пример, да, благодаря своей хитрой повадке, куда сытее его живет.

Она — "семерых волков проведет": как ни стереги *собака* от нее двор, а все курятинки добудет. "Лиса и во сне кур у мужика в хлеве считает!", "У лисы и во сне ушки — на макушке!", "Где я лисой пройду, там три года куры не несутся!", "Кто попал в чин лисой, будет в чине — волком!", "Когда ищешь лису впереди, она — позади!", "Лиса все хвостом покроет!" — перебивают одна другую старинные пословицы-поговорки. "У него лисий хвост!" — говорится о льстивых хитрецах.

Лихо (Горе)

НАЗЫВАЮТ его еще Лихо Одноглазое, ибо оно со-слепу бросается на кого попало, не разбирая ни богатого, ни бедного, ни правого, ни виноватого. Лихо — воплощение неразборчивости, несправедливости судьбы, рока.

Иной раз Лихо обойдет великого грешника, да навалится на хорошего, трудолюбивого человека: и дом его сгорит, и поля побьет градом, да и сам не будет знать, куда деваться от болезни, а Лихо все сидит на шее — и ноги свесило!

Есть и впрямь такая сказка о мужике, который уснул в лесу, а его оседлало Лихо — и с той поры все у него пошло наперекосяк. Долго мучился мужик с тяжелой ношею, пока не решил утопиться вместе с

нею в реке, чтобы хоть семью свою избавить от бед и разорения.

Но он-то утонул, а Лиху все нипочем: выплыло и пошло, как ни в чем не бывало, искать себе новую наживу!

Лихорадки

ИМЯ ЭТО происходит от слов "лихо радеть", то есть действовать в чей-нибудь вред, заботиться о ком-нибудь, с злобным намерением, с лихостью; другие общеупотребительные названия: лиходейка, лихоманка ("манья" — привидение, "манить" — лгать, обманывать). Лихорадок — девять или двенадцать крылатых сестер, дочерей царя Ирода; они обитают в мрачных подземельях ада и представляются злыми и безобразными девами, чахлыми, замороженными, чувствующими всегдашний голод, иногда даже слепыми и безрукими. Одна из них — старшая — повелевает своими сестрами и посылает их на землю мучить людской род: "Тело жечь и знобить, белы кости крушить". 2 (15) января *Мороз* или *Зима* выгоняет их, вместе с нечистою силою, из ада, и лихорадки ищут себе пристанища по теплым избам и нападают на "виноватых"; на *заре* этого дня предусмотрительные старушки омывают наговоренною *водою* притолоку у дверей, дабы заградить вход в избу незваным гостям. Поверье это условливается теми простудами и ознобами, которые так обыкновенны в холодную пору зимы. Напротив, о весенних болезнях думают, что они запираются на зиму в снежные горы (ад) и сидят там до начала оттепелей; когда же солнце сгонит снег и отогреет землю, они, вслед за вешними испарениями, разбегаются по белому свету — тощие, замороженные — и с жадностью бросаются на неосторожных. Уже с 25 февраля, по замечанию поселян, опасно предаваться сну

с раннего вечера: можно наспать лихорадку. Подобно *Смерти* и владыке демонов (сатане), лихорадки сидят в подземных вертепах, заключенные в цепи, и вылетают мучить народ только тогда, когда будут сняты с них эти железные оковы.

Старшая и злейшая из сестер-лихорадок прикована к железному стулу двенадцатью цепями и в правой руке держит косу, как сама Смерть; если она сорвется с цепей и овладеет человеком, то он непременно умрет.

Сбрасывая с себя оковы, лихорадки прилетают на землю, вселяются в людей, начинают их трясти, расслаблять их суставы и ломить кости.

Измучив одного, лихорадка переходит в другого; при полете своем она целует избранные жертвы, и от прикосновения ее уст человек немедленно заболевает; кому обмечет болезнь губы, о том говорят: "Его поцеловала лихоманка"...

Лихорадки в своих названиях описывают те муки, которыми каждая из них терзает больного. Вот эти названия: 1) Трясея (Трясавица) — от глагола "трясти". 2) Огнея, или Огненная: "Коего человека поймаю (говорит она о себе), тот разгорится, аки пламень в печи", — то есть она производит внутренний

жар. 3) Ледея, или Озноба (Знобея, Знобуха): аки лед, знобит род человеческий, и кого она мучит, тот не может и в печи согреться. 4) Гнетея — она ложится у человека на ребра, гнетет его утробу, лишает аппетита и производит рвоту. 5) Грудница — ложится на груди, у сердца, и причиняет хрипоту и харканье. 6) Глухия — налегает на голову, ломит ее и закладывает уши, отчего больной глохнет. 7) Ломяя, или Костоломка: "Аки сильная буря древо ломит, та-коже и она ломает кости и спину". 8) Пухнея — пускает по всему телу отек (опухоль). 9) Желтея — эта желтит человека, "аки цвет в поле". 10) Коркуша, или Корчая — ручные и ножные жилы сводит, то есть корчит. 11) Глядея — не дает спать больному (не позволяет ему сомкнуть очи, откуда объясняется и данное ей имя); вместе с нею приступают к человеку бесы и сводят его с ума. 12) Недея (мертвящая) — всем лихорадкам сестра старейшая, она всех проклятее, и если вселится в человека — он уже не избегнет смерти.

ЛЮБ

ДУХ-ОХРАНИТЕЛЬ брачного ложа. Представлялся большеухим, мохнатым, златовласым котом со стеблем стрелолиста в зубах. Люба следовало всячески ублажать, чтобы он отгонял от спальни НЕЛЮБА — такого же кота, только черного и злобного, с веткой белены во рту.

Можно предположить, что обряд, когда наутро после свадьбы родственники и свойственники показывали простыню новобрачных, был посвящен именно Любу.

Кое-где до сих пор перед свадьбой пекут любки — овальные лепешки-ладьи из пышного теста. В центре такой лепешки, олицетворяющей девичье лоно, запекается, но уже из ржаного теста, подобие толе-

того, мясистого гриба-красноголовика (подосиновика), но головкой вниз. Такой любок ставится в укромное место близ постели новобрачных, дабы ими мог насыщаться Люб.

Вообще, обряды, связанные с Любом, слишком потаенны и сокровенны, чтобы их описывать в подробностях.

Магнит-камень

ДОБЫВАЮТ его, как учат травознаи древности, в Индии, в горах возле морского берега.

Если муж этот камень носит при себе, бывает мил он своей жене, если носит жена — то же доставляет он и ей. Этот камень положи в изголовье жене, которая мужу верна, — та и сквозь сон мужа своего тотчас обнимет, а которая помимо мужа блудит — та с постели сразу слетит, словно кто-то ее спихнул. И от этого камня приходят во сне видения страшные и пугающие. Если магнит истереть помельче и посыпать на угольный жар, тогда покажутся вьявь дивные дела и страшные, так что человеку невозможно станет видеть их...

Магура (Перуница)

ДОЧЬ ГРОМОВЕРЖЦА Перуна, облачная дева — прекрасная, крылатая, воинственная, то же, что скандинавская валькирия. Сердце ее навеки отдано воинам, богатырям. На поле брани Магура подбадривает сражающихся воинственными кликами, ее золотой шлем сверкает на солнце, вселяя радость и надежду в сердца. Ну а если воин пал от удара вражеского меча или пронзенный стрелой, Магура осенит его своими крылами, коснется охладелых уст — и даст.вы-

пить воды из золотой чаши в виде черепа. Отведавший живой воды Магуры отправится в *Ирий*, в райские чертоги, — для жизни вечной, где и среди неземного блаженства вечно помнит он последний поцелуй Магуры.

Мароссы (трескуны)

ЗЛЫЕ ДУХИ, бывшие в подчинении у Мороза. Недаром их имена созвучны! Летом они спят, но падают на землю зимою с первыми снежинками. Мароссы бегают по полям, по лесам и дуют в кулаки, нагоняя стужу и свирепый *ветер* своим ледяным дыханием. Пятки их заставляют промерзлую землю и стволы заледенелых *деревьев* потрескивать, потому и говорят люди, мол, "мороз трещит".

Марцана

БОГИНЯ *смерти* всех живых существ, кроме человека: ее жертвы доставляют людям богатые плоды охоты, рыбалки и звероловства.

МАСЛЯНИЦА

ДЛЯ НАШИХ предков это существо воплощало плодородие — и вместе с тем зиму и *смерть*. Маслянице и до сих пор посвящен особый праздник, когда "честную госпожу" встречают с величальными песнями. Имя Масляницы перенесено на соломенное чучело, облаченное в женскую одежду, с масляным блином или сковородкой в руках. С ним вместе веселятся, катаются с гор и на тройках в течение масляничной недели, а затем сжигают на костре или разрывают в клочки. Похороны Масляницы сопровождаются карнавальными процессиями, ряженьем, ритуальным весельем, призывами весны и упоминанием Масляницы в специальных песнях, где та называется обманщицей (в связи с Великим Постом, который наступает сразу

после масляничных пиршеств), объедалой, блиноедой: блин, говорят, не клин — брюхо не прорвет!

Схожий с Масляницей персонаж других народов — карнавал.

МАТОХИ (мехи, махи)

ДУХИ, производящие всякого рода беспокойства, беспорядки в домашней жизни, в семейных делах, всевозможные мелкие неприятности. Коль скоро они незримы, уследить за ними очень трудно. Больших бед матохи причинить не могут, но покуражиться очень любят: например, толкнуть хозяйку под руку, когда снимает с плиты горячие щи, или отвлечь, когда стережет закипающее молоко, чтобы убежало по всей кухне, или подзудить ребятишек стащить с противня только что испеченный пирожок и обжечь пальцы... А уж девиц, которые вдергивают в иглу слишком длинную нитку, матохи нипочем в покое не оставят, пока всю нитку не запутают, не изорвут: лентяек они не любят, а ведь сказано же: "Длинная нитка — ленивая девка".

До сих пор, говоря слова "суматохи", "помехи" и "промахи", мы невольно вспоминаем этих духов — мелких домашних пакостников.

Мать-Сыра Земля

САМЫЙ любимый и важный персонаж в славянской мифологии с древнейших времен и до наших дней.

Мать-Сыра Земля представлялась воображению язычника, обожествлявшего природу, живым человекоподобным существом. Травы, цветы, кустарники, *деревья* казались ему ее пышными волосами; камен-

ные скалы признавал он за кости (вслушайтесь, как созвучны слова "скала" и "скелет"!); цепкие корни деревьев заменяли жилы, кровью земли была сочившаяся из ее недр *вода*. И, как живая женщина, она рождала существ земных, она стонала от боли в бурю, она гневалась, учиня землетрясения, она улыбалась под солнцем, даруя людям невиданные красоты, она засыпала студеною зимой и пробуждалась по весне, она умирала, обожженная засухой... И, точно к истинной матери, прибегал к ней человек во всякую пору своей жизни. Помните в сказках? Припадет богатырь к сырой земле — и преисполнится новых силушек. Ударит в землю копьём — и она поглотит черную, ядовитую змееву кровь, воротив жизнь загубленным людям.

Кто не почитает земли-кормилицы, тому она, по словам пахаря, не даст хлеба — не то что досыта, а и впроголодь; кто сыновьим поклоном не поклонится Матери-Сырой Земле, на гроб того она ляжет не пухом легким, а тяжелым *камнем*. Кто не захватит с собою в дальний путь горсти родной земли — никогда не увидит больше родины, верили наши предки.

Больные в старину выходили в чистое поле, били поклоны на все четыре стороны, причитывая: "Прости, сторона, Мать-Сыра Земля!" "Чем заболел, тем и лечись!" — говорит народная Русь, и советуют старые люди выносить тех, кто ушибся-разбился, на то самое место и молить землю о прощении.

Земля и сама по себе почитается в народе целебным средством: ею, смоченной в слюне, *знахари* заживляют раны, останавливают кровь, а также прикладывают к больной голове. "Как здорова земля, — говорится при этом, — так же и моя голова была бы здорова!"

"Мать-Сыра Земля! Уйми ты всякую гадину нечистую от приворота и лихого дела!" — произносится кое-где еще и теперь при первом выгоне скотины на весенний подножный корм.

"Пусть прикроет меня Мать-Сыра Земля навеки, если я вру!" — говорит человек, давая клятву, и такая клятва священна и нерушима. Те, кто братается не на жизнь, а на *смерть*, смешивают кровь из разрезанных пальцев и дают друг другу по горсти земли: значит, отныне родство их вечно!

А в стародавние годы находились такие ведуны-знахари, что умели гадать по горсти земли, взятой из-

под левой ноги желающего узнать свою судьбу. "Вынуть след" у человека считается и теперь самым недобрый умыслом. Нашептать умеючи над этим вынутым следом — значит, по старинному поверью, связать волю того, чей след, по рукам и ногам. Суеверные люди боятся этого как огня! "Матушка-кормилица, сыра земля родимая, — отчитываются от такой напасти, — укрой меня от призора лютого, от всякого лиха нечаянного. Защити меня от глаза недоброго, от языка злобного, от навета бесовского. Слово мое крепко, как железо. Семью печатями оно к тебе, кормилица Мать-Сыра Земля, припечатано — на многие дни, на долгие годы, на всю жизнь вековечную!"

Воистину, "всю жизнь вековечную" Мать-Сыра Земля растит-питает хлеб насущный на благо народное; унимает "*ветры* полунощные со тучами", удерживает "морозы со метелями", поглощает силу нечистую и увлекает ее в бездны кипучие, преисподние. Всегда она остается все той же матерью для живущего на ней и ею народа, который своим внукам-правнукам заповедывал одну великую и нерушимую заповедь: любовь и почтение к земле родимой. Как траве-мураве не вырасти без горсти земли, так и русскому народу не прожить на белом свете без земли-кормилицы. Как без пахаря-хозяина и добрая земля — горькая сирота, так и он без земли — что без живой души в своем богатырском теле!

Медведь

ЛЕСНОЙ воевода. Запечатлелся он своим неуклюжим обликом во многом множестве пословиц, поговорок, прибауток и загадок. Окрестил русский народ медведя Мишкой, Михайлой Иванычем, Топтыгиным. Незлобив и даже добр по-своему — по-медвежьему — он, если его не трогать; но охотникам, выходящим на

него с топором да с рогатиной, совсем напрасно полагаться на его доброту: умеет он быть грознее грозного воеводы — того и гляди из "косолапого мишки" превратится в свирепое лесное чудовище. "Отпетыми" зовут завязых медвежатников, при каждом выходе на охоту провожая их — как на *смерть*. "Медведь — *лешему* родной брат, не дай Бог с ним встренуться!" — говорят подлесные жители. О том, как собирает медведь дань с народа пчелиного, существует немало всяких росказней. По медвежьему хотению и зима студеная длится: как повернется он в своей берлоге на другой бок, так и зиме ровно половина пути до весны осталась.

Месяцы

В СЛАВЯНСКИХ сказках нередко выводятся действующими лицами месяцы в виде двенадцати братьев, восседающих на стеклянной горе, то есть на небе, вокруг пылающего костра-солнца. Костер этот горит то сильнее (в летнюю пору), то слабее (зимой), смотря по тому, какой из месяцев берет в свои руки правительственный жезл. Весенние месяцы изображаются цветущими юношами, летние — достигшими полного развития сил мужами, осенние — пожилыми, стареющими братьями, а зимние — седовласыми старцами...

В древности на Руси месяцы назывались так: январь — просинец, февраль — бокогрей, лютый, сечень, снежен; март — свистун, сухой; апрель — цветень, березозол; май — травень; июнь — изок (то есть кузнечик); июль — грозник, сенозорник, страдник; август — зарев, серпень; сентябрь — летопроведец, осенины, ревун; октябрь — листопад, зазимник; ноябрь — грудень, братчины; декабрь — студень, зимник.

Микула Селянович

ОДИН из любимейших народных героев, пахарь, воплощение всего русского народа-труженика. *Святогор-богатырь*, сильнейший и древнейший из всех богатырей святорусских, не смог поднять сумку с тягую (силой, тяжестью) земною, которую небрежно обронил Микула Селянинович. Да и Вольга Святославович (*Волхв* Всеславлич) оказался слаб против Микулиной силушки.

Сошку, забытую в поле, не смогла своротить ни вся дружина Вольги, ни он сам, прославленный множеством подвигов. Пришлось самому оратаю воротиться на недопаханную полосу, и "одной ручкою бросил он сошку за ракетов куст". В ответ на вопрос, как его, богатыря, звать-величать, оратай ответил: "Я Микула, мужик я Селянинович, меня любит *Мать-Сыра Земля!*"

Она и впрямь любит мужика, пахаря, неустанного труженика, потому и наделяет его сказочной силою богатырскою!

Мокошь

ПО ВЕРОВАНИЯМ древних славян богиня, влиянием на людей почти равная *Перуну*. Это единственное женское божество, чей *идол* в Киеве стоял на вершине холма рядом с кумирами Перуна, *Белеса* и других божеств: олицетворение *Матери-Сырой Земли*.

Со временем под власть ее всецело перешло "бабье царство", и Мокошь стали представлять длиннорукой, большеголовой женщиной, прядущей по ночам в избе: поверья запрещают оставлять кудель, а то Мокошь отпрядет. В этом образ древней богини женских ремесел слился с образом *Пятницы*, которой приносили

жертву, бросая в колодец пряжу, кудель; название этого обряда — "мокрида", как и имя Мокошь, связано со словами "мокрый", "мокнуть".

Морена (Мара, Марена, Мора, Мура)

БОГИНЯ бесплодной, болезненной дряхлости, увядания жизни и неизбежного конца ее — *смерти*. Помните слово "мор" — оно обозначает поголовную и внезапную смерть целых народов и государств. В нем сохраняется память об этой жестокой, неумолимой богине, которой неугодны никакие жертвы, кроме увядших цветов, сгнивших плодов, опавших листьев и угасших человеческих жизней.

На Украине сохранился обряд-оберег против этой злой силы. Накануне Иванова дня делают соломенного *идола Купалы* — иногда величиною с ребенка, а иногда в настоящий рост человека. На него надевают женскую сорочку, плаху, мониста и венки из цветов. Тогда же срубают дерево, обвешивают его лентами и венками и устанавливают на избранном для игрища месте. Дерево это называют Мореною; под ним ставят наряженную куклу, а подле нее стол с разными закусками и напитками. Затем зажигают

большой костер и начинают прыгать через него попарно (молодцы с девицами), держа в руках купальскую куклу.

Игры и песни продолжают до рассвета.

На другой день куклу и Морену приносят к реке, срываю́т с них украшения и бросают ту и другую в *воду*, чая излечить себя на ближайшую пору и от болезней, и от смерти, и, конечно, от меньших неприятностей.

Моровая дева

ТАК НАЗЫВАЮТ всякую повальную болезнь.

Показываясь в деревне, о́на обходит дома, просовывает руку в окно или дверь и машет красным платком, навевая на хозяев и домочадцев смертельную заразу.

При ее появлении жители запираются в своих избах, не открывают ни окон, ни дверей, и только совершенный недостаток припасов и голод заставляют их нарушать эту предосторожность.

В старые годы жил-был шляхтич; решившись пожертвовать собою для общего блага, он взял саблю и сел у нарочно открытого окна; как только Моровая дева протянула руку в окно, шляхтич ударил саблею и отрубил ей кисть.

Сам он умер, померло и его семейство, но с той поры болезнь уже не показывалась в этой местности.

Подобное же предание уцелело и в памяти русского народа: храбрый казак отрубил руку *ведьмы*, которая действовала так же губительно, как Моровая дева; в глухую полночь являлась она, вся в белом, отворяла окно избы, просовывала руку с кропилом и начинала кропить в разные стороны, а к утру вымирала вся семья...

Моровая язва

ЗЛОВЕЩАЯ женщина огромного роста (иногда на ходулях), с распущенными косами и в белой одежде; она разъезжает по свету в повозке или заставляя какого-нибудь человека носить себя по городам и селам; своею костлявою рукою она веет на все на четыре стороны кровавым или огненным платком — и вслед за взмахом ее платка все кругом вымирает.

Был жаркий день; мужик сидел под деревом. Приблизилась к нему женщина высокая, закутанная в белое покрывало. "Слыхал ли ты про Моровую язву? — сказала она. — Это я самая. Возьми меня на плечи и обнеси по всей Руси; не минуй ни одного села, ни города; я должна везде заглянуть. Кругом тебя будут падать мертвые, но ты останешься невредим". Затем она обвила длинными, исхудалыми руками вокруг шеи, и бедняк пошел со своею страшною ношею, не чувствуя ни Малейшей тяжести. На пути лежало местечко, где раздавалась музыка и весело, беззаботно пировал народ; но Язва повеяла

своим платком — и веселье исчезло: стали рыть могилы, носить гробы, кладбище и улицы наполнились трупами. Где ни проходил человек, всюду богатые города и деревни превращались в пустыни; бледные, дрожащие жители разбежались из домов и в мучительных страданиях умирали в лесах, по-

лях и по дорогам. Наконец добрался он до своего родного села: здесь проживали его старушка мать, любимая жена и малые дети. Отчаянье и жалость овладели душою несчастного; он решился утопить себя и Язву, ухватил ее за руки и, обойдя село, бросился вместе с нею с крутого берега в волны. Сам он утонул, но Моровая язва не могла погибнуть: с легкостью стихийного существа она поднялась из воды и, напуганная смелостью человека, убежала в лесистые горы...

Морозко (Мороз, Трескун, Студенец)

ПОВЕЛИТЕЛЬ зимних холодов. Его представляли в образе низенького старичка с длинной седой бородою. Зимой бегает он по полям и улицам и стучит: от его стука начинаются трескучие морозы и сковываются реки льдами.

Если ударит он об угол избы, непременно бревно треснет! Его дыхание производит сильную стужу. Иней и сосульки — его слезы, его замерзшие слова. Снежные облака — его волосы. Очень не любит он тех, кто дро-

жит и жалуется на стужу, а бодрым, веселым, здоровым дарует крепость телесную и жаркий румянец. *Зима* — его супруга, *Мароссы* (Трескуны) — верные слуги. С ноября по март Морозко такой мощи набирается, что даже солнце перед ним робеет!

На радостях он покрывает стекла оконные изумительными узорами, леденит поверхность озер и рек, чтобы можно было по ним кататься, замораживает снежные горки и веселит честной народ снегом, бодрящим морозцем и веселыми зимними празднованиями.

Морская Пучина-Кругом ГЛАЗА

ПРЕКРАСНЫЙ поэтический образ *Океан-моря*, наделенный особыми, волшебными свойствами, умом и душою.

Жил на свете новгородский богатырь Василий Буслаев, который не знал, куда девать свою богатырскую силушку.

Такова же дружина его была.

Плыл как-то Василий Буслаевич "через море к зеленым лужкам". Видит — лежит впереди Морская Пучина-Кругом Глаза.

Начал Василий вокруг Морской Пучины похаживать, сафьян-сапожком ее попинывать. Посмотрела на богатыря новгородского Морская Пучина-Кругом Глаза: "Не пинай меня, говорит, не то сам тут будешь!"

Смешлива была дружина Буслаевича, начали дружинники Пучину перескакивать: все до единого перескочили.

Прыгнул Василий — да не перескочил, задел за Пучину пальцем правой наги... Тут ему и последний, смертный час пришел!

Морской царь

ВЕРХОВНЫЙ владыка всех вод, омывающих землю. Когда он веселится в своих пышных подводных чертогах, то разыгрывается непогода и бушующая стихия топит корабли. Дабы умилостивить царя, корабельщики опускают за борт хлеб-соль, а случалось, и людей по жребию, как в былине о *Садко*.

По древним славянским преданиям, все моря и океаны — это кровь Морского царя, а реки — его дочери.

Иногда в наших сказках Морской царь является в виде лютого жеребца, которого должен объездить сильномогучий богатырь.

Позднейшие сказания рисуют Морского царя не только грозным властелином, но и отцом многочисленной семьи. Только нет у них с водяной царицею — "всем русалкам русалкой" — сыновей: одни дочери рождаются — девы моря с рыбьим хвостом.

Русские простонародные предания вещают из глубины стародавних лет о том, что все дочери Морского царя превратились в большие реки. Потому-то с ними и связаны во многих местах Руси суеверные представления, являющиеся отголосками древнего обожествления вод земных.

НАВЬИ

ДРЕВНЕЙШЕЕ название мертвецов. Происходит оно от индоевропейского слова, которое означало вид погребального обряда или реку, по которой плывут в царство мертвых. До сих пор в народе бытует странное выражение, от которого мурашки по коже бегут: "В нави зрети" — то есть ожидать *смерти*, а *Радунница*, день поминовения усопших, называется "навий день" и "навьи проводы". В "Повести временных лет" эпидемия в Полоцке приписывалась мертвецам, которые скачут по улицам на незримых конях и поражают всех живых: "Навьи бьют полочан".

Мертвецы, навьи всегда враждебны живым. Даже слишком большая печаль по умершим осуждалась мудрецами, ибо навий можно накликать, как бы призвать к себе своей тоскою, а значит, отдать им себя во власть. Мертвым — мертвое царство, живым — живое, поэтому от общения с потусторонним миром люди должны всячески остерегаться. Скажем, нельзя париться в бане после полуночи: в эту пору приходят на свой шабаш навьи. Но уже коли забрел в баньку запоздалый купальщик, надобно быть настороже: как услышишь за спиною тихий шепот, как увидишь куриные следы, вдруг возникшие на золе у печки, — быстренько осеняй себя крестом и беги в чем есть, хоть бы и вовсе нагишом, не то настигнут навьи, отнимут *душу*... Ну а чтобы задобрить их, надобно не-

пременно оставить после себя в бане хоть обмылочек, хоть немножко воды на дне шайки — пусть придут покойнички, пусть цотешатся в баньке, как при жизни тешились!

В славянской философии "навь" — олицетворение прошлого, ушедшего, минувшего.

Нежить (нечистая СИЛА)

СОБИРАТЕЛЬНОЕ имя всякой черной, тусторонней силы, вредоносной человеку: *домовых, русалок, водяных, чертей*, а в языческую пору — и всех недобрых духов и божеств.

Нечуй-ветер

ПО СКАЗАНИЯМ чародеев, эта трава растет зимою по берегам и озерам. Простолюдины думают, что тот, кто обладает ею, всегда может остановить *ветер на воде*, избавить себя и судно от потопления, наконец, ловить рыбу без неводов. Время для сбора травы нечуй-ветер назначается у крестьян 1 (14) января, под Васильев вечер, в глухую полночь. Они думают, что в это время нечистая сила, прогуливаясь по озерам и рекам, бросает траву нечуй-ветер для уничтожения бури.

При всем том люди зрячие не могут находить это растение: одни только слепые от рождения чувствуют присутствие его. Когда они наступают на эту траву, в слепые глаза их словно кто-то колет иглами. Если они успеют поднять траву и схватить, но не руками, а ртом, тогда они перенимают ее силу.

Нички

ЖЕНСКИЕ мифические существа, о которых на Украине рассказывают, что они в ночное время, особенно по пятницам, стучат и шалют в избах; бабы боятся, чтобы они не выпряли весь лен, и прячут от них свои кудели.

Ниян (Ний)

ОДИН Из самых беспощадных и жестокосердных славянских богов, олицетворение тех страшных наказаний, которые ждут после смерти всех злодеев, убийц, супостатов.

Он был властителем славянского ада, судьей мертвых, повелителем мучений. Славяне никогда не могли примириться с тем, что те, кто жили незаконно, не по совести, обманывая друг друга, грабя своих ближних, могли остаться безнаказанными. Они искренне полагали, что отомстится, отольется им не на этом свете, так на том. Как и многие другие народы, славяне верили, что место казни для беззаконников — внутри земли.

Конечно, этого бога люди могли только бояться, поэтому святилищ его не существовало. Однако воображали его железным великаном, восседающим в подземелье на черном гранитном троне. Главу его венчала свинцовая корона, в руках сверкали огнем скипетр и меч.

Жертвовали ему не только кровью животных, но и людьми, особенно во время страшных болезней или войн: кидали жребий среди преступников — и тех, на кого он пал, убивали во славу Нияна, сбрасывая в провалы земные, дабы насытился он этой кровью и отвратил беды от невинных.

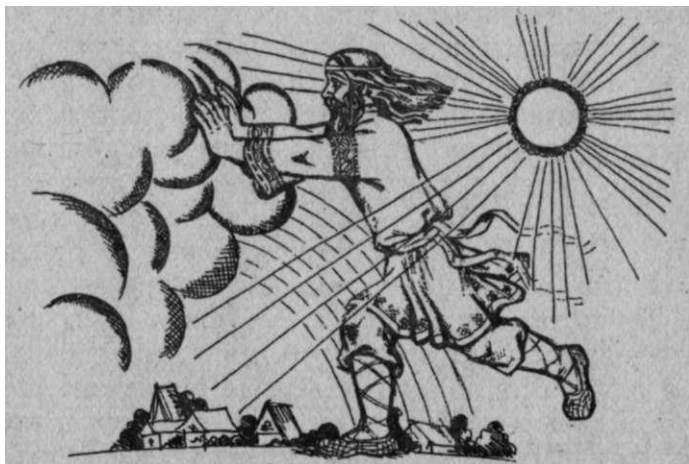

Обида

ЧЕРНАЯ лебедь, птица печали и горя, воплощение всего отчаяния, которое сопутствует человеку в его жизни.

Облакопрогонники

В ДРЕВНОСТИ так назывались *колдуны*, обладавшие особенной чародейной силою и умеющие воздействовать на погоду, изменять направление *ветров*, усми-

рять вихри. Ростом они достигали небес, так что им ничего не стоило коснуться белоснежных облачных глыб, разогнать их и выпустить на свободу пресветлое солнце. Однако при надобности те же чародеи гнали полчища дождевых и снеговых туч на поля, поливая их; иной раз благодаря их стараниям реки выходили из берегов, сутками бушевали ураганы... Когда же наши далекие предки принимались воевать, счастлива была та сторона, вместе с коей сражались облакопрогонники, ибо могли они противника заставить отступить, среди лета напустив на лагерь его метели, среди зимы полив ледяным дождем, среди дня наведя кромешную тьму и сбив с дороги. Увы, до наших времен дошли одни лишь отрывочные и восторженные слухи о баснословных колдунах — облакопрогонниках!

Обменыш

ОДНО из любимых занятий бесов — похищение детей. Дьявол подменяет своими чертенятами некрещеных человеческих младенцев. Без разбору *черти* уносят и тех, которых в сердцах проклинают матери, и таких, которым в недобрый час скажут неладное (черное) слово, вроде: "Хоть бы черт тебя унес". Уносят и младенцев, оставленных до крещения без надлежащего присмотра, то есть когда младенцам дают заснуть, не перекрестивши их, дают чихнуть и не поздравляют ангельскую душу, не пожелают роста и здоровья. Особенно не советуют зевать в банях, где обыкновенно роженицы проводят первые дни после родов. Нечистая сила зорко сторожит и пользуется каждым случаем, когда роженица вздремнет или останется одна. Вот почему опытные повитухи стараются не покидать матерей ни на одну минуту; в крайнем случае, при выходе из бани, крестят все углы. Если

же эти меры предосторожности не будут приняты, то мать и не заметит, как за крышей зашумит сильный ветер, спустится нечистая сила и обменяет ребенка, положив под бок роженицы своего лешачонка или обменыша.

Эти обменыши бывают очень тощи телом и крайне уродливы: ноги у них всегда тоненькие, руки висят плетью, брюхо огромное, а голова непременно большая и свисшая на сторону. Сверх того, они отличаются природной тупостью и злостью и охотно покидают своих приемных родителей, уходя в лес. Впрочем, живут они недолго и часто пропадают без вести или обращаются в головешку.

Что касается судьбы похищенных детей, то черти обыкновенно носят их с собой, заставляя раздувать начавшиеся на земле пожары. Но бывает и иначе. Похищенные дети отдаются на воспитание русалкам или проклятым девкам, у которых они остаются, превращаясь впоследствии: девочки в *русалок*, мальчики в *леших*.

Сюда же, к неизвестным "тайным людям", или к самим дьяволам, поступают "присланные дети", то есть случайно задушенные матерями во время сна. И в том, и в другом случае *душа* ребенка считается погибшей, если ее не спасет сама мать постоянными мо-

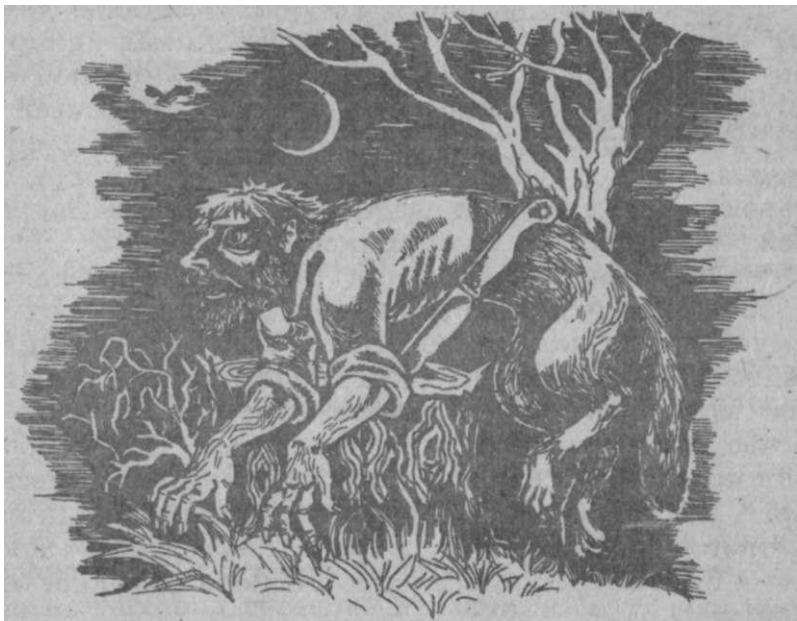

литвами в течение 40 дней, при строжайшем посте. Ребенок, унесенный "тайными людьми", делается сам тайным человеком: невидимо бродит по белому свету, отыскивая себе пропитание. Пьет молоко, оставленное в горшках неблагословенным, снимает с кринок сметану. Если же ребенок похищен дьяволом, то последний помещает его в темной и тесной темнице. Хотя в темнице нет ни *огня*, ни кипящей смолы, как в крошечном аду, зато ребенок навсегда лишается света и будет вечно проклинать свою мать за то, что она не уберегла его. Впрочем, для матери, осыпаемой упреками посторонних и страдающей от личного раскаяния, имеется из этого мучительного положения выход. Необходимо три ночи простоять в церкви на молитве; но *беда* в том, что не всякий священник разрешает это. Тем не менее несчастные матери слепо веруют, что если ребенка похитили "тайные люди", то он, по молитве, явится на своем месте целым и, по окроплении святою *водою*, останется невредимым.

Оборотень

ПРИПИСЫВАЯ превращения влиянию злого колдовства и в то же время признавая *души* человеческие за существа стихийные, способные менять свои телесные одежды, предки наши пришли к убеждению, что *колдуны*, *ведьмы* и нечистые духи могут превращать людей в различных животных. Убеждение это глубоко укоренилось у всех индоевропейских народов и вызвало множество любопытных сказаний. На Руси думают, что колдун, зная имя человека, может по собственному произволу сделать его оборотнем, а потому имя необходимо утаивать и называться иным, вымышленным. В пылу злобы и мщения колдуны и ведьмы творят чары и оборачивают своих недругов навсегда или на какой-то срок зверями. Таких не-

вольных оборотней называют вовкулаками, или *волкодлаками*, потому что всего чаще их представляют в виде *волков*. Это — более страждущие, чем зловерные существа: они живут в берлогах, рыскают по лесам, воют по-волчьи, но сохраняют человеческий смысл и почти никогда не нападают на деревенские стада; только нестерпимый голод может понудить их искать себе поживы. Нередко бродят они возле родного села и, когда завидят человека, смотрят на него так жалостно, как будто умоляют о помощи; случилось замечать при этом, что из глаз бедного оборотня струились в три ручья слезы; сырого мяса, которое ему предлагают, он не берет, а брошенный кусок хлеба поедает с жадностью.

Один пригожий юноша презрел любовь ведьмы, и вскоре его постигло жестокое мщение: раз поехал он за дровами, остановился в лесу, взялся за топор и только что замахнулся на *дерево*, как руки его превратились в волчьи лапы, а затем и весь он покрылся

мохнатою шкурою; несчастный бросился к своим волам, но те в испуге шарахнулись в сторону; хотел было остановить их своим голосом, но вместо людской речи раздался протяжный дикий вой. Другая ведьма оборотила волком своего соседа, Который впоследствии, когда освободился от заклятия, рассказывал, что, будучи оборотнем, он подружился с настоящим волком, ходил с ним на добычу, и хотя чувствовал себя человеком, не мог выражать своих мыслей словами, а выл по-волчьи...

Средства, употребляемые колдунами и ведьмами для превращения людей в животных, сходятся с теми, силою которых они сами становятся оборотнями. Средства эти следующие.

Набрасывание звериной шкуры. Крестьяне уверяют, что в старые годы случалось, снимая шкуру с убитой волчицы или медведицы, находить под нею бабу в сарафане. Есть рассказ, что на охотничьей облаве убили трех волков, и когда стали снимать с них шкуры, то под первую нашли молодого жениха," под вторую — невесту в ее венчальном уборе, а под третьей — музыканта со скрипкою.

Волшебная науза (петля). Чтобы превратить свадебное сборище в стаю волков, колдуны берут столько ремней или мочал, сколько нужно оборотить лиц; нашептывают на них заклятия и потом этими ремнями или мочалами подпоясывают обреченных, которые тотчас же и становятся волкодлаками. Такой оборотень не иначе может получить прежний человеческий образ, как разве в том случае, когда чародейный пояс изотрется и лопнет; но и после избавления долгое время бывает дик, сумрачен и не скоро навывает людской речи.

Народные сказки свидетельствуют еще, что колдуны и ведьмы превращают людей различными зверями и птицами, ударяя их зеленым прутиком, палкою или плетью (кнутом-самобоем). Удару волшебного прута придается двойное значение и в преданиях о

волкодлаках и оборотнях: им превращаются люди в звериные образы, и, наоборот, им же разрушается сила заклятия, и превращенные возвращаются в среду людей.

Овинник (гуменник)

КАК ВИДНО из названия, жил этот дух в овинах (на гумнах) — строениях, где крестьяне в старину снопы сушили. Сидел овинник в самом дальнем углу подлазником и ночью — глаза горели кале-

ными угольями, как у *кошки*, да и сам он был похож на огромного кота — весь черный и лохматый, сажей измазанный.

Овинник умел лаять по-собачьи, хлопать в ладоши и хохотать, когда удавалось ему наказать нерадивого хозяина.

Суждено было овиннику стеречь овин, чтоб *огонь* не разгорелся больше нужного, чтоб не было пожара; следить за укладкою снопов, наблюдать за временем и сроками, как и когда затоплять овин, не позволять делать этого под большие праздники. В случае нарушения этого завета, бывало, так пихнет в бок ослушника, что тот едва соберет дыхание; ну а на худой конец, разгневавшись, может и сам овин поджечь. Не позволял он также сушить снопы во время сильных *ветров* и безжалостно за это наказывал.

Овинник считался самым зловредным из всех духов, окружающих крестьянина в его повседневной жизни: если залютует, ублажить его было нелегко! Разве что принести к овину пироги и *петуха*: петуху у входа отрубали голову и кровью кропили по всем углам, а пирог оставляли в подлазе. Вообще, угощение и почет овинник любил так же, как все его нечистые сородичи. Опытные хозяева не иначе начинали топить овин, как попросив у "хозяина" позволения. А после того, как мужик сбрасывал последний сноп, прежде чем идти домой, обращался к овину лицом, снимал шапку и с низким поклоном говорил: "Спасибо, батюшка-овинник: послужил ты нынешней осенью верой и правдой!"

Овины, как и бани, были излюбленным местом девичьих *гаданий*.

Приходили сюда на Васильев вечер, в полночь, между вторыми и третьими петухами (излюбленное время у овинников и самое удобное для заговоров). Самая смелая протягивала в окошко руку и спрашивала:

— Овинник-родимчик, суждено ли мне по нынешнему году замуж идти?

Погладит овинник голой рукой — девушке жить замужем бедно, погладит мохнатой — богато жить. А если никто ее не трогал — значит, в девках предстояло сидеть.

Таков был овинник — хранитель главного крестьянского богатства — хлеба.

Огонь

ДРЕВНЕЕ почитание огня, основанное на величайших услугах, оказанных им человечеству, и в настоящее время не совсем изгладилось из народной памяти. Не зря называют его царь-огонь! Стихия, дающая

тепло и свет, снизошла с неба, чтобы разделить свою власть над человеческим родом лишь с Другой, столь же могучей стихией — *водою*.

Но, составляя основу человеческой культуры на земле, огонь, вместе с тем, является и истребителем ее: при неудачном и несчастливом применении он временами проявляет могучую и страшную силу, которая сметает с лица земли все, что попадает к ней на пути, и которая заставляла первобытных людей, в благоговейном трепете, поклоняться огню и умиловать его молитвами и жертвами. Этот культ выразился у славян в поклонении *Перуну*. Мгновенное освещение тучи и неба огненной струей повсюду среди славянских племен признается небесным огнем и издревле называется священным, причем, если гром ударит в человека или в строение, то никто не станет их спасать, считая это сопротивлением воле божией.

Кое-где на Руси во время первой грозы разводят в печи огонь, как бы призывая этим покровителя земного пламени на помощь против пламени небесного.

В стародавние годы было в обычае поддерживать на домашнем очаге неугасимое пламя, возженное от огня, добытого из сухой сердцевины дерева: живого огня. Живой огонь был в большом употреблении как мера борьбы с болезнями. Через него переносили больных, перегоняли стада. А чтобы вера в очистительную силу этого огня стояла в деревне крепче, по обеим сторонам костра выкапывали две ямы: в одну зарывали живую *кошку*, в другую. — *собаку*: этим отнимали у чумных *оборотней* силу бегать по дворам кошками и собаками и душить скотину. Живым огнем возжигаются купальские костры, через которые прыгала молодежь, дабы быть наделенной здоровьем.

Домашний очаг считался в старину священным. В его огне видели силу, не только дававшую человеку тепло и пищу, но и отгонявшую от жилища всю нечисть, всякую болезнь лютую. Очаг был первым жертвенником славянина-язычника; пылающее на нем

дерево — первой жертвою повелителю огней небесных, Перуну-громовнику. Вокруг очага собирались в былую пору совещания родичей. Выселяясь из дедовского гнезда, молодые непременно брали с собою к своему новому очагу горящие уголья со старого. Только это, по верованиям древних предков наших и могло сохранить родственные связи. Если огонь в чем-нибудь очаге погасал, это сулило суеверному воображению всякие беды и слыло предвестником умирания-угасания семьи. Даже рассыпавшиеся с очага дрова не обещали ничего доброго для хозяев. Плюнуть на очаг почиталось за великий грех. Если кто-нибудь заливал водою чужой очаг, это было выражением непримиримой вражды — на жизнь и смерть. Зола, взятая с домашнего очага в праздничные дни, служила целебным средством: ею пользовали от самых разнородных болезней. Отправляясь в далекий путь, древний славянин брал с собою не только горсть родной земли, но и щепоть золы с домашнего очага. Перед пылающим очагом произносились заговоры. По колебанию его пламени предсказывалась судьба и угадывался будущий урожай...

В стародавние года ни одна невеста не уходила перед венчанием из родительского дома, не простившись с его огнем. Прощание сопровождалось особыми обрядами и песнями-огнянками. Перед домом жениха невесту также встречал огонь: выбегал навстречу дружка, с горячей головнею из женихова очага в руках. "Как ты берегла огонь у отца-матери, так береги и в мужнином доме!" — приветствовал он молодую, троекратно обегая вокруг нее. Только успевала она вступить в дом, как ее вели к пылающему очагу и здесь осыпали тремя пригоршнями зерна: в знак того, что она присоединялась к семье, и в пожелание плодородия в супружеской жизни. С этой минуты молодая вступала под покровительство светлого духа.

Русские люди придают большое значение так называемому освященному огню. Это огонь, вынесен-

ный из церкви после великих священнодействий и в то же время как бы получивший особенную силу и исключительную благодать. В великий четверг, после чтения Страстей, благочестивые люди несут из церкви зажженные свечи, с которыми стояли в торжественные моменты важнейших богослужений. Причем важное значение придается не только огню, но даже свечам. Так, "венчальная свеча" зажигается при трудных родах и иногда ставится в изголовье умирающих в расчете на то, чтобы скорее кончились страдания. "Пасхальная свеча", по влиянию и благодати равносильная с прочими, имеет громадное значение для *пастухов*, у которых будет сохранено стадо, если в рожок закатан будет воск от этой свечи. "Богоявленская" и "четверговая" свечи, кроме защиты во время грозы, имеют еще особые свойства: первая, как и "венчальная свеча", помогает в родах и при *смерти*, вторая владеет могучею силою уничтожить чары *колдунов* и лечит *лихорадки*; ею выжигают на косяках дверей и окон кресты, чтобы злые духи не посещали жилище. Да и всякая свеча, побывавшая в храме и там купленная, обладает магическою силою.

Признавая за огнем целебную и предохранительную силу, наш народ в то же время сохранил уверенность, что священный огонь имеет и множество других полезных для человека свойств: чем, например, наказать непойманного вора, ловко ускользнувшего и схоронившего концы? Для этого надо взять восковую церковную свечу, известную всюду под именем "обидающей" ("за обидающего"), и прилепить перед образом нижним концом вверх, чтобы Господь таким образом поворотил душу врага, навел и возвратил украденное. Еще дальше пошли те суеверные фанатики, которые приготавливают свечи из человеческого жира в расчете, что такая свеча делает обладателя ее невидимым. Вера в эту свечу-невидимку так велика, что люди добровольно обрекали себя на законную кару за разрытие могилы. А ведь огонь дан людям

самим Богом, который ниспослал его с небес на помощь первому человеку по изгнании его из рая, когда человек очутился в безвыходном положении и не знал, как готовить себе пищу. Бог послал молнию, которая расколола и зажгла *дерево*, и тем показал способ добывания столь чтимого и признаваемого святым живого огня. Другие легенды признавали два огня: адский и небесный, а одна из легенд говорит, что до первого греха первых людей огня на земле не было. После же грехопадения отворились адские врата, и пламя вырвалось оттуда и появилось на земле, чтобы причинять людям вред пожарами, обманывать вспышками на местах *кладов*, смущать огневидным появлением на воздухе самих бесов в виде крылатых *змеев* и т.д. Кроме адского огня был послан с неба и тот огонь, которым зажигались жертвы, приносимые Богу, и устранялись многочисленные бедствия, посещавшие людей и домашних животных в виде различных болезней. Несомненным считается лишь то, что на болотах огни зажигают *водяные*, чтобы заманивать и топить неосторожных путников; на кладбищах огонь горит над могилами праведных людей; на местах *кладов* зажигают огонь, для обмана легковверных, охранители зарытых сокровищ — духи-кладовики.

могает от зубной боли и отравы и, сверх того, признается за любовный напиток, способный пробудить нежные чувства в сердце жестокой красавицы; с корнем одолень-травы *пастухи* обходят стадо, чтобы ни одна скотина не утратилась. Всякий, кто отправляется на чужбину (особенно торговый человек), должен запастись этой травой: "Где ни пойдет, много добра обрящет". Собираясь в дальний путь, осторожные люди ограждают себя следующим заклятием: "Еду я во чистом поле, а во чистом поле растет одолень-трава. Одолень-трава! Не я тебя поливал, не я тебя породил; породила тебя *Мать-Сыра Земля*, поливали тебя девки простоволосые, бабы-самокрутки (то есть вешие, облачные девы и жены). Одолень-трава! Одолей ты злых людей: *лихо* бы на нас не думали, скверного не мыслили: отгони ты чародея, ябедника. Одолень-трава! Одолей мне горы высокие, доли низкие, озера синие, берега крутые, леса темные, пеньки и колоды... Спрячу я тебя, одолень-трава» у ретивого сердца, во всем пути и во всей дороженьке"...

Озем и Сумерла

БОГ И БОГИНЯ подземного царства. В глубоких, сумрачных провалах раскинулись их необозримые покои, в которых всегда темно, и только неисчислимы богатства недр озаряют их своим блеском: золотые и серебряные жилы, гроздя самоцветных *каменей*, горящие озера нефти — крови земли... Одежды Озема и Сумерлы из чистого золота, их лица бледны и неприязненны. Ох, не любят они людей, которые ищут богатств земных, оттого так часто обваливаются крепи шахт, взрываются рудники, а порою начинают боги возмущенно трясти землю, чтобы устроить дерзких хитников. Только мертвые угодны Озему и Сумерле — мертвые, недвижимые, покорные... Слуги

богов — кроты, ужи и грибы, их соглядатаи и слухачи. Все, что узнают о жизни людей, все богам подземным рассказывают!

Ну а зимой, когда снег покрывает поля и леса, когда ничто не пробьется сквозь белое тяжелое покрывало, Озем и Сумерла обнимают друг друга крепко-крепко, ибо, несмотря на внешнюю суровость, соединяет их великая и нерушимая любовь, и отдаются сладкому сну вместе со всей замерзшей землей.

Океан-море (море-океан)

КАК СКАЗАНО в одном старинном стихе, "Окиян-море — всем морям мати", то есть мать. К нему все реки, все моря собираются, все в него вливаются, Океан-морю поклоняются. Он отделяет Русь от "некоторых государств" и воплощает собою множество чудес и опасностей.

На берегах Океан-моря высиживает яйца чудо-птица *Алконост*, в самой середине его лежит *остров*

Буян, на котором можно встретить и *Алатырь-камень*, и свинку-золотую шетинку, и даже То, Не Знаю Что...

В синем море-океане живут и *русалки*, и *водяные*, и щуки-рыбы, и чудо-юдо рыба кит, и проклятые отцами дочери-утопленницы, и *рыбы-оборотни*. Океан-море, да и просто море, является в народном представлении олицетворением всего необъятного, необозримого, неисчерпаемого. Оно изобильно и чудесами — и опасностями.

Оно столь же одушевленное, живое, как любой другой сказочный персонаж.

Орей

ЛЕГЕНДАРНЫЙ прародитель русских людей, отец Кия, Щека, Хорива и сестры их Лыбеди, поставивших город Киев, "мать городов русских", и положивших начало нашему славянскому Отечеству.

Орел

ДЛЯ ВСЕХ славянских народов царь-птица, олицетворение гордого могущества и вольности. *Бог-громовник* чаще всего воплощался в нем.

Простонародные русские сказания приписывают орлу способность пожирать сразу по целому быку и по три печи хлеба, выпивать за единый дух по целому ушату меда ставленного.

Но эти же сказания рисуют его богатырь-птицею, разбивающею в мелкие щепки вековые дубы своей могучей грудью. Может царь-птица в своем грозном гневе испускать из острого клюва огонь, испепеляющий целые города.

Появление парящего орла над войском служило предзнаменованием победы — и не у одних древних славян.

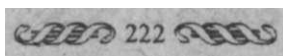
По старинному поверью, у каждого орла в гнезде спрятан орлов-камень, или камень-огневик, охраняющий от всех болезней.,

ОСОТ-ТРАВА

В "ЧАРОДЕЙНЫХ травниках" об этом привычном названии сказано следующее: "Трава Осот добра к тем, кто ее знает: тот человек талант (то есть удачу) обрящет. А растет красна и светла, листочки кругленькие, что денежки, собой в пядь, а цвет ровный. Ту траву надобно при себе держать торговым людям: носи при себе, где ни пойдешь, много добра обрящешь, и от людей честь будет, и великою славою тот человек вознесется, а корень ее светел, как воск..."

Остров Буян

ЛЕЖИТ этот остров за тридевять земель, в тридевяти царстве, посреди моря-океана. Буян играет весьма важную роль в наших народных преданиях: чародейные, заговоры, обращающиеся к стихиям, почти всегда начинаются со слов: "На море, на океане, на острове Буяне", без чего не сильно ни одно заклятие. На нем лежит бел-горюч камень *Алатырь*; на этом острове сосредоточены все могучие силы весенних гроз, все мифические олицетворения громов, ветров и бури; тут обретаются и *змея*, всем змеям старшая и большая, и вещий *ворон*, всем воронам старший брат, который клует *Огненного Змея*, и птица, всем птицам

старшая и большая, с медным клювом и железными когтями, и пчелиная матка, всем маткам старшая. То есть на острове Буяне лежит громоносный змей, гнездится птица-буря и роятся пчелы-молнии, посылающие на землю медовую влагу дождя: так обожествляли наши предки явления природы, одушевляя их прекрасными, поэтическими образами. По мнению народному, от обитателей острова Буяна произошли все земные птицы, насекомые и гады.

По свидетельству заговоров, на том же острове восседают и дева *Заря*, и сам *Перун*, который гонит в колеснице гром с великим дождем.

Сюда обращался древний славянин со своими мольбами, упрасывая богов, победителей зимы и создателей летнего плодородия, исцелить его от ран и болезней, даровать ему воинскую доблесть, послать счастье в любви, на охоте и в домашнем быту...

Отреченные (отменные) книги

ТАК ИМЕНОВАЛИСЬ в древности "волшебные, чародейные, гадательные и всякие от церкви возбраняемые книги и писания", привезенные на Русь из Византии и отчасти с Запада; к ним причислялись и те листы и тетрадки, в которых записывались народные заговоры, приметы и суеверные наставления. Официально запретными и подлежащими немедленному уничтожению огнем признавались:

"Остролог" (другие названия: "Мартилой", "Острономия", "Звездочетец" и "Зодий"). В узаконении о ложных книгах сказано так: "Звездочетец" — 12 звезд; другой "Звездочетец", ему же имя "Шестоднев": в них же безумные люди верующие волхвуют, имут дней рождений своего, санов получения и уроков житию".

Это — сборник астрологических замечаний о вступлении солнца в различные знаки зодиака, о влиянии планет на счастье новорожденных младенцев (то же, что "Рожденник", "Родословие"), а также на судьбы целых народов и общественное благоденствие: будет ли мор или война, урожай или голод, повсеместное здравие или *моровая язва*.

"Рафли" — астрологическая книга, разделенная на двенадцать схем, в которой трактуется о влиянии звезд на ход человеческой жизни. Тяжущиеся, как скоро доходило до судебного поединка, призывали на помощь *волхвов* — "и в те поры волхвы и чародейники от бесовских научений им творят, кудесы бьют и в Аристотелевы врата и в Рафли смотрят, и по планетам гадают..."

"Аристотелевы врата" — перевод средневекового сочинения, составление которого приписывалось Аристотелю.

Книга эта, сверх нравственного наставления, содержит сведения по астрологии, медицине и физиогномике; она состоит из нескольких отделов, называемых вратами.

"Громник", или "*Громовник*" — заключает в себе различные, расположенные по месяцам, предзнаменования (о состоянии погоды, о будущих урожаях, болезнях и прочем), соединяемые с громом и землетрясением; к этому присоединяются иногда и заметки "о состоянии луны право или полого", с указанием на значение таких признаков в разные времена года.

"Молник" ("Молнияник") — здесь собраны сведения, в какие дни месяца что предвещает удар молнии.

"Коледник" ("Колядник") — содержит в себе приметы, определяемые по дням, на какие приходится рождество Христово (праздник *Коляды*), например: "Аще будет Рождество Христово в среду — зима велика и тепла, весна дождева, жатва добра, пшеницы помалу, вина много, женам мор, старым пагуба".

"Мысленник" — вероятно, то же самое, что "Разумник", содержащий сказания о создании мира и человека.

"Волховник" — сборник суеверных примет, "еже есть се: храм трещит, ухозвон, вороноград, куроклик, окомиг, огонь бучит, пес выет" и проч. Некоторые статьи "Волховника" переписывались отдельно, под своими частными названиями, каковы: "Вороноград" — приметы и гадания по крику *воронов*, "Куроглашенный" — по крику *петухов*, "Птичник", или "Птичье чаровье" — по крику и полету птиц вообще, "Трепетник" — истолкователь примет, основанных на трепете различных частей человеческого тела: "Аще верх главы (челюсть, бровь, око и т.д.) потрепещет, лице или уши горят, во ухо десное или левое пошумит (или позвонит), длань посвербит, подошвы отерпнут..."

"Путник" — "книга, в ней же есть написано о сречех" (то есть о встречах) добрых или злых".

"Зелейник" — описание волшебных и целебных трав (зелий) с указанием на *заговоры* и другие суеверные средства, употребительные в народной медицине; подобные тетрадки ходили в народе в списках и назывались еще "Травники", "Цветники", "Лечебники".

• "Чаровник" — он состоит из двенадцати глав, "в них же суть двоекадесять опрометных лиц звериных или птичиих", то есть сказания о блуждающих оборотнях.

"Метание" ("Метаньеимец", или "Розгомечец") — книга гаданий посредством жребия. Желаящие допросить судьбу метали жребии, то есть прутики (розги) с нарезанными на них чертами; вместо этих прутиков могли употребляться и помеченные точками игральные кости; по числу выпавших нарезок или точек определялся номер того изречения гадательной книги, которое должно было служить ответом на задуманный вопрос.

"Альманахи" — сборники, наполнявшиеся разными астрологическими предсказаниями.

Существовали также книги: "Записка о днях и часах добрых и злых", "Сносудец" ("Сновидец", "Сонник").

К сожалению, — большинство отреченных книг было беспощадно истреблено еще при Алексее Михайловиче, отце Петра Великого: они сожигались возами, и судить об их содержании можно лишь по названию.

Пастухи

КРЕСТЬЯНЕ обыкновенно выбирают в пастухи человека безземельного, неспособного по слабости здоровья или по иным причинам к полевым работам. Но при этом принимается в соображение, что если пастух и немощен телом, то взамен владеет особой неизъяснимой и таинственной силой, при помощи которой влияет на стадо и спасает его от всяких бед и напастей. Таких необычайных пастухов очень много в лесных местностях. Здесь верят, что они (по словам пастушьего заговора) оберегают скотину от "лютаго зверя черного, от широколапаго *медведя*, от перехожаго пакостника-волка, рыскуньи-волчицы, от рыси и росомахи, от *змея* и всякаго зверя, и гада, и от злато и лихаго человека". Эти *заговоры* пастухи обязаны знать прежде всего, так как крестьяне придают этому большое значение: если в прежние времена не слышать было на пастухов жалоб, то, стало быть, и заговорные слова говорились ими не на *ветер*, стало быть, они действительно владели той силой, которая не каждому дается. Нет явных следов, чтобы пастухи знали с *лешими* или *полевыми* и прибегали к их помощи, но людская молва и в этих знахарях непрочь подозревать связь с чародеями, а пожалуй, и с самими лешими. Уверены люди, что для удачной пастьбы опытные, пастухи обещают лешему корову или две, так как волков и медведей напускает на

стада эта лесная *нежить*. Кое-где самих леших из благоговения к их могуществу называют "пастухами", потому-де что они перегоняют с места на место скотину, которая, вследствие множества насекомых, в стада не сгоняется. Без помощи леших пастухам приходится туго, а лешие, начальствуя над зверями и перегоняя их с места на место, в пастушьих делах очень опытни.

От леших, между прочим, запасаются пастухи "спуском", то есть особым заговором, при помощи которого *колдуны*, отыскивают потерявшееся животное, и сами этими чарами руководствуются.

Когда придет время спускать скот на пастьбу, пастух у всякой скотины промеж ушей и с крестца состригает клочок шерсти и закатывает его в чистый воск. Этот шарик он впоследствии прячет под камень, около того места, куда обычно ходит стадо на водопой, и предварительно читает длинный заговор, причем шарик этот держит в одной руке, а в другую берет висячий замок. И сам пастух, и все хозяева крепко верят в охранительную силу этого заговора. Перед первым выгоном скота на пастбище производится еще особый обряд "обхода", необходимый для того, чтобы стадо не расходилось летом и не блуждало бы по лесам. Заключается этот обряд в том, что пастух обходит стадо со свечой, с которой стояли светлую заутреню. Часть этой свечи он заделывает в свой берестяной рожок и уверен, что на звук такого рожка скот станет сходитья скорее и охотнее, а хищные звери быстрее убегают прочь.

Пекло

СЛАВЯНСКИЙ ад. Находится он в безднах преисподних, в подземных глубинах, там собираются все злые боги, все недобрые силы.

Перелет-трава

РАССКАЗЫВАЮТ, что она сама собой переносится с места на место. Вся она сияет радужными красками, и темной ночью в полете своем кажется падушей звездочкой.

Счастлив, кто сумеет добыть этот прекрасный цветок: все желания его будут немедленно исполнены.

Переруг

МЕЛКОЕ божество древних славян, недобрый дух, подобный *злыдням*, в которых и теперь некоторые люди верят. Недобрая природа Переруга явствовала из самого его имени: всех он норовил перессорить, во всякую семью или компанию раздор вносил! Жертвенник его никогда не пустовал, ибо каждый стремился задобрить сего сварливого бога: кому же охота, чтобы внезапные ссоры разрушали все начинания и замыслы?!

Говорят, в святилище Переруга всегда не хватало жрецов: они беспрестанно ссорились между собою, даже дрались, а потому уходили служить другим богам. Наконец остался один старый-престарый старик класть требы Переругу, но и он то и дело норовил сцепиться с приходившими в храм. А когда никого не было, сей старик или бранился с самим божеством, или щипал себе руку, чтобы себя же как можно сильнее разозлить и с собою же покрепче поссориться.

Перун

ГРОЗНОЕ славянское божество. Он почитался производителем всех воздушных явлений: рука его управляла громом и молниями. Истукан сего божества был сделан не из одного вещества: стан был вырезан из дерева; голова вылита из серебра; уши и усы изваяны из золота; ноги же выкованы из железа; в руке держал нечто, похожее на молнию, которую представляли вместе составленные рубины и карбункулы. Перед ним горел неугасимый пламень, за небрежение коего

жрец наказывался *смертью*, состоящею в сожжении его как врага божества сего. Из посвященных ему вещей были целые леса и рощи, из коих взятие всякого сучка почиталось достойным смерти святотатством.

В 988 году, когда князь Владимир принял христианскую веру, он повелел истребить все кумиры, и Перун, как важнейший из богов, получил и большее наказание перед прочими богами. В Киеве привязали его к лошадям и таким образом тащили по городу до реки, а между тем двенадцать молодых людей били его палками, потом бросили в реку. Однако жрецы его долго бежали по берегу с криками: "Выдыбай (то есть выплывай), боже! Выдыбай!"

В Новгороде Великом, до утверждения там культа Перуна, существовало святилище Бога-Коркодила. Новгородские гусли, древнерусский ритуальный инструмент, украшались изображением жертвоприношения некоему ящеру...

О низвержении же Перуна в Новгороде рассказывают вот что. Процессия была здесь такая же, что и в Киеве; только новгородский Перун отличался от первого тем, что он до глубины сердца проникнут был своею участью; и в то время, как его влекли по городу, не мог он удержаться, чтоб не воскликнуть громко: "О горе мне! Вчера еще меня почитали, а нынче посрамляют!" Когда с моста низвергли его в реку, то, говорят, поплыл он против стремления *воды*, бросил от себя палку и вскричал: "Жители новгородские! Это оставляю вам в память мою!" Наконец, утомясь от плавания, Перун пристал к берегу в некотором удалении от Новгорода. В память сего на том месте построен был монастырь, названный Перунским.

Некоторые русские летописи повествуют, что долгое время потом юноши новгородские собирались в известный день и били друг друга палками; они утверждают, что это было сделано в воспоминание брошенной Перуном палки.

ПЕСИГЛАВЦЫ

БАСНОСЛОВНОЕ племя, жившее на южных границах славянских племен. О нем упоминает и Геродот в своей "Истории". Песиглавцы были существа с песьими головами и мордами, а потому отличались необычайной выносливостью, свирепостью и жестокостью. Впрочем, люди все-таки соображали лучше, а потому могли противопоставить безудержной злобе песиглавцев хитрость и смекалку. Постепенно племя это было все по выбито в войнах, до которых песиглавцы были большие охотники, — и никого из них на свете не осталось.

Петровы БАТОГИ

СИЯ ТРАВА, по уверениям древних "Зелейников", употребляется *ведьмами* для порчи девиц: "Если которая напьется чего-либо с соком этой травы, то будет чиликать сорокою".

Петух

ЕЩЕ В ДРЕВНЕЙШИЕ времена считался он воплощением огня. В старину славяне посвящали его *Святовиду* и признавали за лучшую умилоствляющую жертву богу *огня* — *Сварогу*.

"Гласим-царь", "Будимир-царь" представлял народной Руси неизменно верные часы, позволяя узнать время ночью.

"Петух поет — значит, нечистой силе темной пора пришла!" — говорят в народе, твердо верящем, что с вечера и "до первых петухов" положено бродить по земле всякому воплощению черта. "Петух поет — на небе к заутрене звонят!" — приговаривают благочестивые старцы, уверенные в правильности предания: мол, как перестанут петь петухи, так и всему миру конец... "Бывает, что и курица петухом поет!" — гласит пословица, применяемая к людям, которые берутся за непосильное дело и заранее похваляются сомнительным успехом. Куроклик (пение кур), однако, считается самым недобрым предзнаменованием...

Другой петух, "петушок — золотой гребешок" русских сказок, представляется народному воображению сидящим на своде небесном и не страшщимся ни огня, ни *воды*. Если кинуть его в колодец — вею воду разом выпьет; в огонь попадет — зальет все пламя.

В крестьянском быту считается, что петух оберегает от пожаров. Потому-то и ставят деревянного или железного петуха на коньке крыши. "Красного петуха пустить" — значит, поджечь что-нибудь. Старые люди уверяют, что, когда пожар начинается от молнии, с неба спускается пламенный петух прямо на крышу.

Бабы-лечейки, знахарки, при *лихорадке*, желтухе, бессоннице носят больных ребят под куриный на-

сеет, где и обливают водою,, приговаривая: "Зоря-заряница, красная девица! Возьми лихую болезнь!"

В старину рассказывали, что нельзя держать петуха во дворе дольше семи лет: семигодовалый петух яйцо снесет, а из этого яйца *змея* вылупится на пагубу люду православному. Вот такая волшебная сила придается тому самому петуху, которого мы считали таким обыкновенным!

Печники-каменщики

ПРОСЛАВИЛИСЬ они злыми шутками, и притом на всю Святую Русь. Найдется ли на ее широком раздолье хотя один такой счастливый город, в котором не указали бы на заброшенный нежилой дом, покинутый и заколоченный наглухо? В таких запустелых домах поселяются *черти*, по ночам возятся на чердаках и швыряют чем попало и куда попало. Как только кто-нибудь поселится в таком доме, в первую же ночь слышится голос: "А, окошко вставили, двери сделали!" — и поднимется вслед за тем шум, а наутро оказывается, что все стекла в окнах и дверях выбиты.

Один каменщик рассказывал: "Когда трубу кладем, так ртути в перышко гусиное линешь, плотный-то конец оставишь на воле, а другой замажешь. Как затопят после того печку — она и застонет, а хозяева боятся: "Смотри-ка, мол, каменщик, какую штуку удрал".

Сговорились как-то плотники с печниками и вмазали в трубу две пустые незаткнутые бутылки по самые горлышки. Стали говорить хозяева: "Все бы хорошо, да кто-то свистит в трубе — страшно жить". Пригласили других печников: "Поправить, говорят, можно, только дорого возьмем". Взялись сделать, но вместо бутылок положили гусиных перьев, потому что не получили должного расчета. Свист прекратил-

ся, но кто-то стал охать да вздыхать. Опять обратился хозяин к печникам, отдал уговорные деньги на руки вперед, и все успокоилось.

Погрубее и попроще мечь обсчитанных печников заключается в следующем: один кирпич в трубе закладывается так, что печь начинает постоянно дымить, а плотники засовывают в пазах между венцами во мху щепочки, которые мешают плотной осадке. В этих местах всегда будет продувать и промерзать. Точно так же иногда между концами бревен, в углу, кладут в коробочку *камни*: не вынувши их, нельзя плотно проконопатить, а затем и избы натопить. Под коньком на крыше тоже прилаживается из мести длинный ящичек без передней стенки, набитый берестой: благодаря ему в ветреную погоду слышится такой плач и вой, вздохи и вскрики, что простодушные хозяева предполагают тут что-либо одно из двух: либо завелись черти-дьяволы, либо из старого дома ходит сжившийся с семьей доброжелатель-головой и подвывает: просится он в новый дом, напоминает о себе в тех случаях, когда не почтили его зовом на новое житье, а обзавелись его соперником.

Всех этих остросток совершенно достаточно для того, чтобы новоселья обязательно справлялись с таким же торжеством, как свадьбы: с посторонними гостями и подарками, с приносом хлеба-соли и с самыми задушевными пожеланиями.

Плакун-трава

ДОБЫВАЕТСЯ в Иванов день, на ранней утренней *заре*; корень и цвет ее обладают великою силою: они смиряют нечистых духов, делают их послушными воле человека, уничтожают чары *колдунов* и *ведьм*, спасают от дьявольского искушения и всяких недугов; крест, сделанный из плакуна и надетый на бес-

новатого, изгоняет из него поселившихся бесов. Плакун открывает *клады* и заставляет демонов плакать, то есть заставляет тучи проливать дождь. Кому повезет найти и выкопать корень плакуна, тот должен произнести над ним такое заклятие: "Плакун, плакун! Плакал ты долго и много... будь ты страшен злым бесам, полубесам, старым ведьмам киевским; а не дадут тебе покорища, утопи их в слезах; а убегут от твоего позорища, замкни их в ямы преисподние..."

ПЛОТНИКИ

О НИХ с древности распространены в народе многочисленные рассказы, свидетельствующие, насколько мстительны и недоброжелательны эти люди в тех случаях, когда им недоплачивают условленной суммы хозяева и подрядчики. Так как, по известному приговору, их "топор одевает, топор обувает, да он же и кормит", то мастерство свое они умели довести до замечательного искусства и даже до шаловливых фокусов, которыми успевают они "морочить глаза" темных, суеверных людей. А если отводят глаза да при этом еще застрашивают и похваляются мезтью, то чем и объяснить все это, как не уверенностью их в помощи нечистой силы, с которою они, несомненно, знают?

Известен такой рассказ. Однажды плотники не получили сверх расчета обычного угощения пивом и водкой, и, когда ушли, хозяин послал сына посмотреть новую избу. Вернулся тот перепуганным и рассказал отцу про такое диво, что тот сам пошел проверить и увидел то же самое. Только что вошел он, как выскочила маленькая мышь, за ней другая, побольше, и еще больше, а последние стали выбегать ростом в сытую кошку. "Запрягай, сынок, поскорее лошадь, поезжай за тем мастером, зови его на вла-

зины, а еще захвати четверть водки!" Приняли плотника с хлебом-солью и низкими поклонами в новом доме. Выскочила маленькая мышь, а мастер только и сказал ей: "Скажи в стаде чтобы сейчас убрались вон". Не успели они выпить по второй, как большие и маленькие мыши труском и вприскокку выбежали из избы мимо них в двери и в поле.

Недоплатил один мельник плотникам и с первого же дня помола всякий раз его отбрасывало от жерновов с такой силой, что он навзничь валился на пол.

Однажды подслушали бабы, как плотники, достраивая хату, приговаривали: "Дому не стоянье, дому не житье, кто поживет, тот и помрет", — и подсмотрели, что бревна тесали они не вдоль, а поперек, а потом напустили червей. Стали черви точить стены, и едва успел хозяин помереть, как развалилась и хата его. За то, что хозяйка докучала попреками, укоряя, что плотники много у ней выпили и еще того больше съели, они посадили ей *кикимору*: никого не видно, а человеческий голос стонет. Как ни сядут за стол, сейчас же кто-то и скажет: "Убирайся-ка ты из-за стола-то!" А не послушают — начнет швырять с печи шубами или с полатей бросаться подушками. Так и выжила кикимора хозяев из дому. Сказывали знающие люди о причинах этого происшествия, но разное: одни говорили, что либо на стоянке, либо под матицу плотники подложили свиной щетины, отчего и завелись в доме *черти*. Другие предполагали, что под домом зарыт был когда-то неотпетый покойник или удушенный и что плотники знали про то и намеренно надвинули к тому месту первые венцы, когда ставили сруб. Плотники просверлят дыру и вставят в нее бутылочное горлышко, ветер дует в это незаметное для глаз отверстие, отчего происходит завывание, а хозяин думает, что в его жилище поселили лихого.

Какие-то плотники так наколдовали, что, кто из его семьи ни войдет в новую избу, всякий в переднем углу видит покойника, а если войдут с кем-нибудь

чужим — не видят. В первую же ночь сына хозяйского сбросило с лавки на пол. Решили сломать избу и поставить новую. Стали ломать — и нашли в переднем углу, под лавкой, вбитым гвоздь от гроба.

Поветрие

ТАК НАЗЫВАЛАСЬ у древних славян оспа, потому что наносится она злым *ветром*. Где ни повеет чудище своим красным платком, там умирает все живое. Поветрие разъезжает в летучей колеснице, запряженной привидениями-страшилами, которые ей одалживает *Морена*, богиня гибели, или сама *Смерть*.

Позвизд (Посвист, Похвист, Вихорь)

СВИРЕПЫЙ бог бурь и непогод. С его бороды лили проливные дожди, из уст исходили туманы. Стоило Позвизду потрянуть волосами, как на землю валил крупный град.

Вместо плаща влачили за ним *ветры*, а с полы его одежды валил хлопьями снег. Стремительно носясь по небесам, сопровождаемый свитой бурь и ураганов, он распространял вокруг шум и свист, и ничто: ни люди, ни звери, ни столетние *деревья*, ни горные кряжи — не могло устоять перед его стремительностью и натиском!

Позвизд имел вид свирепый, волосы и бороду всклокоченные, крылатые распахнутые одеяния. Жил он где-то на вершинах высоких и далеких гор, однако неподалеку от древнего Киева был ему воздвигнут во

чистом поле храм: а вдруг, приустав в полете, бог залетит сюда передохнуть — и увидит, как чествуют его славяне?..

Вообще говоря, Позви́зда почитали не только покровителем бурь, но и всяких воздушных перемен.

Так что иногда он мог смилостивиться над людьми — и уступить без борьбы своему брату *Догоде*.

ПОЛАЗНИК

БЛАГОДУШНЫЙ, добросклонный божок, приносящий счастье в Новом году. Недаром у поляков до сих пор так называется рождественская елка. Полазником в древности называли домашнего духа, который украдкой нашептывал домочадцам разные веселые пророчества. Полазник всегда добр, поэтому современные гадания в его честь веселые и забавные. Верят в него в Сербии и Польше, на Украине, в Белоруссии, Чехии, Болгарии. Полазником называют первого человека, посетившего дом в новом году. Если Полазник известен как удачливый человек, год будет счастливым. Если Полазник мужчина, родятся дети и животные мужского пола, женщина — женского.

В честь Полазника во многих странах и до сих пор устраивают пиршество, он произносит заклинания о размножении скота и здоровье людей с помощью рождественского полена — *бадняка*.

Полевик (Житный дед, Жыцень, Гречуха)

ДУХ, охраняющий хлебные поля. В отличие от прочей *нежити*, любимое время его — полдень, когда и можно увидеть этого маленького старичка с телом черным, как земля, с разноцветными глазами, с волосами и бородою из колосьев и травы.

Живет он в поле только весной и летом, во время всхода, роста и созревания хлебов. С начала жнитва наступает для него нелегкая пора: приходится бегать от острого серпа да прятаться в недожатых полосках. В последнем снопе — последний приют его. Поэтому и смотрят на этот сноп старые Люди с особым почетом: или наряжают его и с песнями несут в деревню, или переносят в житницу, где хранят до нового сева, чтобы, засеяв вытрясенные

из него зерна, умиловать покровителя полей, дав ему возможность возродиться в новых всходах.

Полевика не назовешь добряком, любит он шутить с человеком шуточки нехорошие: то с тропы собьет, то заведет в болото, а уж пьяного такое заставит наработать, что потом хоть топись от стыда!

Говорят, с полевиком особенно часто можно встретиться у межи (границы полей). Спать, например, в таких местах ни за что нельзя: детки полевиков,

межевички и луговички, бегают здесь и ловят птиц родителям на обед. Если же найдут спящего человека, то навалятся на него и задушат.

Как и все духи, житный дед любит, чтобы его задобривали как можно чаще. Глухими ночами уходят земляпашцы подальше от проезжей дороги, к какому-нибудь рву, и приносят в дар полевику несколько яиц и старого, безголосого петуха — притом так, чтобы никто не видел, иначе жыцень рассердится. А в этом случае немало может он напроказить в полях: и всякую истребляющую урожай гадину напустит, и вообще весь хлеб перепутает, так что вырастет среди ржи пшеница, а меж проса — ячмень. Задобренный же станет всячески оберегать ниву зорким хозяйским глазом!

Дабы полевые духи могли перезимовать без нужды и заботы, крестьянин, следуя стародавнему обычаю, оставляет на полях несколько несорванных яблок, а на току несколько пригоршней обмолоченного зерна, и за это ожидает на будущий год хорошего урожая. Несжатые колосья связывают за макушки пучком — это называется завивать Велесу (который, как мы помним, был богом плодородия) бороду, или Велесовой бородкой.

Полеля

ВТОРОЙ сын богини любви *Лады*, младший брат *Леля*. Даже самое имя его означает: "следующий по Леле", ибо брак всегда следует за любовью, венчает ее. Полеля, бог брака, славянский Гименей, — древнейшее и наиболее чтимое нашими предками божество. Облаченный в дорогие, златотканые одежды, увенчанный венком из цветущего шиповника, он подает молодоженам такой же венок — и рог, в котором всегда пенилось вино столь же хмельное, как счастье, которого желал им сей добрый и ласковый бог.

Полкан

СЛАВЯНЕ почитали его полубогом и приписывали чрезвычайную силу и невообразимую прыткость бега: ведь до пояса он имел тело и сложение человеческое, а ниже пояса являл собою коня, так же, как и древнегреческий кентавр. Был Полкан необычайно отважен и воинствен, и когда древние предки наши воевали, он и его сородичи норовили непременно выступить им на подмогу и сражались столь отважно, что слава их пережила века!

Полудница

ДУХ ХЛЕБНЫХ нив и полей. Это красивая и высокая девушка, одетая во все белое, с волосами золотыми, как солнечные лучи. Летом, во время жатвы, она бродит по полосам ржи, и если кто в самый полдень работает, того берет за голову и начинает вертеть, пока не натрудит шею до жгучей боли. А малых ребят, бегающих без присмотра, заманивает в рожь и заставляет долго блуждать там.

Любит полудница плясать. Иной раз увидит девушку, бросившую жатву и прилежную вздремнуть, разбудит и примется

уговаривать пуститься в пляс: мол, кто кого перепляшет. Так и носятся вместе по полям-по лугам до вечерней зари без усталости! Девушка уже обомрет, нога за ногу у нее заплетается, а полудница знай себе порхает, будто мотылек, знай приплясывает да напевает песни дивные.

Пока еще никому не удалось переплясать полудницу, ну а если сыщется такая мастерица, говорят, одарит ее полудница невиданно богатым приданым!

Поренута

У ЗАПАДНЫХ славян, земли которых лежали по берегам Балтийского моря, Поренута был покровителем мореплавателей.

У него имелось четыре лица, обращенных в разные стороны: чтобы могло это божество уследить сразу за всеми четырьмя *ветрами*, охранить путешественников и корабельщиков от неожиданных, же-

стоких и свирепых штормов с севера и юга, запада и востока.

Пятый лик был на груди Поренуты, и глаза его всегда устремлялись вниз, ибо так божество уберегало своих подопечных от подводных *каменей*, неожиданных мелей и страшных морских чудовищ.

В руках Поренута держал трезубец — кое в чем он подобен был *Морскому царю* — и свиток карт, на которых рисовались причудливые очертания берегов.

Моряки, благополучно пришедшие из плавания, не скупились на жертвы Поренуте: часть всего, что везли из далеких краев, отдавали этому заботливому богу.

Порча

ЗЛАЯ СИЛА, которую напускают на людей *колдуны* и *ведьмы*. Она производится сглазом, заговором, напуском и относом. Наговаривают на хлеб, соль, *воду* и прочее, напускают по *ветру* и по следу, подкидывают наговоренные вещи, и, кто их поднимет, тот и захворает. Примеров такого рода порчи рассказывают бесконечное множество: нашла баба наговоренное яйцо у колодца и начала на голоса кричать; подняла другая на дороге узелочек с рубахой, крестом, поясом, цепочкой и угольками — и лишилась покоя, тоска напала, все немилы стали; отнесла назад, туда, где нашла, и начала поправляться.

Приемы, к которым прибегают, посылая порчу, очень разнообразны. Сильному колдуну довольно взглянуть своим недобрым косым взглядом, чтобы заставить чахнуть. Колдуну послабее нужен заклятый порошок, чтобы бросить его на намеченную жертву по ветру: дело сделано, если хоть одна порошок попадет на человека или скотину. Вынутый след, то есть щепотка или горсточка земли из-под ног обреченного, в мешочке подвешивается в чело печи, а в трубе замазывают глиной волосы его; начнет земля и глина сохнуть — сухота обуяет и того человека. Через наговоренную сильным колдуном вещь достаточно перешагнуть, на зачурованное местр стоит сесть, чтобы захворать. Иной колдун только лишь слегка ударит по плечу, ан смотришь — человек испорчен.

Итак, порча иногда приходит от сглазу, или что одно и то же, от призору. Бывают глаза у людей хорошие, добрые, счастливые, и наоборот — дурные: "Черный глаз, карий глаз, минуи нас!" "Озевает" человек своим нехорошим взглядом встречного и испортит. От "недоброго часа" сглаз приходится отчитывать три зари, а от "худого часа" и порчи надо отчитывать 12 зорь.

По следу напускают порчу: злые люди вынут земли из-под ступни проходящего человека и бросят ту землю на *дерево*, отчего хворь не пройдет до тех пор, пока дерево не засохнет, а с ним вместе и порченный человек не помрет. Освободить от несчастья- в таких случаях может лишь самый опытный *знахарь*. Но если бросить землю на воду, то знахарь помочь не в силах, как бы ни старался. Он только скажет: "Сделано крепко и завязано туго — мне не совладать; одна теперь тебе надежда на спасение, если была в сапогах соломенная подстилка".

Порча случается от притки, которая считается много привязчивее сглаза и трудно распознается, отличаясь самыми многосложными и запутанными признаками. В них мудрено разобраться: то ли "схватило" вдруг без всякой причины, то ли это припадок, вызванный старым внутренним повреждением, внезапно и неожиданно обострившимся, то ли, наконец, хворь, прикинувшаяся в бане.

Изурочье, или уроки — под этим именем разумеется заочная посылка порчи. Лиходеи посылают порчу всякими путями и способами: в пищу, по воде, по ветру. Выйдет на улицу, встанет против ветра, скажет какое ему нужно слово, ветер подхватит — и, кто первый дыхнет, тот и изурочится.

Как пулей из ружья, поражают они ударом по пояснице вроде утина, напуском жестокого колотья в грудь и болей в живот, да таких, что приходится криком кричать и кататься по земле от невыносимого страдания.

Порчу причиняет кладь, которую чародеи зашивают новобрачным в подушки или перины. Это женский волос, спутанный комком, косточка, взятая на кладбище, три лучинки, опаленные с двух концов, и несколько ягод егодки (волчьих ягод). Знахарь устраняет от молодых порчу тем, что опалает кладь на огне, уносит на речку и спускает на воду. Пекут также для кладки лепешки с разными снадобьями и

угощают ими или подкидывают, чтобы сами приговоренные нашли и съели.

От удара, или шипка, привязывается порча, когда сильный колдун, проходя мимо бабы, как бы ненароком шипнет ее спереди или хлопнет сзади, да еще и прихвалит: "Какая ты, шут, гладкая!"

От оговора, когда "не в час молвится". Рассказывают, например, такой случай: вышла баба после родов рано на улицу, к ней подошла соседка и сказала: "Сидела бы лучше дома". Баба испугалась, заболела, у ней разлилось молоко, и в конце концов она умерла.

Относом портят не умышленно и не по злости, а ненароком: делано было на другого, а подвернулся посторонний и неповинный человек. Относы — вещи, снятые с заразного больного и отнесенные на дорогу или повешенные в лесу на суку. Болезнь уходит в дерево или в того неосторожного, который поднимет или снимет те вещи. Осторожные же никогда не поднимут находки, не перекрестясь и не обдумавши ее с молитвой. Отхаживают в таких случаях тоже знахари, но необходимо, чтобы они были сильнее тех, которые наслали порчу. Самый способ лечения отличается большой простотой: знахарь должен пойти на распутье, где скрещиваются дороги, и бросить там узелок с зашитыми в ней золой, углем и кусочком глины от печного чела. Таким относом отводится порча от того больного, к которому знахарь был позван. Но относ имеет свою опасную сторону, так как всякий, кто первым наткнется на отнесенный узелок, непременно будет испорчен. А это, в свою очередь, влечет дурные последствия для первого больного, уже излечившегося от порчи при помощи узелка: когда его душа в свой смертный час станет выходить из тела, сатана скажет ангелу Божию: мол, эта душа моя, она зналась со мною, приносила мне на распутье хлеб-соль... Так что порча, и снятая, неистребимо вредоносна и для жертв, и для напустивших ее.

Правда и Кривда

В СЛАВЯНСКОЙ мифологии одно из выражений главного противопоставления типа: свет — тьма, *доля* — *недоля*. Вот что сказано в "Голубиной книге":

Это не два зверя собиралися,
Не два лютые сбегалися;
Это Правда с Кривдой сходилися,
Промежду собой они дрались-билися.

Кривда Правду одолеть хочет.
Правда Кривду переспорила,
Правда пошла на небеса,
А Кривда пошла у нас вся по земле.

Правь

ОДНО из основных понятий славянской философии. Понимается как всеобщий закон, установленный *Дажьбогом*. Согласно этому справедливому закону существует мир.

Вместе с тем, правь — это будущее, грядущее, предстоящее.

Припекало

ЗАМУЖНИЕ ЖЕНЩИНЫ не больно-то почитали этого божка, ибо он вынуждал мужчин вдруг забывать свои семейные обязанности, свой долг перед женой и детьми.

Своей шаловливой ручкой обрывал хитрый Припекало тенья супружеской верности и вовлекал мужей в опасные плотские приключения, склонял их

к изменам. Словом, был Припекало покровителем всяческого блудодействия!

Почитателей Припекалы было немало, правда, они предпочитали держать это в тайне, ибо часты были случаи, когда обманутые жены, собравшись вместе, поджигали святилище сего покровителя неприятностей и даже побивали камнями его жрецов.

Беда лишь в том, что это мало содействовало исправлению и раскаянию изменников-мужей!

Присуха (приворотное зелье)

ВЕРА в нее живет и по сей день. Знатоки усердно занимаются приворотами и отворотами любящих и охладевших сердец. В таких делах для ловких людей еще много простора, как бы ни назывались они: *ведьмами* или ворожеями, гадалками или знахарками, бабками или шептуньями.

Например, любит мужик чужую бабу. Жена просит совета.

— Посмотри на двор, где петухи дерутся, — советует ведьма, — возьми на том месте земельки горе-

точку и посыпь ее на постель твоей разлучницы. Станет она с мужем твоим вздорить — и опять полюбит он свой "закон" (то есть жену).

Для присухи девиц советуют вынашивать под левой мышкой в течение нескольких дней баранки или пряники и яблоки, конечно, прежде всего снабженные наговорами, в которых и заключена главнейшая, тайно действующая сила.

Только знающие и избранные ведьмы болтают не на *ветер* заговорные слова, а закладывают в наговоренные вещи именно то, что потом будет врачевать, успокаивать и утешать по желанию. Точно самым целебным зельем наполняется наболевшее сердце, когда слышат уши о пожелании, чтобы тоска, давившая до сих пор, уходила прочь "ни в пенье, ни в коренье, ни в грязи топучи, ни в ключи кипучи", а именно в того человека, который оскорбил, разлюбил или обманул обещаниями и т.п.

Для влюбленных ведьмы знают такие слова, что, кажется, лучше и слаще их и придумать никому нельзя. Они посылают присуху "в ретивые сердца, в тело белое, в печень черную, в грудь горячую, в голову буйную, в серединную жилу, и во все 70 жил, и во все 70 суставов, в самую любовную кость. Пусть эта самая присуха зажгла бы ретивое сердце и вскипятила горячую кровь, да так, чтобы нельзя было ни в питье ее запить, ни в еде заесть, сном не заспать, *водой* не смывать, гульбой не загулять, слезами не заплакать" и т.п.

Только исходя из уст ведьмы, слова эти имеют силу "печатать" чужое сердце и запирают его на замок, но и то лишь в том случае, когда при этом имеются в руках: наговоренные коренья, волосы любимого человека, клочок его одежды и т.п. Всякому обещанию верят и всякое приказание исполняют: подкладывают молодым ребятам голик под сани, если желают, чтобы кто-нибудь из них в текущем году не женился, сжигают его волосы, чтобы он целый год

ходил как потерянный. Если же выпачкать ему поддевку или шубу бараньей кровью, то и вовсе его никто любить не будет.

Но самое действенное средство в любовных делах — это таинственный талисман, который добывается из черной *кошки* или из лягушек.

Из первой, разваренной до последней степени, получается *косточка-невидимка*, делающая человека, который ею владеет, невидимкой. Косточка равносильна сапогам-сороходам, ковру-самолету, суме-хлебосолке и шапке-невидимке.

Из лягушки достают две "косточки-счастливики", с одинаковым успехом служащие как для приворотов, так и отворотов, возбуждающих любовь или вызывающих отвращение.

Об этих кошачьих и лягушачьих косточках отзываются и в сказках с полною верою в их чародейство. Добываются эти косточки очень легко: стоит выварить в котелке совершенно черную кошку — и получается "крючок и вилочка", или стоит посадить в муравейник двух лягушек, чтобы получить "крючок и лопаточку".

Крючком задевают ту, которую желают привлечь к себе (или незаметно прицепляют ей на платье). Вилочкой или лопаткой отталкивают от себя ее же, когда успеет она надоесть или совсем опостылеет. Немного при этом требуется обрядов и не особенно трудна подготовка. От муравьиной кучи надо уходить задом наперед, чтобы *леший* не мог догнать, когда пойдет искать по следам; тогда оба следа будут вести в лес, а из лесу следа не будет.

В иных случаях советуют по 12 ночей кряду ходить к тому муравейнику и обходить его молча три раза; только на тринадцатую ночь дается в руки подобное сокровище. Неудача постигает лишь в том случае, когда пристегнутый к платью крючок отмеченная девица не проносит на себе три недели кряду и т.п.

Прове (Проно)

ДРЕВНИЙ БОГ правосудия у северных славян (от слова "прове-дать", "прознять"). Истукан этого божества возвышался на дубовом столбе, держа в одной руке обломок *камня* как символ преступления, а в другой было копье: знак неотвратимого наказания. Вокруг на земле стояло неисчислимое количество двух-, трех- и четырехликих идолов: они во все свои деревянные глаза должны были следить за теми, кто нарушал закон и волю бога. Голову его обвивал венник, из-под которого высовывались длинные уши: знак того, что от

Прове ничего невозможно скрыть! Перед идолом воздвигнут был жертвенник, служил ему *волхв*, который и передавал собравшимся волю бога.

Прок

ПАМЯТЬ об этом боге людей деловых, сметливых, предприимчивых сохранилась в нашем языке и по сей день. "Проку нет", или "не - впрок", или "будет прок" — говорим мы, сами порою не зная, что вспоминаем умного, хитрого, пронырливого бога, этакое славянского Меркурия, который покровительствовал мореплавателям и торговцам, охотникам и земледельцам, кузнецам и пекарям — всем, кто неустанным трудом содействовал процветанию своего дела, своей семьи, приумножал свои богатства. Мошенникам и обманщикам Прок тоже иногда покровительствовал, но очень скоро от них отступался, предпочитая честно заработанные богатства, — от таких людей он и жертвы охотнее принимал!

Прострел-трава

ЕСЛИ кто хочет, чтобы дом его был безопасен от грозы и пожара и чтобы житье в нем было счастливое, тот должен сорвать прострел-траву и положить ее под основное бревно здания, уверяют русские травознаи.

Она избавляет от порчи и залечивает раны, нанесенные острым орудием. Когда домашний скот заболевает прострелом (род падучей болезни), то знахари советуют привязывать эту траву к рогам захворавших животных. Название прострела дают различным травам; давно утратив сознание, что прострелом обозна-

чался чудесный цветок, действующий подобно громовой стреле (насквозь пронизывающей, простреливающей), народ ищет под этим именем травы, которые бы по форме их стебля или корня можно было назвать простреленными.

Птица-юстрица

ТАК НАЗЫВАЛА народная молва страшную болезнь — холеру.

Имела она вид огромной черной птицы со змеиными головами и хвостом. Ночами пролетает она над деревнями-селами, и где заденет воду железным крылом, там разразится повальный мор. Вот какая загадка ходила в народе об этой болезни, несущей всеобщую погибель:

На море — на океане,
На *острове* на *Буяне*,
Сидит птица Юстрица.
Она хвалится выхваляется,
Что все видала,
Всего много едала:
И царя в Москве,
И короля в Литве,
И старца в келье,
И дитя в колыбели!

ПЯТНИЦА

БОЖЕСТВО, покровительница усопших *душ*. Монастыри все ее — кладбищенские или, как называли в старину, божедомки. Пятница являлась покровительницей убогих и нищих во всей Древней Руси, и около этих церквей (обычно выстроенных на подоле, у рек и самой *воды*) во всех местах селилась нищая братия

со своими хатами и логовищами. Где не было воды, там непременно рыли колодцы и пруды.

Вот как женщины молились Пятнице о дожде: когда наступает время жатвы, одна из деревенских старух, легкая на руку и этим достоинством всем известная, отправляется в поле ночью и сжинает первый сноп. Связав его, ставит она на землю и три раза молится в это время Пятнице, чтобы помогла рабам Божиим (повянет всех женщин своей деревни, на которых, по хозяйскому обычаю, лежит обязанность жни-тва). Просит старуха об окончании без скорбей и болезни тяжелой работы, молит Пятницу быть заступницей от лихих людей, особенно тех, которые умеют делать заломы.

Затем берет она свой сноп и, крадучись ото всех, несет его в свою избу. Всякая встреча при этом — недобрый знак. Пятницу также почитают богиней женского рукоделья, особенно пряжи.

Она очень строго следила, чтобы в пятницу женщины не прикасались к работе.

Существует легенда о девушке, которой госпожа приказала в этот день работать. Она, конечно, послушалась. Пришла к ней Пятница и в наказание велела под страхом смерти (и *Смерть* стояла при ней вживе), спрясть сорок мычек и занять ими сорок веретен. Испуганная до *лихорадки* девушка, не зная, что думать и делать, пошла посоветоваться с опытной и умной старухой. Эта велела напрямсть ей на каждое веретено по одной лишь нитке. Когда Пятница пришла за работой, то сказала девушке: "Догадалась!" — и сама скрылась, и сошла *беда* на этот раз с рук. Во всех других случаях бывает хуже именно потому, что Пятница, ходя по земле, сама за всеми наблюдает (а хождение Пятницы — повсеместно распространенное верование). Ходит она всюду вместе со Смертью, а потому немедля и наказует ею: обычно делает так, что скрючит на руках пальцы, а мужчинам вложит в спину стрелы и ломоту. Пятницу все могут видеть, и кто видел — тот хорошо распознал, что это еще молодая женщина.,

Иногда она милует и награждает, а в иную пору жестоко наказывает. У одной женщины, не почтившей ее и работавшей, она просто-напросто содрала с тела кожу и повесила на том же стану, на котором та ткала холст.

Попался ей раз навстречу по дороге работник, который отошел от хозяина. Сел этот прохожий закутить, а к нему и напрашивается неведомая красавица, чтоб разделить с нею хлеб-соль. Поели они. "Вот тебе за то награда: иди в это село, найди там богатую девушку-сиротку, бери ее за себя замуж. А я даю тебе сто лет веку". Он так и сделал. Жил он ровно сто лет, и пришла к нему Пятница с тем сказом, что пора-де умирать. Умирать не хочется: "Прибавь еще одну сотню!" Прибавила. Когда исполнился последний день этой второй сотни лет, она опять пришла. "Еще прибавь сотню!" Прибавила. Жил-жил человек, и самому даже надоело, и такой он стал старый, что по

всему телу мох вырос. Приходит Святая Пятница и Смерть с собой привела. "Ну, теперь пойдём: и вот тебе хорошее местечко здесь остаться" Место очень понравилось, но она повела на другое, которое ветхому старику еще больше полюбилось. Когда привела его на третье, то отворила дверь и пихнула его прямо в ад и промолвила: "Когда бы ты помер на первой сотне своих лет, то жил бы в первом месте, на второй — на втором, а то в триста-то лет ты столько нагрешил, что где же тебе и жить, как не у *чертей* в когтях?"

Этотю легендою дается, между прочим, объяснение тому повсюдному на Руси обстоятельству, что пятницким церквам отводятся места на кладбищах и там "девятничают" и "пятничают", то есть, по-старинному, старухи весь день проводят в строгом посте, воздерживаясь даже от рыбы в память умерших родителей, именно в ильинскую пятницу особо и сверх прочих поминальных и панихидных дней.

Радегаст

БОЖЕСТВО бранной славы и войны северных славян (оботритов, моравцев, словаков и др.). Город Ретра, в котором стоял его храм, был окружен священным дремучим лесом и озером, и хоть имел девять ворот, войти разрешалось только через одни, к которым вел подвесной мост. Изображали Радегаста вооруженным с головы до ног, с боевой секирою, в шлеме, на котором распростер крылья орел, символ славы, и с бычьей головой, знаком отваги, на щите.

Первоначально звался этот бог Ризводиц, что обозначало вражду, ссору и разводы, а потом начали его именовать Радегастом, "ратным гостем".

В храме Радегаста всегда держали самых лучших коней, ибо воину без коня никак нельзя. Почитатели и жрецы Радегаста верили, что бог ездит по ночам верхом, и если поутру видели, что какой-то *конь* утомлён более прочих, то догадывались, что Радегаст именно его отличил и выбрал для своих незримых поездок.

Коня — божественного избранника отныне поили чистойшею водою, кормили отборным зерном и увенчивали цветами — до того времени, как его сменял новый любимец бога.

Некогда Радегасту была принесена в жертву голова епископа Мекленбургского Иоанна, желавшего обратить славян-язычников в христианство.

Радуницы (радоницы, тризны)

ПЕРВОНАЧАЛЬНО имена божеств, олицетворяющих почитание усопших, хранительниц душ умерших людей.

Радуницам и их подопечным приносили жертвы из обильных пиршеств и возлияний на погребальных курганах, чтобы еще не отлетевшая *душа* покойного могла насладиться зрелищем того уважения, которое ей оказывают живые.

Постепенно слово "тризна" стало обозначать просто поминки, а "радуница" — весеннее Поминование усопших. Именно весеннее, потому что живые особенно старались задобрить покойников (а надо знать, что мертвые всегда враждебны к живым, даже к своим ближайшим родичам!) в пору расцвета природы, окончательного отступления зимы — поры мертвого сна всей земли.

Разрыв-трава

РАССКАЗЫВАЮТ, что листья ее имеют форму крестиков, а цвет подобен огню: распускается в полночь на Ивана *Купалу* и держится не более пяти минут. Где она растет — никому неизвестно; достать ее весьма трудно и сопряжено с большой опасностью, потому что всякого, кто найдет ее, черти стараются лишить жизни. Если приложить разрыв-траву к запертой двери или замку, они немедленно разлетятся на части, а если бросить в кузницу — ни один кузнец не в состоянии будет сваривать и ковать железо, хоть бросай работу! Разрыв-траву ломает и все другие металлические связи: сталь, золото, серебро и медь. Воры, когда им удастся добыть эту траву, разрезают себе палец, вставляют ее внутрь разреза и потом заживляют рану; от одного, прикосновения такого пальца замки отпираются и сваливаются с дверей и сундуков. Если прикоонуться этим пальцем к человеку, он скоропостижно умирает. Чтобы достать разрыв-траву, надо в полночь, накануне Иванова дня, забраться в дикий пустырь и косить траву до тех пор, пока переломится железная коса: этот перелом и служит знаком, что лезвие, косы ударило о разрыв-траву. В том месте, где свалится коса, должно собрать всю срезанную зелень и бросить в ручей или реку: обыкновенная трава поплывет вниз по *воде*, а разрыв-траву против течения — тут ее и бери!

Рарог

СВЕТОЗАРНЫЙ огненосный дух, связанный с древним поклонением огню, домашнему очагу. Согласно чешским поверьям Рарог может появиться на свет из

яйца, которое девять дней и ночей человек высидит на печи. Рарога представляли в виде хищной птицы с искрящимися, пламенеющими перьями, вырывающимся из клюва пламенем — или просто в виде огненного вихря.

Род

ПЕРВЕЙШИЙ славянский бог, творец, "родитель" Вселенной, всего видимого и невидимого мира. Это "отец и мать всех богов, воплощение нерушимости славянского племени, все многочисленные потомки которого некогда произошли от одного общего предка. Когда рождается человек, его будущая судьба записывается в книгу Рода, и "чего на роду написано", никому не миновать!

РОДОМЫСЛ

У ВАРЯЖСКИХ славян бог мудрости „и красноречия, покровитель законов, податель добрых советов. Когда собирался народ обсудить благодеяние своего города или подумать, как отвратить угрожающую ему опасность, все молились Родомыслу, приносили ему богатые жертвы, воскуряли светильники, призывали на свою сходку. В богатых, чистых храмах своих Родомысл был изображен-в виде человека,, упершего в лоб указательный перст правой руки. В левой руке он держал щит с копьем, ибо в те баснословные и нелегкие времена порою приходилось даже мудрый совет силою отстаивать.

РОЖАНИЦЫ

ДОЧЕРИ бога Рода. В незапамятные времена они были Небесными Хозяйками Мира, которые являлись людям в образе двух крупнейших созвездий: Медведицы Большой (древнерусское название Лось) и Малой. Их так и представляли себе: женщинами-лосихами.

Эти две хозяйки мира владели всем подземно-подводным, земным и небесным, звездным ярусами Вселенной и рождали все поголовье животных, рыб и пернатых, необходимое людям.

Судя по всему, старшую из них

звали *Лада* (Великая Лада), а младшую — *Леля*. В песнях они до сих пор упоминаются как покровительницы весеннего возрождения природы, полевых работ, вызревания урожая.

Однако рожаницы — это еще и древнейшие божества судьбы человеческой, и в этом как бы связаны с *Долей* и *Недолей*. Едва ребенок появляется на свет, в небе загорается его *звезда* — она и есть рожаница. Умрет человек — звезда скатится с небосвода... Ну

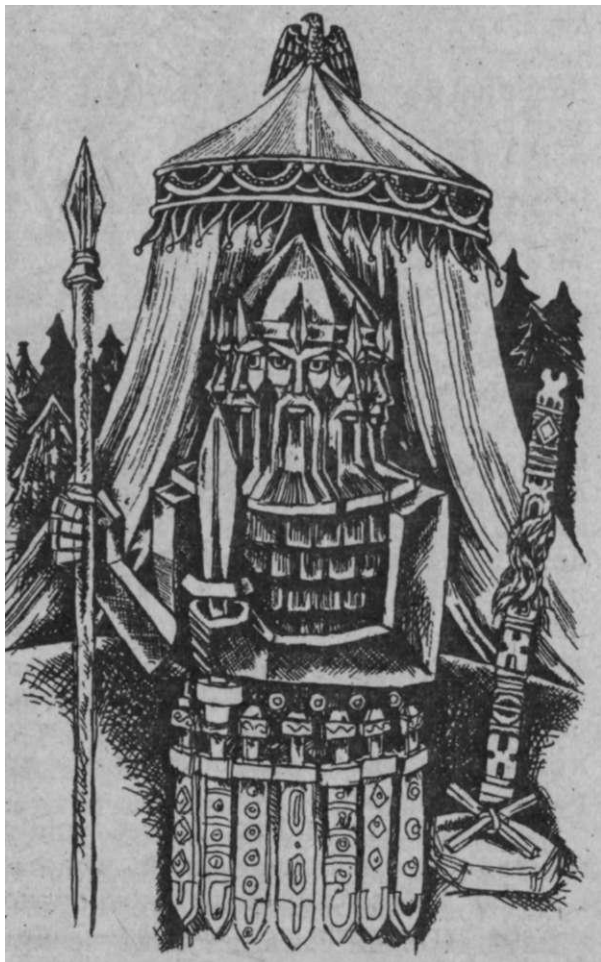
а пока он жив, рожаница незримо сопровождает его от младенчества до старости, направляя поступки, характер, счастье человека.

Но удача ждет, если только рожаница вспыхнула в добрую минуту, при благоприятном расположении небесных светил. Недаром и по сю пору говорят: "Он под счастливой — или несчастной звездой родился!"

Руевит

СУРОВЫЙ бог неотвратимой воинской победы, беспощадности к врагам. Почитали его северо-западные славяне, а храм располагался на острове Рюген. Собственно, это был просто огромный пурпурный шатер, а не храм: ведь Руевит воин, а дом воина — походный шатер!

Идол этого бога сделан был из дуба и представлял собою чудовищного великана с семью личинами, которые все исходили из одной шеи

и соединялись под одним огромным шлемом. На поясе висело семь ножен с мечами, а -восьмой, обнаженный и обоюдоострый, всегда готовый к бою, Руевит держал в правой руке. Почитатели Руевита верили, что если същется силач, который сможет вырвать из деревянной длани сей меч, славяне будут побеждены своими врагами. Но и по сю пору не отыскалось такого богатыря, а потому славянские племена всегда непобедимы будут!

Русалки (омутницы, водяницы, шутовки, болотницы, Берегини, мавки)

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ жилицы всех *вод* и источников Земли. Бледнолицые и прекрасные, с долгими зелеными волосами, они поют восхитительные песни неземными голосами и заманивают к себе неосторожных рыбаков и корабельщиков. Тела красавиц настолько нежны, что их можно пронизать взором, однако из объятий русалок никому не вырваться, да и не всякий смертный захочет променять обольстительную русалку на привычных земных жен!.. Могут завлечь русалки и случайного путника, особенно когда в лунную ночь выплывут из вод, сядут на ветку ивы, низко склонившуюся к волнам, и примутся расчесывать белым, из рыбьей кости выточенным, гребешком свои чудные зеленые кудри, по которым всегда струится вода. *Беда*, если кто поддастся их чарам! Одного хотят русалки от людей: защекотать до смерти и потопить.

Летом, начиная с Троицына дня, русалки оставляют речные и озерные омуты и выходят на землю. В эту пору ни одна девушка не решится одна, без подруг, пойти в лес, опасаясь попасться русалкам: ув-

лекут с собою, сманят — домой больше не воротится. А уж парням и вовсе беда: охочи русалки до земной любви! Рассказывают, один юноша поплясать решил с русалками — и только потому живой ушел, что надел два креста: один на грудь, другой — на спину, так что никак к нему не подступишься.

Для жительствова русалки выбирают себе плакучие березы, потому в Русальную неделю деревенские девушки непременно ходят завивать березки, чтобы водяниц задобрить: связывают разноцветными лентами березовые ветви, на которых так любят качаться мавки при луне, которая для них светит ярче обычного. Русалки аукаются между собой, пляшут, водят веселые хороводы.

На Украине для русалок существует еще одно наименование: гречухи. Так называют тех русалок, которые собираются на нивы и с возгласом: "Ух, ух, соломенный дух!" весело бегают по колосистой ржи или катаются по ней взад и вперед, отчего рожь волнуется, как бы от дуновения ветра. Но больше всего они любят прятаться в гречихе, за что и получили свое название.

Где русалки бегали и резвились, там трава растет гуще и зеленее, там хлеба обильнее. Однако от русалок не столько пользы, сколько вреда: когда они плещутся в воде, играют с бегущими волнами или прыгают на мельничные колеса и вертятся с ними, то не преминут спутать у рыбаков сети, а у мельников попортить жернова и плотины. Они могут насылать на поля сокрушительные бури, проливные дожди, разрушительный град; похищают у заснувших без молитвы женщин нитки, холсты и полотна, разостланные на траве для выбеливания; потом краденой пряжей завивают свои березки. Самое верное средство, чтобы русалки отвадились, — полынь, "трава окаянная", как ее называют русские зелейники. Только пользоваться ею надо умеючи. Уходя после Троицына дня в лес, следует непременно брать эту траву с собою. Русалка — девка любопытная! — непременно подбежит и спросит:

— Что у тебя в руках: полынь или петрушка?

— Полынь, — следует ответить.

— Брось ее под тын! — громко выкрикнет она и побежит мимо, и тут-то надо успеть бросить эту траву

в глаза русалке: никогда она тебя больше не тронет. Если же ответить: "Петрушка", — то русалка с криком: "Ах ты, моя душка!" — набросится на человека и примется щекотать до тех пор, пока он не упадет бездыханным.

Говорят, что русалки — это людские дети, умершие некрещеными, ну и, конечно, красавицы, утопившиеся от несчастной любви. Они выходят из воды еще перед Светлым Христовым Воскресением, за день до Пасхи, когда обносят кругом церкви плащаницу. В этот день вообще вся нечисть так и норовит напасть добрым людям! В храме тогда следует запереть покрепче двери, чтобы не вбежали русалки. В этом поверье можно различить следы древнеславянского почитания душ умерших: весной, когда вся природа оживает, оживали и души умерших и бродили по земле...

САВА-ТРАВА

"СТРАШНА та трава! — уверяют чародеи. — Когда человек найдет на нее в поле или в лесе, тот умом смятется. Ростом невелика, от земли чуть знать, по ней пестринки по всей, а в корени черви и наверху. Добра ловить зверей. Аще кто что украдет — трава сия повернется к нему, только положи ее на его след; или если кто ставит поставухи (то есть силки, капканы), ты положи той травы подле дороги — удачи и пути ему не будет!"

САДКО

ГЕРОЙ русского былинного эпоса. Был он прежде беден, имел из всего добра только "гусли звончаты", с которыми хаживал на пиры званые, веселил народ. Сидел однажды Садко на берегу Ильмень-озера, поигрывал на гусельках; вдруг в озере вода всколебалась — и выплыл властитель царства подводного. За игру чудесную посулил *Морской царь* песеннику "клад из Ильмень-озера — три рыбы-золоты перья" И слово подводного владыки не мимо молвилось: закинул гусельник в озеро невод — дался в руки обещанный клад; закупил на него Садко товару видимо-невидимо, стал он богатым гостем-купцом господина Великого Новгорода...

Почти двенадцать лет путешествовал купец Садко, и вот как-то однажды все его тридцать кораблей замерли посередине моря, словно к воде приросли.

Стали жребий кидать: кто тот грешник, чьи грехи держат суда на месте? Кого бросить в синее море на утеху Морского царя?

Выпала - такая доля Садко, ибо он двенадцать

лет плывал по морю-океану, не отблагодарив подводного владыку, не платя ему дани-пошлины.

Пришел Садко в подводное царство, вновь стал играть для Морского царя — музыкой своею успокоил он бурю на Ильмень-озере. Морской царь, желая оставить у себя чудесного гусельника, предложил ему на выбор одну из своих тридцати дочерей. Все они были как на подбор, но Садко не стал брать "ни хорошую, ни белую, ни румяную", а взял, по подсказке Николая-угодника, покровителя корабельщиков, "девушку поваренную, ту, что хуже всех", но которая полюбила его".

Она-то и помогла Садко воротиться на землю, в Новгород, а звали ее Волхва-река: эта река вытекает из Ильмень-озера.

Сварог

ВЕРХОВНЫЙ владыка Вселенной, родоначальник богов. Сварог как олицетворение неба, то озаренного солнечными лучами, то покрытого тучами и блистающего молниями, по указанию наших памятников, признавался отцом солнца и *огня*. Во мраке туч он возжигал пламя молний и, таким образом, являлся творцом небесного огня; земной же огонь, по древнему преданию, был божественный дар, низведенный на землю в виде молнии; отсюда понятно, почему славянин молился огню как сыну Сварога. Далее: разбивая громовыми стрелами тучи, Сварог выводил из-за них ясное солнце, или, выражаясь метафорическим языком древности, возжигал светильник солнца, погашенный демонами тьмы; это картинное, поэтическое представление прилагалось и к утреннему солнцу, выходящему из-за черных покровов ночи, так как ночной мрак постоянно отождествлялся с потемняющими небо тучами. С восходом солнца, с воржением его светильника соединялась мысль о его возрождении, и потому Сварог есть божество, дающее жизнь солнцу — рождающее Дажьбога...

Плодотворная сила солнечных лучей и дождевых ливней, ниспадающих с небесного свода, возбуждает производительность земли, и она, согретая и увлажненная, растит травы, цветы, *деревья* и дает пищу человеку и животным. Это естественное и для всех наглядное явление послужило источником древнейшего мифа о брачном союзе Неба и Земли, причем Небу придан воздействующий, мужской тип, а Земле — воспринимающий, женский. Летнее небо обнимает Землю в своих горячих объятиях, как невесту или супругу, рассыпает на нее сокровища своих лучей и вод, и Земля становится чреватой и несет плод: не согретая весенним теплом, не напоенная дождями, она не в силах ничего произвести. В зимнюю пору она

каменеет от стужи и делается неплодною; с приходом же весны Земля, по народному выражению, "принимается за свой род".

"Не Земля родит, а- Небо", — выражается пахарь пословицею, обозначая тем, что без влияния благоприятных условий, посылаемых небом, Сварогом, земля бессильна дать урожай...

Все основные боги славянские — дети Сварога, оттого зовутся они Сварожичи.

Светила

СОЛНЦЕ, месяц и звезды были первыми божествами древних славян.

Обожествление солнца засвидетельствовано многими преданиями. Исчезающее вечером, как бы одолеваемое рукою смерти, оно постоянно, каждое утро снова является во всем блеске и торжественном величии, что и возбудило мысль о солнце как о суще-

стве неувыдаемом, бессмертном, божественном. Как светило вечно чистое, ослепительное в своем сиянии, пробуждающее земную жизнь, солнце почиталось божеством благим, милосердным; имя его сделалось синонимом счастья.

В народных сказках к солнцу, месяцу и звездам обращаются герои в трудных случаях жизни, и божество дня, сострадая несчастью, помогает им. Вместе с этим солнце является и карателем всякого зла, то есть, по первоначальному воззрению, — карателем нечистой силы, мрака и холода, а потом и нравственного зла — неправды и нечестия.

Губительное действие зноя приписывалось гневу раздраженного божества, наказующего смертных своими огненными стрелами — жгучими лучами. Выражение "воспылать гневом" указывает, что чувство это уподоблялось пламени. Вот почему возникали клятвы, призывающие на голову виновного или супротивника карающую силу солнца. Поэтическое заклятие, обращенное в "Слове о полку Игореве" Ярославно к солнцу, дышит этою древнею верою в карающее могущество дневного светила: "Светлое и тресветлое Солнце! Всем красно и тепло еси. Чему, господине, простре горячую свою лучю на ладе воин? В поле безводне жаждею им лучи (луки) спряже, тугою им тули'затче?.."

Ночные светила, месяц и звезды, как обитатели небесного свода и представители священной для язычника светоносной етихии, были почитаемы в особенных божественных образах. Наравне с солнцем в *заговорах* находим частые обращения и к звездам, и к месяцу: "Месяц ты красный! Звезды вы ясные! Солнышко ты привольное!"

Обоготворение светил и ожидание от них даров плодородия, ниспосылаемого небом, влекли простодушных пахарей и пастухов древнейшей эпохи к усиленным наблюдениям за ними. Изменения или фазы луны уже в глубочайшей древности должны были

обратить на себя особенное внимание, и так как по ним гораздо легче и сподручнее было считать время, чем по солнцу, то естественно, что первоначальный год был лунный, состоящий из тринадцати месяцев; недели и месяцы определялись лунными фазами: самое слово это убедительно доказывает, что луна служила издревле для измерения времени, была золотой стрелкою на темном циферблате неба. Русские поселяне узнавали время ночи по течению звезд, преимущественно по Большой Медведице, и создавали себе много разных замечаний о погоде и урожаях по сиянию звезд и месяца.

Солнце и Месяц были представлены в родственной связи — или как сестра и брат, или как супруги.

Олицетворяя Солнце в женском образе, русское поверье говорит, что в декабре, при повороте на лето, оно наряжается в праздничный сарафан и кокошник и едет в теплые страны, а на Иванов день (24 июня) Солнце выезжает из своего чертога на встречу к своему супругу Ме-

сяду, пляшет и рассыпает по небу огненные лучи: этот день полного развития творческих сил летней природы представляется как бы днем брачного союза между Солнцем и Месяцем.

По народному поверью, Солнце и Месяц с первых морозных дней (с началом зимы, убивающей земное плодородие и, так сказать, расторгающей их брачный союз) расходятся в разные стороны и с той поры не встречаются друг с другом до самой весны; Солнце не знает, где живет и что делает Месяц, а он ничего не ведаёт про Солнце. Весною же они встречаются и долго рассказывают друг другу о своем житье-бытье, где были, что видели и что делали. При этой встрече случается, что у них доходит до ссоры, которая всегда заканчивается землетрясением. Наши поселяне называют Месяц гордым, задорным и обвиняют его как зачинщика ссоры. Встречи между Солнцем и Месяцем бывают поэтому и добрые, и худые; первые обозначаются ясными, светлыми днями, а последние — туманными и пасмурными. Когда неверный супруг начал ухаживать за румяной Денницею, богиня Солнце выхватила меч и рассекла лик Месяца пополам...

По славянским преданиям, от божественной четы Солнца и Месяца родились звезды. Эти родственные отношения не были твердо установлены; они менялись вместе с теми поэтическими воззрениями, под влиянием которых возникали в уме человека. Названия, придаваемые Месяцу и звездам, так же колебались между мужским и женским родом, как и названия Солнца.

Как Месяц представляется мужем богини Солнце, так Луна, согласно с женскою формою этого слова, есть солнцева супруга — жена Дажьбога. "Солнце — князь, Луна — княгиня", — такова народная поговорка, присваивающая Солнцу тот же эпитет князя, который у «ас употребляется для обозначения молодого — новобрачного супруга. Еще у скифов Луна была почитаема сестрою и супругою бога Солнца и на-

зывалась тем же именем, какое придавалось и Солнцу, только с женским окончанием.

Солнце постоянно совершает свои обороты: озаряя землю днем, оставляет ее ночью во мраке; согревая весною и летом, покидает ее во власть холоду в осенние и зимние месяцы. "Где же бывает оно ночью? — спрашивал себя древний человек. — Куда скрываются его животворные лучи в зимнюю половину года?" Фантазия людская творит для него священное жилище, где божество это устраивается после дневных трудов и где скрывает свою благодатную силу зимою. По общеславянским преданиям, благодотворное светило дня, красное солнце, обитает на востоке — в стране вечного лета и плодородия, откуда разносятся весною семена по всей земле; там высится его золотой дворец, оттуда выезжает оно поутру на своей светозарной колеснице, запряженной белыми огнедышащими лошадьми, и совершает свой обычный путь по небесному своду.

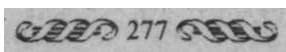
Сербы представляют Солнце молодым и красивым юнаком; по их сказаниям, царь Солнце восседает на златотканом, пурпурном престоле, а подле него стоят две девы — *Заря* Утренняя и *Заря* Вечерняя, семь судей (планеты) и семь вестников, летающих по свету в образах "хвостатых звезд"; тут же и лысый дядя его — старый Месяц. В наших сказках царь Солнце владеет двенадцатью царствами (указание на двенадцать месяцев в году или на двенадцать знаков зодиака); сам он живет в солнце, а сыновья его в звездах; всем им прислуживают солнцевы девы, умывают их, убирают и поют им песни. Солнцевы девы умывают Солнце и расчесывают его золотые кудри (лучи), то есть разгоняя тучи и проливая дождь, они прочищают лик дневного светила, дают ему ясность. Тот же смысл заключается и в предании, что они метут двор Месяца, то есть разметаю вихрем потемняющие его облака. Обладая бессмертным напитком (живою водою дождя), солнцевы девы сами представляются вечно прекрасными и никогда не стареющими.

Святовид (Световид, Свентовид)

БОЖЕСТВО, тождественное *Диву* и *Сварогу*: это только различные прозвания одного и того же высочайшего существа. По свидетельству древних, в богатом Арконском храме стоял огромный *идол* Святовида, выше роста человеческого, с четырьмя боролатыми головами на отдельных шеях, обращенными в четыре разные стороны; в правой руке держал он турий рог, наполненный вином. Тут же висели принадлежащие богу седло, мундштук и огромный меч.

Четыре головы Святовида, вероятно, обозначали четыре стороны света и поставленные с ними в связи четыре *времени года* (восток и юг — царство дня, весны, лета; запад и север — царство ночи, осени и зимы); борода — эмблема облаков, застилающих небо; меч — молния; поездки на коне и битвы с вражьиими силами — поэтическая картина бурно несущейся грозы; как владыка небесных громов, он выезжает по ночам, то есть во мраке ночеподобных туч, сражаться с демонами тьмы, разит их молниями и проливает на землю дождь.

С этим вместе он признавался и богом плодородия; к нему воссылались мольбы об изобилии плодов земных; по его рогу, наполненному вином (вино — символ дождя), гадали о будущем урожае. Таким образом, у славян, как и у прочих арийских народов, с верховным божеством неба связывались представления ожесточенной борьбы с демонами и благодатного плодородия, разливаемого им по земле; вот почему время зимнего поворота солнца, предвещающее грядущее торжество Святовида над нечистой силою, получило название святок, а весенний праздник пробуждения природы, появления молниеносных облаков и дождевых ливней — название святой, или светлой, недели.

Храм Святoviда был деревянный и возвышался на равнине; стены храма были снаружи украшены всякими картинами, и одна только дверь служила к нему входом. Внутри имелось два отделения: первое окружалось пурпурною стеною, другое состояло из четырех столбов с прекрасными завесами, и здесь-то находился идол. В храме было много рогов от диких зверей.

Святovid почитался у славян оракулом, пророком. Со всех сторон стекался к нему славянский народ. Все славяне посылали в Аркону дань свою. Иноземные купцы, приходившие в Аркону, должны были платить идолу часть своих товаров; даже король датский Свен Отто подарил ему золотую чашу высокой работы. На сокровища Святovidова содержаны были триста всадников со стольким же числом лошадей. Когда у рюгенцов была война, то сии всадники отправлялись в поход, и вся добыча, полученная ими в сражении, принадлежала Святovidу.

Кроме сих лошадей, держали еще белого *коня*, принадлежавшего собственно идолу, который, по словам жреца, ездил на нем иногда против неприятеля. Для того и показывал жрец в иное утро, как этот конь устал от дальней, тяжелой езды. Сего коня употребляли также на то, чтобы узнать предстоящую судьбу при каком-либо предприятии. А именно: когда думали начать войну, то втыкали в землю перед храмом три пары кольев крестообразно. Жрец подводил к ним коня, и если он перешагивал через них правую ногою, это служило добрым предвещанием; в противном случае опасались какой-нибудь беды. Сам жрец кормил этого коня, и он только один имел право иногда на нем выезжать. Это животное почиталось столь святым, что не дерзали трогать у него ни одного волоса ни в гриве, ни в хвосте:

Теперь доходим мы до праздников, весьма пышных и великолепных, которые учреждаемы были в честь Святoviда. Главное торжество происходило еже-

годно после жатвы; тогда стекалось обыкновенно великое множество народа, который приносил идолу первенцы собранных плодов. За день до того жрец должен был сам вымести храм, не переводя, однако, дыхания; и каждый раз, когда ему надлежало перевести дух, он должен был выйти из храма, дабы великое божество не осквернилось дыханием смертного.

На другой день начиналось торжество. Священник осматривал сперва рог, бывший в руке Святовида, и ежели он еще был наполнен вином, то предсказывал он благословенную жатву на будущий год; противное ж тому случалось, когда рог был вовсе пуст. По окончании сего первого торжественного действия выливал он старое вино, наполнял рог снова и давал

отведывать идолу; но так как вино никогда не нравилось Святovidу, то он сам опоражнival рог, наливал его снова и опять вкладывал ему в руку.

Потом являлась новая процессия: каждый год приносили в жертву Святovidу пирог. Жрец становился за ним, и если пирог оказывался так велик, что за ним жреца не видно было, то думали, что это приятно для божества; в противном случае жрец увещевал народ приносить в будущий праздник гораздо больший пирог, и все богослужение оканчивалось новым увещеванием пребыть навсегда верными служению Святovidу. Тут начинали пировать и почитали за грех, если кто не хотел много пить. По сему видно, что предки наши еще издревле были добрые хлебо-солы.

СВЯТОГОР-БОГАТЫРЬ

ОСОБО почитаемый народом былинный герой — старейший из всей дружины богатырской.

Святогор — мученик своей собственной силы. Заключена она в нем, что в душной темнице, день ото дня прибывает, а девать ее некуда: нет на свете богатыря под стать Святогору, не с кем силушкой померяться!

"По моей по силе богатырской я бы всю землю поднял!" — изрек однажды Святогор и отправился тягу земную искать:— решил самой *Матери-Сырой Земле* показать свою мощь.

Ехал Святогор, ехал да вдруг встретил человека прохожего, который бросил с плеч какую-то малую сумочку:

Сначала Святогор ткнул ее перстом пренебрежительно, однако не смог сдвинуть с места. Обеими руками схватился за нее богатырь — напрасно. Натужился так, что кровь из глаз пошла — "а поднял

сумку он всего-то на волос, сам же по колению в сырую землю угрыз!"

Прохожий был не простой человек, а богатырь-оратай (пахарь) *Микула Селянинович*, а в его сумке была таинственная тяга — сила земная.

В этой былине русский народ-пахарь воспел мощь и силу мирной, трудовой жизни, бывшей ему милее кочевой воинской, которая постепенно уходила в прошлое.

БОГИНЯ садовых плодов у северных и западных славян. Изображалась в виде прекрасной, зрелой женщины с длин-

ными волосами, с полными руками спелых яблок и гроздьями ягод. Она покровительствовала доброй, мягкой погоде, плодородным землям, живительным солнечным лучам и дождям, поэтому была весьма почитаема среди людей. Ее зрелая красота символизировала состояние природы во время сбора урожая,

длинные волосы — изобильные нивы, полные колосьев. Спелые плоды и ягоды значили, что Сева была божеством не только щедрых даров природы, но и самого времени их поспевания — окончания лета, начала осени.

Сильнобог

БЫЛ ОН в большом почитании у наших предков, очень высоко ценивших силу во всех ее проявлениях. Сильнобог покровительствовал крепким мускулам,

метким ударам, ловкости, кулачным боям, военным игрищам и даже к драчунам был весьма снисходителен. Великаны-волоты — его друзья и верные слуги.

В святилище бога стояла огромная статуя мужа, который в одной руке держал копье, а другую сжимал в устрашающий кулак размером с медвежью голову. Его почитатели и жрецы всячески пытались развить и нарастить себе такие же кулаки и мускулы, но мало кому, кроме сильномогучих богатырей, это удавалось!

Симаргл

БОЖЕСТВО древних славян, коему, как и прочим, приносили они жертвы и имели его храмы. Это земное воплощение огня в переносном его значении: та пламенная сила, которая воодушевляет воинов в жестоком бою, зажигает сердца храбрых витязей.

Кроме того, он — покровитель приношений в жертву огню и в этом смысле — посредник между бессмертными богами и простыми людьми.

Сирин

ТЕМНАЯ птица, темная сила, посланница властелина подземного мира. От головы до пояса Сирин — женщина несравненной красоты, от пояса же — птица. Кто послушает ее голос, забывает обо всем на свете и умирает, причем нет сил, чтобы заставить его не слушать голос Сирин, и *смерть* для него в этот миг — истинное блаженство!

Смерть

ВМЕСТЕ с болезнями, особенно повальными, быстро приближающими человека к его кончине, Смерть признавалась у язычников нечистой, злою силою. Оттого и в языке, и в поверьях она сближается с понятиями мрака (ночи) и холода (зимы). В солнечном свете и разливаемой им теплоте предки наши видели

источник всякой земной жизни; удаление этого света и теплоты и приближение нечистой силы мрака и холода убивает и жизнь, и красоту природы.

Встречая весну торжественным праздником, славяне совершали в то же время обряд изгнания Смерти или *Зимы* и повергали в воду чучело *Мораны*. Сербы дают зиме эпитет "черная"; в одном из похоронных причитаний говорится о покойнике, который уходит туда, где померкло солнце и царствует черная зима; там он будет вечно зимовать, и лютая змея выпьет его. очи!

Если идея смерти сближалась в доисторическую эпоху с понятием о ночном мраке, то так же естественно было сблизить ее и с понятием о сне. Сон неразделим со временем ночи, а заснувший напоминает умершего. Подобно мертвецу, он смежает свои очи и делается недоступным внешним впечатлениям...

В славянских сказках богатыри, убитые врагами, воскресая при окроплении их трупов живою водою, обыкновенно произносят эти слова: "Ах, как же я долго спал!" — "Спать бы тебе вечным сном, если б не живая вода и не моя помощь!" — отвечает добрый товарищ.

В современном языке вечный сон остается метафорическим названием смерти; наоборот, сон летаргический слывет в простонародье обмиранием, во время которого, по рассказам поселян, *душа* оставляет тело, странствует на том свете, видит рай и ад и узнает будущую судьбу людей. Животные, впадающие в зимнюю спячку, по общепринятому выражению, замирают на зиму.

Заходящее вечером солнце представлялось не только умирающим, но и засыпающим, а восходящее утром — восстающим от сна; зимняя смерть природы иначе называется ее зимним сном; о замерзших реках и озерах выражаются, что они заснули.

В Смоленской губернии мертвецы назывались жмурики (от глагола "жмурить" — закрывать глаза), то есть сомкнувшие свои очи; в Архангельской губернии существовало поверье: кто засыпает тотчас, как ляжет в постель, долго не проживет; у литовцев была примета: когда молодые ложились в первый раз вместе, кто из них засыпал прежде — тому и умереть суждено раньше.

Сербы не советуют спать, когда заходит солнце, чтобы вместе с умирающим светилом дня не заснуть и самому вечным сном. Слово "отемнеть" употребляется в народном говоре в значении "ослепнуть" и "умереть"; согласно с этим свидетельством языка *уыреґ* (мертвецов, являющихся по смерти) большею частью представляют слепыми. Как сон сближается со смертью, так, наоборот, бодрствование уподобляется жизни; поэтому "живой" означает неспящего, например: "Мы приехали на живых", то есть мы приехали, когда еще никто не спал; глагол "жить" употребляется в некоторых местах в смысле бодрствовать, не спать.

Эти данные, свидетельствующие о братстве сна и смерти, и то верование, по которому душа во время сна может оставлять тело и блуждать в ином мире и видеть там все тайное, послужили основанием, почему сновидениям придано вещее значение.

И Сон, и Смерть были признаваемы славянами за живые мифические существа.

К опасно больному приходит Смерть, становится около его постели и заглядывает ему в очи; если кто вдруг, неожиданно вздрогнет — это знак, что ему "Смерть в очи Поглядела".

Согласно с злобным демоническим характером Смерти, на которую (по пословице), как на солнце, во все глаза не взглянешь и от которой нельзя ни от-

купиться, ни отмолиться, она олицетворялась в образе страшилища, соединяющего в себе подобия человеческого и звериное, или сухим, костлявым человеческим скелетом с оскаленными зубами и провалившимся носом, почему народ называет ее курносою...

С понятием смерти фантазия соединяет различные поэтические уподобления: Смерть то жадно пожирает человеческий род своими многоядными зубами; то похищает души, как вор, схватывая их острыми когтями; то, подобно охотнику, ловит их в расставленную сеть; то, наконец, как беспощадный воин, поражает Людей стрелами или другим убийственным оружием. Тот же тип хитрого ловчего и губителя христианских душ присваивается и владыке подземного царства, искустителю-сатане.

Вооруженная в ратные доспехи, Смерть вступает в битву с человеком, борется с ним, сваливает его с ног и подчиняет своей власти; судороги умирающего суть последние знаки его отчаянного сопротивления.

Усопшие следуют за нею, как пленники за своим победителем — опутанные крепкими веревками и цепями...

Смерть рисуется в виде скелета, с косою в руках.

Коровью Смерть крестьяне наши представляют безобразною, тощею старухою, в белом саване, и дают ей грабли: Смерть косит и загребает человеческие жизни, как коса и грабли — полевую траву; жнет род человеческий, как серп — колосья.

Она как бы вынимает незримую пилу и, потирая ею по костям и станovým жилам, расслабляет человека — и он падает, словно подпиленное *дерево*; наконец Смерть, работая заступом, роет людям свежие могилы.

Снегурочка

ИСТОРИЯ девочки Снегурочки, вылепленной из снега и любившей только дождь да град, которому она радуется, "будто меньшому брату", заканчивается печально.

Повели ее подружки в лес по ягоды, по грибы, а там затеяли прыгать через большой и жаркий костер.

Не решилась отстать от подруг Снегурочка, прыгнула — и растаяла, как тает снег под солнцем: "только эхо в лесу откликнулось!"

Вся эта сказка — точно эхо наших летних, немного грустных воспоминаний о минувшей

зиме и всех радостях, которые она нам так щедро приносила.

Именно поэтому, в отличие от злого *Морозки*, сварливой *Зимы* и смешной *Масляницы*, сказки всегда рисуют Снегурочку печальной белолицей красавицей, полной неизъяснимой, прохладной прелести.

Собака

ОНА одной породы с *волком*, но с давних времен стала его лютым врагом, защищая-оберегая хозяйское добро. Недаром сложилась неизменно оправдывающаяся в жизни поговорка: "Собака — человеку верный друг!" Заслышит волк собачий лай — сторонкой норовит обойти: знает серый, что зубы-то у этих сторожей острые, а чутье — на диво. О своем верном друге-стороже насказал краснослов-пахарь немало всяких крылатых словец, и все они в один голос говорят о собачьей привязанности, о собачьем нюхе, о собачьей неприхотливости. По собачьему лаю узнает сбившийся с дороги путник, где поблизости жильё человеческое. По нему же загадывают на святки и красные девушки: "Гавкни, гавкни, собаченька, где мой суженый!"

Многое множество примет связано с хорошо знакомым деревенскому человеку собачьим нравом. Ели собака качается из стороны в сторону — к дороге хозяину; воет пес, опустив морду вниз, или копает под окном ямку — быть в доме покойнику; воет, подняв голову, — ждут пожара; траву ест собака — к дождю; жметя к хозяину, заглядывая ему в глаза, — к близящемуся несчастью; мало ест, много спит — к ненастной погоде; не ест ничего после больного — дни того сочтены на небесах.

СОВА

ЗАГАДОЧНАЯ птица — ночная гуляка — величается в сказках и присказках "совушкой-вдовушкой, разумной головушкой, лесной барыней, Ульяной Степановной". Всегда и везде с представлением о ней соединилось понятие о мудрости. Согласно народным

поверьям, она сторожит *клады*. Филин, "совкин дед-верь", постоянный спутник *лешего*, сычи — его гонцы, сова же — советница лесного хозяина.

СОКОЛ

ОН ПОЛЬЗОВАЛСЯ в русских песнях и сказках большим почетом. Его называли не иначе как "млад — ясен сокол", величая этим же именем и красавцев-добрых молодцев. Соколиные очи — зоркие очи: "От соколиного глаза никуда не укроешься!" — говорит острослов-народ.

Сказочные герои обращаются в соколов, чтобы мгновенно одолеть немислимые расстояния, внезапно ударить на врага, незаметно появиться перед красной девицей. Один из самых загадочных и обаятельных героев русских сказок недаром зовется Финист-Ясный сокол. В его имени явственно слышно упоминание о неумирающем фениксе. Ну а всякая русская девушка непременно называет своего возлюбленного гордо и ласково: "Сокол мой ясный!.."

Соловей-разбойник

ЧУДОВИЩЕ баснословных времен. Он заложил прямую дорогу к Киеву ровно на тридцать лет: никакой человек по ней не прохаживал, зверь не прорыскивал, птица не пролетывала. Соловей-разбойник свил себе на двенадцати дубах гнездо и, сидя в нем, свистал так сильно и громко, что все низвергал своим посвистом, словно напором стремительного вихря.

За десять верст раздался его свист — и даже богатырский конь под *Ильею Муромцем* споткнулся:

Темны леса к земле приклонилися,
Мать-река Смородина со песком сомутилася.

В образе Соловья-разбойника народная фантазия олицетворяла демона бурной, грозной тучи. Имя Соловья дано на основании древнейшего уподобления свиста бури громозвучному пению этой птицы.

У моряков до сих пор существует поверье, что свистом можно накликать бурю, подобно тому, как призывается она звоном колоколов и резким криком хищных птиц; при стихающем попутном ветре пловцы обыкновенно свистят по ветер. О водяном

рассказывают наши крестьяне, что он не любит, когда беспокоят его сон свистом, и опрокидывает за то лодку, а пловца увлекает на дно реки, то есть свист подымает бурю, которая волнует и бурлит сонные воды и грозит пловцу бедою. Свистать в жилой избе почитается дурною приметой.... Одно из самых обыкновенных олицетворений дующих ветров было представление их хищными птицами; вот почему дети Соловья-разбойника оборачиваются, по свидетельству былины, *воронами* с железными клювами.

Эпитет "разбойник" объясняется разрушительными свойствами бури и тем стародавним воззрением, которое с олицетворениями туч соединяло разбойничий, воровской характер. Закрытие

тучами и зимними туманами небесных светил называлось на старинном поэтическом языке похищением золота; в подвалах Соловья-разбойника лежала несчетная золотая казна; точно так в летней засухе и в отсутствии дождей зимою видели похищение живой *воды* и урожаяев.

Демонические силы грабят сокровища солнечных лучей, угоняют дождевых коров и скрывают свою добычу в неприступных скалах. Этот хищнический характер облачных демонов привел к тому, что вместо великанов и *змеев*, с которыми сражаются богатыри в более сохранившихся вариантах эпического сказания, — в вариантах позднейших и подновленных выводят на сцену вору и разбойники.

СОН-ТРАВА

РАССКАЗЫВАЮТ, что однажды при начале зимы *медведь* откопал неведомый корень, лизнул его несколько раз и ушел в берлогу спать; увидя то, человек и сам лизнул корень, после чего немедленно впал в усыпление и проспал в лесу до самой весны.

Когда он пробудился, люди уже пахали землю и сеяли хлеб.

Название баснословной сон-травы народ связывает с теми из земных злаков, сок, отвар и запах которых производят на человека одуряющее действие; таковы мандрагора, известная у нас под именем сонного зелья; одурь, белена, дурман, дрема, дремучка, горчицвет.

Поселяне убеждены, что сон-трава обладает пророческою силою: если положить ее на ночь под изголовье, она покажет человеку его судьбу в сонных видениях; думают также, что всякий, заснувший на этой траве, приобретает способность предсказывать во сне будущее.

У всех славянских народов сохраняются поэтические предания о сонном царстве, стоящие в самой тесной связи с верованием в сон-траву.

Сказка о спящем или окаменелом царстве выражает одну идею: зимний сон природы и ее весеннее пробуждение.

Стожар

БАСНОСЛОВНЫЙ цветок с мелкими красными лепестками, растущий в глухом лесу.

Если человек непочтительно относится к природе (рубит молодые деревья, вырывает грибы с грибницей, браконьерствует и т.д.), то будет непременно наказан: цветок вцепится, как репейник, в складки одежды, а ночью возгорится мгновенным пламенем, спалив избу.

Оттого его еще называют стожар — огненосный цветок.

СТРАТИМ-ПТИЦА (НОГАЙ-ПТИЦА, Страфил -ПТИЦА)

СКАЗАНИЯ стародавние утверждают, что это прародительница всех птиц. Живет она на *море-океане*, и когда кричит Стратим-птица, подымается страшная буря. И даже если всего лишь поведет она крылом, море волнуется, колышется.

Но уж если взлетает Стратим-птица, тут уж такие валы вздымаются, что потопляет море корабли, разверзает бездны глубочайшие и смывает с берегов города и леса.

Страшилы (страШНИКИ, страшницы, дрожники, дрожницы)

УЖАСНЫЕ, призрачные существа, духи робости, малодушия, трусости. Именно они приводят человека в то кошмарное состояние, когда у него "мурашки по коже бегут" (от слова "мура", "мора"), потому что они — верные слуги и служанки *Морены* — богини смерти.

Стрибог

ПОВЕЛИТЕЛЬ, верховный царь ветров. "Слово о полку Игореве" называет *ветры* Стрибожьими внуками, которые веют с моря стрелами, то есть мечут молнии из дождевой тучи. Его почитали и как истребителя всяческих злодеяний, разрушителя злоумышлений.

Студенец

СВЯЩЕННОЕ волшебное озеро древних славян. Оно таилось на необитаемом острове, в густом лесу. Хотя это озеро изобиловало рыбою, никто не смел ни единой выловить, почитая их священными: ослушника ждала суровая кара. Не за добычей приезжали к Студенцу люди, а моля о здравии и плодородии. Они верили, что если бесплодная женщина в нем искупается, то вскорости будет осчастливлена детьми. В Студенце купались во всякую пору, невзирая даже на самый лютый холод, — и были крепки и бодры. Рассказывают, что какая-то молодая женщина из племени невров, весьма злобного и ревнивого нрава, отравила священный Студенец, желая, чтобы у ее соперницы никогда не могло родиться ребенка. Она добилась своего, но со временем начали умирать все женщины, купавшиеся в этом озере. Так и исчезли невры с лица земли, так и заглох волшебный Студенец, но имя его перешло на обычные ключи, источники и ручьи.

Суд БОЖИЙ

ВО ВСЯКУЮ пору был он высшим и справедливейшим. Вера в него велась на Руси с незапамятных времен. Еще *Перун-громовник*, грозный повелитель огней небесных и дожденосных туч, призывался в свидетели-судьи. Каратель злой *нечисти*, мешавшей труженнику-пахарю, он являлся и бичом людских пороков и преступлений. *Огню* и *воде*, этим находившимся под его властью стихиям, придавалась сила обличения лжи. Поэтому и обращались наши предки к его помощи. Например, часто виновников преступления выявляло огненное испытание. Обвиняемый должен

был пройти голыми ногами по раскаленному железу: народ верил, что невинный человек сделает это безо всякого вреда для себя. Судимый водою должен был или достать *камень* со дна котла с кипятком, или войти в реку в самом широком месте ее, среди водоворотов и омутов, и плыть к берегу. Если виновен, его утопит сама кривда!

Случалось, что обвиняемые, страшась кары небесной, сознавались в своих провинностях и соглашались лучше нести наказание от судей земных, чем погибнуть от суда божьего.

Впоследствии, с течением времени, испытание стало производиться более легким способом: на воду бросали жребии, которые и решали исход дела. Однако и до недавнего времени в народе сохранялись следы веры в Божий суд. Двум спорщикам давали зажженные лучины или свечи: чья сгорит раньше, тот и неправ. Баб, заподозренных в колдовстве, бросали в воду: если пойдет ко дну, то считалась оправданной, ее пытались спасти, а если не тонула, то признавалась за *ведьму*, ибо "ведьму-колдунью вода не принимает", гласила молва.

Отголоски этой древней веры можно найти в словах "Бог шельму метит", которые означают, что всякий грешный, неправедный человек в чем-то несчастен, небеса его обязательно, пусть и неявно, наказывают за все свершенные злодеяния.

Тирлич-трава

ПО СЛОВАМ знахарей, ее собирают под Иванов день на Лысой горе, близ Днепра, под Киевом, где обиталище *ведьм* и *чертей*. Люди думают, что эта трава обладает силою превращения и достается в удел только одним ведьмам. Из тирлича выжимается сок, которым *оборотни* натирают свои подмышки при свершении чар. Ведьмы всячески стараются эту траву истребить, чтобы лишить всех прочих силы оборотничества, а *колдуны* и чародеи дорожат тирlichem, как сокровищем.

Травы чародейные

"ЗЕМЛЯ сотворена как человек, вместо власов былие имеет!" — уверяли древние всеведы, а потому надеяли былие, зелие — траву — волшебными свойствами *Матери-Сырой Земли*. И по сю пору в слове "отрава" звенит отголосок этой древней чарующей власти и силы!

"Целебна трава, если собирать ее знаючи", — говорят в народе. Такие особенные знатоки травяных зелий и "лютого коренья" назывались зелейниками, травознаями, и ходили они по лугам и лесам, как в насаженном собственными руками саду: всякой травы, всякой былинки знали свойства и место. В

статьях "Жар-цвет", "Плакун-трав", "Сава-трав" и других, повествующих о свойствах трав, приведены сведения из древних "Чародейных травников" и "Лечебников", но не только об их целебных качествах, а и заветных, волшебных.

Травы, долженствующие обладать таинственной силою, собирали в ночь на Ивана *Купала* или Аграфену Купальницу (или Аграфену Лютые Коренья), когда все земное зелие-былие получало чрезвычайную мощь: как злую, так и добрую. И говорят, была (а может, и по сию пору есть!) такая трава — колдовская, расчудесная! — что если отыщешь ее, выжмешь сок и намажешь им ноги, то пройдешь по любому морю — и ноги твои не промокнут!

Ночные травы цвели огнем. Таковы были черная папороть, царе-царь, лев, голубь и другие. Иной цвет пылал неподвижным, сильным пламенем, иной имел вид молнии, летучего, призрачного огня. "Трава лев, — сказано об одной из них в древнейшем из "Зелейников", — растет невелика, а видом как лев кажется. В день ее и не заметишь, сияет она по ночам. На ней два цвета, один желтый, а другой ночью как свеча горит. Около нее поблизости травы нет, а которая и есть, и та приклонилась перед ней". А вот что говорится о некоей дивной траве киноворот: "Хотя какая, буря, она кланяется на восток всеми стволами; то же, если и ветру нет..."

Иные травы требовалось рвать, очертя место вокруг нее золотом или серебром, что называлось "пронимать сквозь серебро или злато". Это делалось так: клали на землю около травы с четырех сторон серебро (монеты, украшения) или раскидывали вокруг золотую гривну (тяжелую шейную цепочку). Так принимали кликун-траву (или колюку), одолень-траву, метлику, папороть безсердешную и некоторые другие самые загадочные и таинственные травы. Ну а когда они попадали в руки *знахаря*, сила их все же не могла сказаться всюду без чародейного, заговорного

слова. Травы словно бы нужно было уговорить, умо- лвить помочь человеку — или навредить ему. Трава, болезнь, любовь, стихия — это все были для нашего предка живые существа, с которыми он беседовал на равных, с каждым — на его собственном языке. В ту пору знали и язык сей, и ощущали особенную, нами теперь непостижимую связь с природой. Наверное, от- того среди трав в стародавние времена волшебные и чародейные былия встречались, а нынче одни только лекарственные травы остались, да и те не каждому помогают.

Триглав

ТРЕХГЛАВОЕ божество балтийских славян, которое владычествовало над тремя царствами: небом, землей и преисподней.

В городе Штетине трехглавый *идол* стоял на самом высоком из трех холмов; глаза его были завя- заны золоченой повязкою: как говорят, для того, чтобы он своим грозным взором не напугал царей земли, неба и подземного царства и они не поменя- лись местами, что, конечно, будет означать конец мира.

Ночами, по слухам, идол Триглава спускался с постамента и отправлялся путешествовать, причем норовил захватить своими тремя ртами все, что по- падалось на пути. *Беда* - в том, что одна голова норо- вила пожрать птиц, другая — рыб, а третья — вся- кую скотину, и они вечно ссорились, а потому боже- ство сие всегда было голодным и сердитым, когда с утренними лучами солнца возвращалось к своему храму.

Оттого любил Триглав всяческие жертвы, и когда их было возложено обильно, никуда из храма не ухо- дил, а пировал всю ночь.

ТРИГЛАВА (Тригла)

БОГИНЯ ЗЕМЛИ у древних славян. Храмов ее не ставили в городах и селениях, а только посреди чистого поля: ведь не место владычице земли среди человеческих жилищ! Как видно из ее имени, богиня сия трехглава, и три эти главы означают три начала, из которых состоит земной шар: земля, то есть почва, вода и воздух. А еще они обозначали горы, долины и леса.

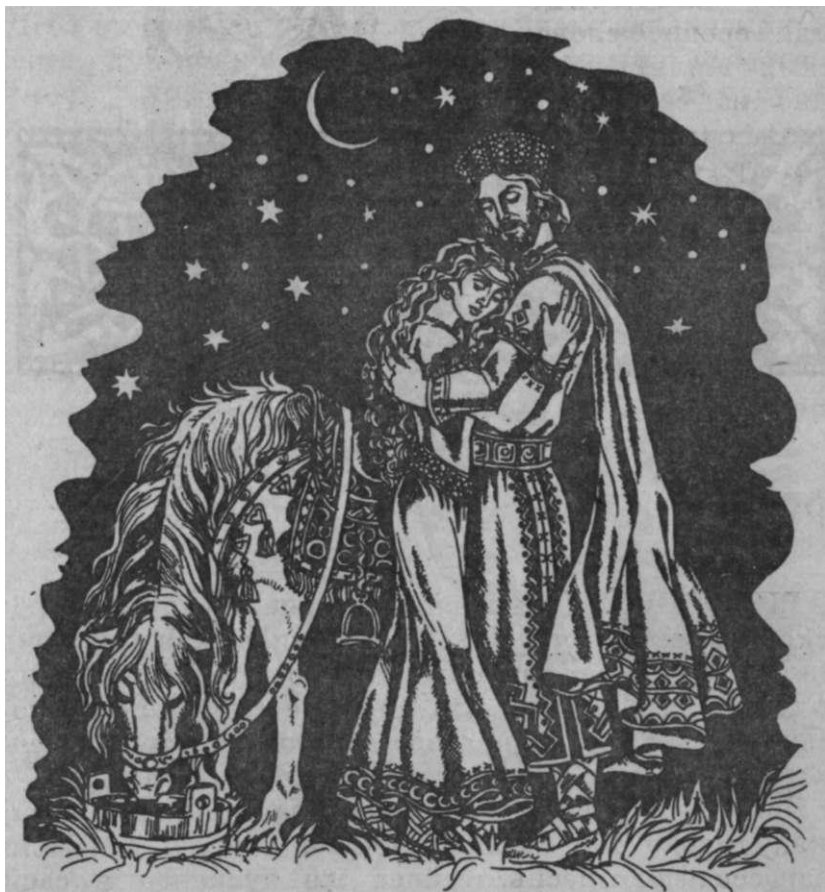
Троян

ЛЕГЕНДАРНЫЙ царь южных славян. Жил он в Троянском граде на горе Цене (в Сербии) и каждую ночь ездил в Срем на свиданье со своей милой. Ездил Троян ночами, потому что днем не смел никуда показываться: согласно недоброму пророчеству, луч солнца должен был его растопить, словно снеговика.

Являясь в Срем, Троян тотчас задавал *коню* овса, и как только тот съедал корм, а *петухи* запевали предрассветную песнь, сейчас же пускался в свой

город, чтобы поспеть до восхода солнца, а уж там его надежно скрывали мрачные, темные покои.

Но случилось так, что проведал о тайных свиданиях брат Трояновой любовницы и захотел погубить царя. Он свернул всем петухам головы, а коню насыпал песку. Эта хитрость замедлила отъезд Трояна: только перед самым рассветом он вскочил верхом, и поскакал в свой город, но солнце застигло его в пути. Троян спрыгнул с коня и спрятался в стоге сена, но проходившие мимо коровы растрепали стог. Закутав-

шись с головой в плащ, несчастный царь улегся под куст, молясь, чтобы солнце обошло его стороной. К несчастью, брел мимо какой-то бездельник, завидел свернувшегося под кустом человека и из пустого любопытства сорвал с него плащ. Тут-то солнечные лучи настигли несчастного царя и растопили его.

Несомненно, в этом поэтичном древнем предании отразилось величавое противоборство дня и ночи, лета и зимы, которое побуждало фантазию наших предков ко множеству сказок, хотя бы о знакомой всем нам *Снегурочке*.

УД

ОДНО из самых древних и потаенных славянских божеств, дух-покровитель любовной связи, любострастия. В "Слове об идолах" (начало XII века) сказано, что славяне-язычники "чтут срамные уды и в образ сотворены, и кланяются им, и требы им кладут".

Молва живописует Уда статным кудрявым молодцем, восседающем на туре. Рога тура повиты венком из калины — символом девичества, а сам Уд держит в руке деревянное копьё, к тупому концу которого привязаны две круглые деревянные погремушки.

Для приворожения божества под постель клали стебель посвященного Уду кокушника длиннорогого — растения с ярко-красной головкой. Стебель его обвивали травой любкой: ее цветы распускаются к вечеру и открыты ночью, оттого и зовется она любка-ночица.

В глухой лесной чащобе устраивались капища, посвященные Уду: в дно водоема забивались в виде овала кольца с фаллическими символами. В ночь полнолуния неплодная женщина заходила по пояс в воду и, поглаживая руками головки колеьев, молила о чадородии. Такое омовение было непременно тайным, о нем не знал никто, кроме ведуна.

В своем "Толковом словаре" В.И. Даль приводит такую цепь производных от слова "уд": удить (в значении полнеть), узы (связь), ужик (кровная родня). Сюда можно добавить: удалец, удача, ударять, удобный, удовольствие, удовлетворять (то есть "удом творить") — и так далее.

В позднейшие времена чародейное могущество Уда было поделено между *Ярилой*, *Ладом*, *Купалой*, *Припекалою*.

Улика-трава

В СТАРЫХ травниках о ней пишется вот что: "Сама она красно-вишневая, глава у ней кувшинцами, а расцветет она — то как желтый шелк, а листья лапками. Когда разлучат мужа с женою, и если муж жены не любит или жена мужа, то ее надобно иссечи мелко, давать в питии и говорить: "Как ты, трава, прикло-

нила голову свою в землю, так бы приклонили они меж себя главы свои всею душою и ретивым сердцем, думою и мыслью хоть бы до веку, до гробовой доски".

Упыри и упырнцы (вурдалаки)

ОНИ СРОДНИ вампирам, злобным покойникам, в которых через сорок дней после смерти вселяется нечистый дух.

Древние славяне "клали требы", то есть приносили жертвы упырям еще прежде, чем начали поклоняться *громовнику Перуну*.

Считается, что упырем становится после смерти человек, рожденный от нечистой силы или испорченный ею (будущего упыря можно узнать по двойным рядам зубов); умерший, через гроб которого перескочил *черт* в образе черной кошки; "заложный" покойник (самоубийца) или *колдун*.

Ночами упыри встают из могил, обуреваемые желанием сосать кровь спящих людей.

Когда народ подозревает какого-то покойника в таких страшных ночных прогулках, его выкапывают из могилы и, увидев, что он вовсе не похож на мертвеца, а наоборот, свеж и розовощек, будто живой, вбивают ему в сердце осиновый кол, а потом сжигают

труп. При этом следует остеречься струи черной крови, которая хлынет из злобного сердца, не то, если хоть капля на кого-то попадет, останутся на теле неизлечимые язвы. Ну а когда разгорится костер, поползут в разные стороны черные жабы, гадюки и черви, и надобно следить, чтобы ни одна из этих нечистей не сбежала, ибо с нею упырь может ускользнуть, чтобы потом возродиться — и* вновь вершить свои ужасные дела.

УСЛАД (ОСЛАД)

БОГ веселья и всяческого блаженства, пиров, гуляний и наслаждений, верный спутник *Лады*, богини любви.

Изображался он золоченой статуей в виде прекрасного юноши с радостью на челе, румянцем на щеках, в венке.

Одет Услад был весьма небрежно, ибо всегда был готов к удовлетворению своих чувственных прихотей. При всяких пиршествах сие божество было призываемо в качестве самого почетного гостя, и первый глоток

из всякого кубка жертвовался ему, так же, как и первый поцелуй, сорванный гулякою с уст своей красавицы. Со временем стали почитать его и как бога приятного сна и сновидений.

Хворст

ПОКРОВИТЕЛЬ болезней, немощей и старческой слабости. Недаром его имя созвучно слову "хворать"!

Чтобы задобрить сего неумолимого бога, предки наши, состарившись, приносили ему богатые жертвы и горячо молились, однако Хворст всегда оставался немилостив. Ведь он всегда желал поклонения от молодых, здоровых, сильных, а разве ж молодость задумывается о болезнях?

Потому и служили Хворсту только самые дряхлые старцы, потому он и слыл недобрым, жестоким божеством.

Царь-Горох

СКАЗОЧНОЕ существо, обозначающее незапамятную старину. "То было при царе Горохе, когда людишек было крохи", — говорят в народе.

Царь Огненный Щит

ЛЕГЕНДАРНЫЙ персонаж: царь этот в *воде* не тонет и в *огне* не горит; он испускает из себя пламя и поджигает врагов.

Полный его титул — Царь Огненный Щит и Пламенное Копье.

Цмоки

ПРОИСХОДИТ это название от слова "цмокать", "чмокать" — свистеть, издавая звук, подобный чмоканию, поцелую — так называли духов, прилетавших к своим любимым под видом кур, крылатых ящериц или змеек и открывающих клады.

Белорусы до сих пор называют так домового *змея*, ужа. Он носит своему хозяину деньги, делает его нивы плодородными, а коров — дойными. За такие заботы цмока-домовика хозяин, со своей стороны,

обязан ставить ему на кровле дома или на гумне скоророду яичницы. В противном случае цмок разгневется и сожжет весь дом.

Лесной цмок может уморить у хозяина скот: высасывать ночью у коров молоко и делать нивы неплодными.

Чернобог

УЖАСНОЕ божество древних славян, олицетворение всех злостей и бед. Чернобога изображали закованным в крепкую броню, да и сам истукан его был железный. Имея лицо, исполненное ярости, он держал в руке копье, готовое к нанесению всяких зол.

Храм Чернобога был построен из черного камня, а перед статуей стоял жертвенник, всегда обогранный кровью, как и ступени храма, на которых приносили ему в жертву *коней*, пленников и рабов. Однако для умиловления грозного чудища в

лихую годину бросали жребий и среди жителей этих мест, чтобы новой кровью улестить Чернобога. Сие страшное божество услаждалось кровопролитием и неистовством, а потому хоть и мог он отвратить войны и всяческие бедствия, молились ему, не испытывая никакой благодарности и любви, а один только страх.

Чернобыль

РАСТЕНИЕ, вид полыни, которое на Украине называют травой забвения. Накануне Иванова дня вьют из этой травы венки, смотрят сквозь них на зажженный огонь и надевают их на головы; кто это соблюдает, у того в течение целого года не будут болеть ни глаза, ни голова. Наваром из чернобыля, собранного на Иванов день, обмывают коров, чтобы они давали больше молока.

Черт (Бес)

НЕЧИСТАЯ сила, олицетворение всего зла, подстерегающего человека.

В народном сознании глубоко укоренилось верование, что сонмы злых духов неисчислимы. Очень мало на Божьем свете таких заповедных святых мест, в которые они не дерзали бы проникать; даже православные храмы не освобождены от их дерзких нашествий. Эти бесплотные существа, олицетворяющие собою самое зло, — исконные враги человеческого рода; они не только наполняют безвоздушное пространство, окружающее вселенную, не только проникают в жилища, делая многие из них необитаемыми, но даже вселяются в людей, преследуя их беспрестанными искушениями. Насколько многочисленны эти

незримые людские ненавистники, можно судить по богатству самых разнообразных прозвищ этой *нежити*, лукавой и нечистой силы. Более сорока имен черта насчитано В.И.Далем в его "Толковом словаре великорусского языка": нежить, нечисть, злой дух, демон, сатана, дьявол, князь тьмы, царь ада, ворог, лукавый, нелегкий, морока, лихой, шут, шайтан, черная сила, черный и так далее, и тому подобное!

В деревенских избах в старину почти невозможно было найти таких сосудов для питьевой *воды*, которые не были бы покрыты если не дошатай крышкой или тряпицей, то, в крайнем случае, хоть двумя лучинками, положенными "крест накрест, чтобы черт не влез". Равным образом, среди русского простонародья нелегко было натолкнуться на такого рассеянного или забывчивого человека, который, зевнувши, не перекрестил бы своего рта, чтобы святым знамением заградить туда вход нечистому духу. То же самое, с произнесением слов "свят, свят, свят", исполняется и во время грозы при каждом раскате грома, так как черт, боится молнии и прячется за спины людей, чтобы Господь не поразил его. Эти обычаи и приемы столь же древние, как само христианство на Руси, но вера в темную, злобную силу восходит к еще более древним временам.

Хотя чертям для их походов и отведена, по народному представлению, вся поднебесная, тем не менее у них имеются излюбленные места для постоянного или особенно частого пребывания. Охотнее всего они населяют те трущобы, где дремучие леса разрезаются сплошными полосами недоступных болот, на которые никогда не ступала нога человеческая. Здесь, на трясиных или заглохших и заросших озерах, где еще сохраняются пласты земли, сцепленные корнями водорослей, неосторожного охотника и дерзкого путника засасывает вглубь подземная сила и прикрывает сырым и холодным пластом, как гробовой доской. Тут ли не водиться злой дьявольской

силе, и как не считать чертям такие мочаги, топи, ходуны-трясины и крепи-заросли благоприятными и роскошными местами для надежного и удобного жительства?

"В тихом болоте черти водятся", — верит народ. "Было бы болото, а черти будут". "Не ходи при болоте: черт уши обколотит", — советует множество поговорок. "И вылез бы черт из болота, и пошел бы в деревню к мужику на свадьбу, да попа боится", — выдают за истинно проверенное наблюдение.

Болотные черти живут семьями: имеют жен, плодятся и множатся, сохраняя свой род на бесконечные времена. С их детьми, бойкими и шустрыми чертенятами (хохликами), такими же черными, мохнатыми и в шерсти, с двумя острыми рогами на макушке и длинным хвостом, не только встречались деревенские русские люди, но и входили с ними в разнообразные сношения. Образчики и доказательства тому в достаточном количестве разбросаны в народных сказках и, между прочим, в известной всем пушкинской сказке о работнике Балде. Один солдат строгих николаевских времен, проносил чертенка в тавлинке целый год со днем.

Некоторые уверяют, что черти востроголовые, как птицы сычи, а многие, сверх того, уверены, что эти духи непременно хромые. Они сломали себе ноги еще до сотворения человека, во время сокрушительного падения всего сонма бесов с неба.

Черти летели с неба сорок дней и сорок ночей, и, кто где упал, тот там и остался хозяином: *водяные* в воде, *домовые* в доме и т.д. Так как на землю было свержено нечистой силы очень много, то она, во избежание вражды и ссор, очертила свои владения кругом. Этот *круг* возымел особое действие и силу: всякий, попавший в него и переступивший след нечистого, обязательно блуждает и без помощи особых средств из него не выйдет, не избавится от дьявольского наваждения.

Когда народная фантазия наделила чертей многими человеческими качествами, последовательность воображения потребовала новых уподоблений. Бесспорно решено, что эти духи подвержены многим людским привычкам и даже слабостям: любят ходить в гости друг к другу, не прочь попить. На своих любимых местах (перекрестках и развилках дорог) черти шумно справляют свадьбы (обыкновенно с ведьмами) и в пляске поднимают пыль столбом, производя то, что мы называем вихрями, или же встречниками.

При этом люди, бросившие в эти пыльные столбы ножи или топоры, удачно разогнали свадьбу, но на том месте всегда находили следы

крови, и после того какая-нибудь слывущая ведьмой колдунья долго ходила либо с обвязанным лицом, либо с подвязанной рукой.

На пирах, устраиваемых по случаю особенных побед над людьми, равно как и на собственных свадьбах, старые и молодые черти охотно пьют вино и напиваются; а сверх того, любят курить табак. Самое же любимое занятие, превратившееся у чертей в неутолимую страсть, — это игра в карты и кости. В игре для чертей нет удержу и не установлено законов: проигрывают все, что есть за душой (а *душа* им полагается настоящая, почти такая же, как у людей). Впрочем, дьявольская сила виновна в изобретении и самого вина, и табачного зелья, да и нечистая игра в карты с передержкой и подтасовкой отнесена прямо к бесовским же вымыслам.

Черти устраивают против людей всякие козни и исполняют главное свое назначение, состоящее в многообразных искушениях. Дьявольская сила одарена способностью превращений, то есть черти могут совершенно произвольно сменять свою подозрительную и страшную бесовскую шкурку, принимая личину, сходную с людскою, и вообще принимая формы, более знакомые и привычные для человеческого глаза.

Всего чаще черти принимают образ черной *кошки*, почему во время грозы догадливые деревенские хозяева всегда выбрасывают животных этой масти за дверь на улицу, считая, что в них присутствует злой дух (отсюда выражение, что при ссоре пробегает между людьми черная кошка). Не менее того черти облюбовали образ черной *собаки*, свиньи, *змеи*, *волка*, сороки и других черных животных. Перевертываются они даже в клубки ниток, в вороха сена, в *камни* и т.д.. Вообще черти принимают самые разнообразнейшие формы, какие только способны допустить пылкое людское воображение, однако же не без некоторого ограничительного законного предела. Такой предел существует и упорно оберегается: не всегда,

например, решаются черти представляться короной, самым дорогим и полезным домашним животным, да подобному перевертышу и самая глупая баба не поверит. Не дерзают злые духи прикидываться *петухами* — вестниками приближения светлого дня, который столь ненавистен всякой злой силе, и голубями — самой чистой и невинной птицей в целом мире, памятуя, кто удостоивал принимать на себя образ этих милых и ласковых воркунов из царства пернатых (имеется в виду Всевышний). Точно так же никто не видал злой нежити в ослиной шкуре, так как всей их нечистой породе, со времени явления Христа на земле, стало известным, что сам Господь благоволил избрать осла для своего победоносного шествия во Святый град к прославлению своего божественного имени и учения.

Какой бы образ ни принимал на себя дьявол, его всегда выдает сильный, очень громкий голос с примесью устрашающих и зловещих звуков ("дух со страху захватывает"). Иногда он каркает черным *вороном* или стрекочет проклятой сорокой. По черному цвету шерсти животных и птичьих перьев тоже распознается присутствие хитрых бесов, и притом именно бесов, потому что, например, *колдуны* и ведьмы, в отличие от чертей, бывают чаще перевертышами белых и серых цветов. Зато при всяком превращении черти-дьяволы так искусно прячут свои острые рожки и подгибают и свертывают длинный хвост, что нет никаких сил уличить их в обмане и остеречься их.

Смущать человеческий род соблазном или завлечь лукавством — прямая цель дьявольского пребывания на земле. Искуситель всегда налицо: зазвенело в левом ухе — это он летал сдавать сатане грехи того человека, сделанные за день, и вот теперь прилетел назад, чтобы снова стать на страже и выжидать случая и повода к соблазнам. Искуситель, по народному представлению, неизбежно находится у человека с левого бока и шепчет ему в левое ухо о таких злых дея-

ниях, какие самому человеку и в ум не пришли бы без коварных наветов черта. "Черт попутал", — говорят все, испытавшие неудачу в начинаниях, те, которые нежданно впали в прегрешение.

Во всякого человека, которого бьет хмелевик (страдает запоем), непременно вселяется черт, и владеет он запойным в полную силу: являясь в человеческом виде, манит его то в лес, то в омут. А так как бес выбирает себе место прямо в сердце, то и не бывает тому несчастному нигде покоя и места от страшной тоски. Пока догадаются исцелить такого человека единственным надежным средством — отчитыванием, то есть пока не прочитают над ним все псалтыри три раза, коварный враг человеческого рода не перестанет смущать его и производить свои козни.

"Черту баран", то есть добровольная жертва беса, — самоубийца, тот, кто совершает поджог, убийство по злой воле (по внушению дьявола). Все душевнобольные и ненормальные суть люди порченые, волею которых управляет нечистая сила, кем-либо напущенная и зачастую наталкивающая на злодеяние — себе на потеху. Тешат эти люди черта — делают из себя для него "барана" — в тех случаях, когда вздумает бес прокатиться, погулять, потешить себя, а то и просто возить на них воду, как на существах совершенно безответных, беззащитных, подобно овцам, и вполне подчиненных. Для того-то, собственно, и выбрано это самое кроткое, безответное животное. Оно же у бесов любимое, в противоположность козлу, которого черти боятся от самого сотворения мира (вот почему держат до сих пор козлов на конюшнях). Кроме того, на самоубийцах на том свете сам сатана разъезжает таким образом, что запрягает одних вместо лошадей, других сажает за кучера править, а сам садится на главном месте вразвалку, понукает и подхлестывает. Когда же сатана на своем троне в преисподней, то всегда держит на коленях Иуду, хриstopродавца и самоубийцу, с кошельком в руках, из ко-

тогого всем бесам отпускаются деньги на разные расходы по делу соблазнов и взысканий за содеянное грешными людьми, чтобы вернее и удобнее попали во власть нечистой силы все утопленники и удавленники, заложные покойники — их стараются похоронить там, где они совершили над собой тяжкий грех самоубийства, причем погребают этих несчастных под голою насыпью, совсем без креста и вне кладбищенской ограды.

Первыми жертвами при забавах нечистой силы являются обыкновенно пьяные люди; однако черт любит, говорят, пьяных, потому что таких людей ему легче наталкивать на всякий грех.

Любимейшее занятие чертей — соблазнять шин. Стоит поскучать молодой бабе по ушедшем на заработки муже, в особенности вдове по умершем, как бесы и готовы уже на утеху и на услуги. Пользуясь способностью перекидываться (принимать на себя всякие личины) и ловкостью в соблазнах и волокитствах, бесы добиваются полных успехов. Помогает в таких случаях накинутый на беса лошадиный недоуздок. Нашупывают у соблазнителя спинной хребет, какового обычно у этих *оборотней* не бывает. Помогает чертополох — колючая сорная трава, равно ненавистная всей нечистой силе. Приглашают дом священника служить молебен; пишут во всех углах мелом и дегтем кресты...

Рассказывают, что иногда и сами черти налетают на беду и остаются в дураках: убегают от сварливых и бедовых баб опрометью, добровольно и навсегда. От подобной связи рождаются черные, глупые и злые дети, которые могут жить очень недолго, так что их даже никто не видит.

В некоторых местностях существует глубокая уверенность в том, что на всякую болезнь полагается особый дух и что каждый из этих духов имеет свой вид, например, для *лихорадки* — вид бабочки, для оспы — лягушки, для кори — ежа и т.п. Сверх про-

чих существует еще особенный бес, насылающий неожиданные и беспричинные острые боли, пробегающие схватками в спине, руках и ногах. Такой бес называется приткой (отсюда и обычное выражение "попритчилось"). Для пьяниц черти готовят в водке особого червя (белого, величиной с волосок): проглотившие его делаются горькими пьяницами и т.п.

Все болезни, которыми чаще всего страдают женщины, как например, кликушество и вообще *порчи* всякого рода (истерии), приписываются, бесспорно, бесам. Причем сами женщины твердо и непоколебимо убеждены, что это бесы вселились внутрь испорченных, что они вошли через неперекрещенный рот во время зевоты или в питье и еде. Подобные болезни ученые доктора лечить не умеют; тут помогают только опытные *знахари*.

Хотя и придумана давно деревенская пословица: "Богу молись, а черта не гневи", — но существует и такая истина, которая выше всякой греховной болтовни и легковесных правил: "Без Божьей воли и волос на голове человека не пропадает". Бесовскому влиянию положен известный предел, и самое пребывание нечистой силы на земле ограничено определенными сроками.

Так, еще повсюду сохранилось убеждение, что при благовесте в церквах, после третьего удара, вся бесовская сила проваливается в преисподнюю. В то же время сознательно держится вера, что ко всякому человеку при его рождении приставляется черт и ангел.

Оба они не оставляют человека ни на одну минуту, причем ангел стоит по правую сторону, а дьявол — по левую. Между ангелом-хранителем и дьяволом-соблазнителем стоит постоянная вражда. Каждый из них зорко следит друг за другом, уступая сопернику лишь в зависимости от поведения человека: радуется, умиляется, ангел при виде добрых дел; осклабляется,

хохочет и хлопает в ладоши довольный дьявол при виде послушания его злым наветам.

Ангел записывает все добрые дела, дьявол учитывает злые, а когда человек умирает, ангел спорит с дьяволом о грешной душе его. Кто из двух победит — известно единому Богу.

Впрочем, до того времени на всякий час готово для утешения молитвенное слово: "Ангел мой, сохрани меня мой!, Сохрани мою душу, укрепи мое сердце на всяк день, на всяк час, на всякую минуту. По утру встаю, росой умываюсь, пеленой утираюсь Спасова Пречистова образа. Враг-сатана, отшатнись от меня на сто верст — на тысячу, на мне есть крест Господень!"

Чеснок-трава

СИЕ ПРИВЫЧНОЕ нам растение было в особом почитании язычников. За трапезою в колядский праздник рождения света-огня головку чеснока клали на стол перед каждым гостем. Делалось сие для отогнания злой силы, всех болезней.

"И чесноковиток богом же творят, — говорилось в одном из раннехристианских обличительных против язычества сочинений, — егда будет у кого пир, особенно на свадьбах, тогда кладут в ведра и чаши и пьют, веселяся о своих *идолах*". В этом случае чеснок употребляется как необходимая принадлежность в таинствах поклонения *Корсу*, нашему Дионису, Вакху. У сербов пресный пшеничный хлеб для колядской трапезы с запеченной в нем серебряной или золотой монетой называется чесноницею.

Поклонение чесноку, по всему вероятно, возникло за особые его "горящие" свойства и сильный, острый запах. Это было мифическое, чародейное зелье в полном смысле слова. Еще Геродот отмечал, что скифы

алазаны, жившие между Бугом и Днепром, занимались земледелием и употребляли в пищу чеснок и лук.

Волшебный, заговоренный чеснок выращивали особым способом, посадивши его в землю в сыром освященном яйце. Тогда он расцветал в самую полночь Купальскую.

Обладавший таким растением мог творить чудеса, общаться с нечистой силою и всякими чародеями, мог даже, как на *коне*, ездить верхом на *ведьме*, хотя бы и в другие страны.

Понятие о чесноке, таким образом, сливалось с понятием об очищении от всякого очарования и *порчи*.

Между прочим, о его чудесах существует вот какой рассказ, принадлежащий, правда, уже к временам христианским, но здесь ясно звучат отзвуки волшебного язычества:

"В тот день, когда девки пойдут в Русальную неделю венки завивать, ты чеснок с собой возьми и пойди за ними назерком (не упуская из виду); и когда они венки повьют и на себя навздевают, и ты веночек свей, а чеснок ввей в него и надень на себя и ходи с ним надаль (невдалеке); тогда с ними увидишь нечистую силу в образе дородного молодца в веселии и радости; а как девки пойдут домой, а ты не ходи, останься на их месте, а тот мнимый молодец пойдет провожать их, и воротится, и станет один веселиться, где они веселились.

Тогда ты подойди к нему и говори с ним, как с человеком, о гульбах и забавах, и между разговором надень на него скоро тот веночек, и он будет от того венка связан и непоколебим никуда, и что хошь, то и делай над ним; а если хочешь богатства или славы, то даст он все тебе и скажет: "Что хочешь от меня, я дам тебе, лишь веночек сойми!"

Тогда обвяжи его и с клятвою отпусти, и он исполнит..."

Числобог

СЛАВЯНЕ почитали его как покровителя течения времени. Было у него два лица: одно — подобное солнцу, другое — полумесяцу, ибо солнце отмеряет течение дня, а луна — ночи.

Жрецы Числобога ведали тайные, древние науки счета дней, месяцев, лет. Они содержали в порядке большие солнечные и лунные часы, которые посвящены были загадочному Числобогу.

Пред храмом его высаживали великое множество самых разнообразных цветов, которые открывали свое венчики в разное время суток, от раннего утра до позднего вечера.

И узнать, который теперь час, можно было, поглядев на эти удивительные цветочные часы, равных которым по красоте не создано до сих пор.

Чудо Морское

ПОДВОДНОЕ чудовище, иногда олицетворяемое щукой или другой невероятной рыбою. Древнему человеку туча казалась щукою — великаном, проглотившим прекрасное светило дня. Проглотив его, чудовище места себе не может найти от жара, сжигающего все его внутренности; оно мечется из стороны в сторону, пышет огнем, истекает горячими слезами и, наконец, в полном изнеможении — выбрасывает полоненное солнышко на свободный простор, исчезая с просветлевшего неба-моря.

В славянских преданиях встречается чудесная рыба, порождающая сказочных богатырей. Так, например, рассказывается, что жила-была на белом свете одна царица, у которой не было детей, а она только и желала одного счастья на земле — просила-молила у Бога сына. Привиделся ей вещий сон, что надо для этого закинуть в море синее шелковый невод и первую вынутую из невода рыбу съесть. Рассказала царица этот сон своим приспешницам, приказала закинуть невод: попалась всего одна рыба, да и та не простая, а золотая. Зажарили ее, подали на обед царице, стала та ее есть да похваливать. Обедки, оставшиеся после царицы, доела стряпуха-кухарка; доела — вымыла посуду, вынесла помой любимой черной корове. И вот дался царицын сон в руку, — в один и тот же день родились на белый свет три сына: Иван-царевич, Иван-кухарчонок да Иван-коровьин сын. Шло-проходило время; выросли они, выровнялись все молодец в молодца, стали богатырями могучими.

Русский сказочник-народ придает иногда щуке такую сверхъестественную, всеобъемлющую силу, что только диву даются все видящие проявление этой последней. Попадается такая чудодейственная рыба в руки, все равно — хоть Ивану-царевичу, хоть Емеле-

дурачку — изменяет она обычной немоте своей сестры-брата, начинает голосом провещать человеческим: "Отпусти меня в воду, пригожусь тебе!" — говорит. Научает она произносить всякий раз, как только понадобится ее помощь, слова: "По моему прошенью, по щучьему веленью!" Всякое-де желание, связанное с этими волшебными словами, исполнится немедленно. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; но глубоко запали в память народную эти слова, еще до сих пор то и дело можно услышать присловье — "по щучьему веленью" — относящееся ко всему, совершающемуся с поразительной быстротой. Таковым — из ряда вон выходящим — почетом окружает охочий до сказок пахарь-народ заставляющую не дремать кроткого карася прожорливую представительницу царства рыб.

Со всякой, даже самой обыкновенной щукой-рыбью связывается в народном представлении та или другая примета. Если попадется зубастая хищница при весеннем, первом после вскрытия вод, улове, то на нее обращается особое внимание. Вспарывает рыбак ей брюхо — смотрит, много ли икры. Толще икряной слой к голове — это говорит о том, что урожайнее будут ранние посевы в яровом поле; к хвосту собирается комком икра — надо переждать, сеять попозднее; если же вся икра поровну разложена, когда ни сеять, все равно: уродится хлеб и в том, и в другом случае такой, что "до Аксиньи-полухлебницы" (24-го января) не хватит. Хребтовую кость щучью, советует посельщина-деревенщина, умудренная жизнью прадедов, вешать на воротной притолоке (от *морového поветрия*); щучьи зубы, по уверению *знахарей-ведунгов*, вернее верного оберегают носящего их в ладанке на шее от укушения ядовитых *змей*.

К зубастой щуке приравнивает деревенский люд и такое явление природы, как срывающий с крыш солтому вихорь буйный: "Щука хвостом махнула — крышу слизнула, лес до сырой земли согнула!" — го-

ворит он. Коса острая и кривой серп, под корень срезающие злаки-былья, также вызывают в воображении народа краснослова сравнение с прожорливой хищницей царства рыб: "Щука-хапуга" (коса) хвостом (лезвием) мигнула — леса (травы) пали, горы (копны) встали!", "Щука (серп) прынет, весь лес (нива) вянет!"

"Чудом морским" называет иногда народ и угорь-рыбу, и диковинную железницу.

На утренней ранней зорьке выметывается угорь-рыба в Семен-день на берег и ходит-перескакивает по лугам на три версты, по росе. Смывает-сбрасывает с себя она все свои лихие болести — на пагубу человеку. Потому-то и не советуют знающие люди выходить до спада росы в этот день на берег реки. Угорь

слывет на деревенской Руси запрещенной рыбою. Можно его есть, говорят сведущие старики, только тогда, когда "семь городов наперед обойдешь — никакой яствы не найдешь", да и тогда запрещается вкушать голову и хвост угря. Народное суверие принимает его за "водяного змея, хитрого и злобного", поясняя при этом, что за великие прегрешения этому змею положен запрет на жало: "не жалить ему веки вечные, ни человека, ни зверя". Знахари заставляют угря быть вещим помощником их гаданий: они кладут его на горячие уголья и, по направлению его

прыжков, стараются обозначить место, где укрыта похитчиком какая-либо пропавшая вещь.

Железница водилась в Волге в незапамятные времена, иначе ее называли бешеной рыбой. Уверяют, что, кто эту рыбу съест, тот непременно сойдет с ума, поэтому, выловив железницу, ее снова бросают в воду.

Чума

ПРИБЛИЖАЯСЬ к городу или деревне, она точит свои стрелы, и кому случится выйти на ту пору в поле — в того и стреляет, а затем уже входит в самое село или город. Оттого первые заболевающие страшным недугом бывают приезжие или странники. Наравне с *ведьмами* Чума может оборачиваться *кошкою*, лошадью, коровою, птицею и клубком пряжи; где она покажется — там начинают выть *собаки*, туда прилетает ворона или филин, и, садясь на кровлю, криком своим предвещает беду. Уверяют, что во время чумы *петухи* хрипнут и замолкают, а собаки теряют способность лаять, а только ворчат и с визгом бросаются на ужасную гостью.

Один крестьянин спал на стогу сена; пробужденный шумом, он увидел огромную женщину, в белой одежде (в саване), с растрепанными волосами, которая бежала от стаи собак; она вскочила на лестницу, приставленную к стогу, и стала дразнить собаку ногою. Крестьянин узнал Чуму, подкрался сзади и столкнул ее с лестницы; Чума погрозила ему пальцем и исчезла, и хотя он остался в живых, нб с той самой минуты беспрестанно дергал ногою.

Петуший крик и колокольный звон признаны были за целебное средство против болезней. По народному убеждению, собака одарена чрезвычайно тонким чутьем и острым зрением; она узнает присутст-

вие нечистых духов, чует приближение Чумы и *Смерти* и кидается на них, как верный страж домохозяина и его семьи. Когда собака воет — это считается знаком, что она видит Смерть. Отсюда возникли поверья, что Чума боится собак, что у петухов она отымает голос и вырывает хвосты и что там, где властвует нечистая сила смерти — зараза, уже не рздается ни петушиный крик, ни собачий лай; согласно с этим малорусские заговоры отсылают сестер-лихорадок и другие болезни в те пустынные страны, где не слышится ни пения петухов, ни лая собак, ни церковного звона, то есть собственно в царство туч, оцепененных холодным дыханием зимы (в вертепы северного ада).

Рассказывают также, что Чума не любит кошек и при удобном случае убивает их. В давнее время, по словам болгар, кошка была старшею сестрою Чумы и часто била ее; теперь же, при появлении Моровой язвы, кошки прячутся от нее в печках. Любопытно, что чехи, для излечения детей от сухотки, купают их в ключевой воде вместе с собакою или кошкою.

Чур

У НАШИХ предков-язычников он был божеством не самого высокого ранга, однако имя его до сих пор повсюду знают и чествуют. Он почитался покровителем и сберегателем границ поземельных владений. На межах своих участков земледельцы насыпали бугры, огораживая их частоколом, и такого бугра никто не смел разрыть из опасения разгневать божество. Порубежная полоса считалась неприкосновенной, никто не мог переступить ее своевольно. В определенные дни глава семейства обходил владения по этой черте, гоня перед собою жертвенных животных, пел гимны и приносил дары божеству; здесь же, на некотором рас-

стоянии друг от друга, ставились крупные камни или древесные стволы, носившие названия термов. В яму, в которой утверждался терм, клали горячие угли, хлебные зерна, *караваи*, плоды, лили мед и вино. Здесь все было подвластно Чуру, и место, где он главенствовал, а порою и показывался, получало таинственное освящение, и потому за черту родовых владений не дерзали переступить враждебные духи.

Позднее на межах начали ставить изображение самого Чура.

Несмотря на грубость работы и ничтожность того материала, из которого вырубались, они почитались священными и неприкосновенными. На полях, отвоеванных у дремучих лесов и необозримых степей, Чур обе-

регал границы владений разных хозяев, удерживал дерзких и своевольных нарушителей, останавливал чужую разгулявшуюся соху, тупил расхолодившийся топор.

Олицетворяли Чура в деревянном изображении, имевшем форму кругляша, короткого обрубочка толщиной в руку. На нем вырезались условные знаки, обозначающие владельцев того или иного участка Земли. Такие обрубки сохранили древнее название

свое в известных словах, уцелевших до нашего времени: чурбак, чурбан, чурка, чурбашка.

Также Чур охранял человека и все его добро от нечистой силы: как житель проезжих-прохожих дорог, он имел более всех власти над *чертями*. Поэтому при опасности до сих пор советуют вспомнить этого бога и зачураться, сказав: "Чур меня!", то есть попросить: "Чур, побереги меня!" Даже тайны мыслей человека он охраняет. Если кто-то скажет тебе что-то неприятное, зачурай его: "Чур тебе на язык!" — и злое пожелание не сбудется. Ну а найдешь что-то ценное и не захочешь ни с кем делиться, тут же возмолись: "Чур, мое!" — и добрый древний божок бережет твою находку только для тебя одного.

Эхо

ПО НАРОДНЫМ поверьям, эхо, раздающееся из глубин лесной чащи, считается откликом *лешего*. Он нарочно отзывается на голос человека, чтобы заманить его в непроходимые трущобы или болота, а там защекотать насмерть.

В стародавние времена вместо "эхо" говорили: отголосок, отголосье, отгул, зык, позык, паголосье, рай.

Явь

СВЕТЛАЯ сила, управляющая миром, одновременно — сам этот мир, "белый свет".

Явь — это время настоящее, сущее, идущее, свершающееся.

ЯГА БАБА

ЗЛАЯ, СТАРАЯ и мощная колдунья или волшебница; вид у нее страшный. Она не столько в аду живет, сколько на этом свете. Дом ее — избушка на курьих ножках, стоит и сама поворачивается. Ее почитали как привратницу между миром живых и мертвых, избушка — врата в мертвое царство. Древние наши

богатыри всегда находили ее лежащую на лавке; нос ее висит через грядку (шест в избе для вешания вещей, укрепленный в стене).

Сия старая колдунья не пешком ходит, но разъезжает по белу свету в железной ступе (то есть колеснице самокатной), и когда прогуливается, то понуждает ступу бежать скорее, ударяя железною же палицей, или пестом. А чтоб, для известных ей причин, не видно было следов, то заматаются они за нею особенными, к ступе приделанными метлою и помелом. Как всякое божество, Баба Яга то зла, то добра, но все же, как от всякой непонятной силы, от нее исходит много мудрости. Служат ей лягушки, черные коты, в их числе Кот Баюн, *вороны* и *змеи* — все существа, в которых уживается и угроза, и мудрость.

Язычество славян

ПОНЯТИЕ "язычество" возникло в церковной среде в первом тысячелетии нашей эры и поначалу означало все нехристианское — от гимнов "Ригведы" до мифологии древней Греции. Однако и применительно к славянам невозможно рассматривать язычество лишь в рамках этого тысячелетия — корни праславянские тянутся в глубины первобытных эпох, палеолита и мезолита. Тогда-то и зародились перворостки, первообразы восточнославянского фольклора: богатырь Медвежье Ушко, получеловек-полумедведь, культ медвежьей лапы, культ Волоса-Велеса, *заговоры* сил природы, сказки о животных и стихийных явлениях природы (*Морозно*).

Первобытные охотники изначально поклонялись, как сказано в "Слове об *идолах*" (XII век) "*упырям*" и "*берегиням*", затем верховному владыке *Роду* и *рожаницам Ладе* и *Леле* — божествам живительных сил природы.

Переход к земледелию (IV—III тысячелетия до н.э.) отмечен возникновением земного божества *Мать-Сыра Земля (Мокошь)*. Землепашец уже обращает внимание на движение солнца, луны и звезд, ведет счет по аграрно-магическому календарю. Возникает культ бога солнца *Сварога* и его отпрыска *Сварожича-огня*, культ солнечноликого *Дажьбога*.

Первое тысячелетие до н.э. — время возникновения богатырского эпоса, мифов и сказаний, дошедших до нас в облике волшебных сказок, поверий, преданий о Золотом царстве, о богатыре — победителе

В последующие столетия на передний план в пантеоне язычества выдвигается громоносный *Перун*, покровитель воинов и князей. С его именем связан расцвет языческих верований накануне образования Киевской державы и в период ее становления (IX—X века). Здесь язычество стало единственной государственной религией, а Перун — первобогом.

Принятие христианства почти не затронуло религиозные устои деревни.

Но и в городах языческие заговоры, обряды, поверья, выработанные на протяжении долгих веков, не могли исчезнуть бесследно. Даже князья, княгини и дружинники по-прежнему принимали участие в общенародных играх и празднествах, например, в русалиях. Предводители дружин наведываются к *волхвам*, а их домочадцев врачуют вещие женки и чародейки. По свидетельству современников, церкви нередко пустовали, а гуслиеры, кощунники (сказители мифов и преданий) занимали толпы народа в любую погоду.

К началу XIII века на Руси окончательно сложилось двоеверие, дожившее и до наших дней, ибо в сознании нашего народа остатки древнейших языческих верований мирно уживаются с глубокой преданностью православной религии.

Ярило (Тур, Яровит, Яр-Хмель)

ОБАЯТЕЛЬНОЕ славянское божество. Ярило сродни древнегреческому Эроту, богу любви, и в то же время не чужд богу веселья Бахусу; Веселый, разгульный бог страсти, удали представляется народному воображению молодцем красоты неописанной; в белой епанче сидит он посадкой молодецкою на своем белом коне; на русых кудрях венок цветочный, в левой руке ржаные колосья; ноги у Ярилы — босые. Разъезжает он по полям-нивам, рожь растет — народу православному на радость на веселую. Он — представитель силы могучей, удали богатырской, веселья молодецкого, страсти молодой-разгарчивой. Все, что передает животворящему лету весна, — все это воплощается в

нем по прихотливой воле суеверного народного воображения. Взглянет Ярило на встречного — тот без пива пьян, без хмеля хмелен; встретится взором Яр-Хмель с девицей-красавицею — мигом ту в жар бросит: так бы на шею кому и кинулась... А вокруг него, по всему пути-по дороге Ярилиной, цветы зацветают-цветут, что ни шаг, что ни пядь — все духовитей, все ярче-цветистее.

Упоминаемые в Нестеровой летописи "игрища межю селы", на которых радимичи, вятичи, северяне и древляне "умыкаху жены себе", по времени и обстановке как нельзя более совпадали с гульбищами в честь веселого Ярилы. На Ярилиной неделе, по суеверному представлению народа, особенно неотразимую силу имеют всевозможные любовные заговоры — на присуху, на зазнобу да на разгару.

Лихие люди, умышляющие злобу на своего ближнего, "вынимают след" у него в эти дни, и, по преданию, это является особенно действенным средством.

Ярилин праздник начинается тем, что девушки — целым хороводом — выбирают прекрасного юношу, наряжают его всего в цветы и сажают на белого коня. Все участницы игрища одеты в праздничные наряды, с венками из полевых цветов на головах. Его возили по полям-лугам, ибо перед взором бога все должно цвести-колоситься. Проводы Ярилы — одновременно и проводы весны, как и в праздниках *Костромы*, *Кострубоньки*, *Купалы*.

Яхонт лазоревый

В СТАРИНУ верили: тому, кто при себе носит камень сей, тела прибавляет и красоту лицу придает, лишний пот унимает и смиряет телесные похоти, заставляет человека быть чистым и добрым, всякую нечисть

с глаз и тревоги с чела изгоняет, умирляет болезни желудка.

Того, кто носит его в перстне, камень делает спокойным и к людям честным, набожным, милостивым, душевным; он и измены открывает, и отгоняет страхи. Чирьи, что возникают во время *морového поветрия*, одним прикосновением исцеляет.

АЛФАВИТНЫЙ указатель

А

Авсень	9
Агат	10
Алатырь-камень	10
Алеша Попович	11
Алконост	13
Алмаз-камень	13
"Альманахи" (см. <i>Отреченные книги</i>)	226
Аметист-камень	14
Анастасия Прекрасная (см. <i>Елена Прекрасная</i>)	87
Ангел-хранитель (см. <i>Черт</i>)	318
Анчутка	14
"Аристотелевы врата" (см. <i>Отреченные книги</i>)	224
Арысь-поле	15
Аспид	15

Б

Баба-алатырка, баба-горынинка (см. <i>Волоты</i>)	45
Баган	17
Бадняк	17

Баенник	18
Банник (см. <i>Баенник</i>)	18
Баранец-трава	19
Беда	19
Бедовик, бездольник (см. <i>Беда</i>)	19
Белбог	20
Беловодье	21
Белун (см. <i>Белбог</i>)	20
Берегини (см. <i>Русалки</i>)	265
Береза (см. <i>Деревья</i>)	71
Бес (см. <i>Черт</i>)	311
Бирюза	21
Блуждающие огни	32
Бог-Коркодил (см. <i>Перун</i>)	231
Божедомки (см. <i>Пятница</i>)	254
Богоматерь (см. <i>Вода, Пятница</i>)	36, 256
Болотник, болотняник (см. <i>Водяной</i>)	39
Болотницы (см. <i>Русалки</i>)	265
Большой Китеж (см. <i>Вода</i>)	36
Бор	32
Боян	33
Былие (см. <i>Травы чародейные</i>)	270

В

Вазила	24
Вазуза (см. <i>Вода</i>)	35
Василий Буслаев (см. <i>Морская Пучина-Кругом Глаза</i>)	202
Василкса Прекрасная (см. <i>Елена Прекрасная, Лебединые девы</i>)	'87, 176
Васильев вечер (см. <i>Нечуй-ветер, Овинник</i>)	205, 214
Ведогоны	24
Ведуны и ведуньи (см. <i>Волхвы</i>)	48
Ведьма	25
Ведьмак	28

Велес	29
Велесов внук (см. <i>Боян</i>)	23
Велесова борода (см. <i>Полевик</i>)	241
"Велесова книга"	
(см. <i>"Влесова книга"</i>)	33
Велесовы дни (см. <i>Велес</i>)	29
Великаны (см. <i>В'олоты</i>)	45
Великая Лада (см. <i>Рожаницы</i>)	263
Ветры	30
Вечерница (см. <i>Звезды</i>)	108
Вещуны и вещуньи (см. <i>Волхвы</i>)	48
Вий	32
Вйниус-камень (см. <i>Гранат-камень</i>)	59
Вихорь (см. <i>Позвизд</i>)	238
Владимир Красно-Солнышко	
(см. <i>Алеша Попович, Илья Муромец</i>)	13, 134
"Влесова книга"	33
Вода	34
Водовик, водяник (см. <i>Водяной</i>)	39
Водяной	39
Водяной змей (см. <i>Чудо Морское</i>)	323
Волга (см. <i>Вода</i>)	35
Волк	42
Волкодлак	43
Волос (см. <i>Велес</i>)	29
Волоты	45
Волхв	46
Волхв Всеславлич (см. <i>Волхв</i>)	46
Волхва-река (см. <i>Садко</i>)	270
Волхвы	48
Волховец (см. <i>Волхв</i>)	46
"Волховник" (см. <i>Отреченные книги</i>)	225
Волчий пастырь	50
Вольга Святославлич (см. <i>Волхв</i>)	46
Воробьиная ночь	51
Ворожба (см. <i>Ведьма, Гадание, Заговоры, Заломы, Знахарь Колдун, Порча</i>)	
. . . . .	25, 56, 97, 102, 123, 148, 192, 224

Ворожбит (см. <i>Колдун</i>)	149
Ворожея (см. <i>Ведьма</i>)	25
Ворон	51
"Вороноград" (см. <i>Отреченные книги</i>)	225
Воструха	52
Времена года	53
Встречник	55
Вурдалаки (см. <i>Упыри и упырицы</i>)	305
Вынуть след (см. <i>Порча</i>)	246
Вырий-сад (см. <i>Ирий-сад</i>)	136

Г

Гадания (см. также <i>Святовид</i>)	56, 277
Гамаюн	58
Гарцуки	* 59
Гладолед (см. <i>Звезды</i>)	108
Глухоя (см. <i>Лихорадки</i>)	187
Глядея (см. <i>Лихорадки</i>)	187
Гнетоя (см. <i>Лихорадки</i>)	187
Гноевая (см. <i>Знахарь</i>)	127
Голубиная книга (см. <i>Алатырь-камень</i>)	10
Голубь-трава (см. <i>Травы чародейные</i>)	298
Горе (см. <i>Лихо</i>)	184
Гранат-камень	59
Гречуха (см. <i>Полевик</i>)	240
Гречухи (см. <i>Русалки</i>)	266
Гриф-птица	59
Громовая стрела (см. <i>Громовник</i>)	61
"Громник", "Громовник" (см. <i>Отреченные книги</i>)	224
Громовник	60
Громовые (гремячие) ключи (см. <i>Вода</i>)	36
Грудица (см. <i>Лихорадки</i>)	185
Гуменник (см. <i>Овинник</i>)	213
Гусли-самогуды (см. <i>Кощей Бессмертный</i>)	168

Д

Дажьбог	63
Дажьбожьи внуки (см. <i>Дажьбог</i>)	63
Дворовой	64
Дева (см. <i>Жива</i>)	96
Девичьи Зори (см. <i>Звезды</i>)	109
Дед	66
Дедка (см. <i>Дед</i>)	66
Дедушко (см. <i>Домовой</i>)	81
Денница (см. <i>Звезды, Светила</i>)	108, 275
День (см. <i>День и Ночь</i>)	66
Деревья	68
Детинец	73
Дзевко-Купало	68
Дзиева (см. <i>Жива</i>)	96
Див	74
Дива, Дивия (см. <i>Заря</i>)	105
Дивии люди	75
Дид	75
Дидилия	76
Добропан (см. <i>Звезды</i>)	108
Добрыня Никитич	77
Догода	79
Додола	79
Доля (см. <i>Доля и Недоля</i>)	80
Домовой	81
Доможил (см. <i>Домовой</i>)	81
Дон Иванович (см. <i>Вода</i>)	35
Дочери Иродовы (см. <i>Лихорадки</i>)	185
Дрожники, дрожницы (см. <i>Страшилы</i>)	294
Дуб (см. <i>Деревья</i>)	68
Дубыня (см. <i>Волоты</i>)	45
Дух Береза (см. <i>Деревья</i>)	72
Душа	84
Дый (см. <i>Див</i>)	74
Дьявол (см. <i>Черт</i>)	311
Дюк Степанович (см. <i>Конь</i>)	160

Егорий Храбрый (см. <i>Волчий пастырь</i>)	50
Елена Прекрасная	88

Жар-птица	89
Жар-цвет	90
Железница (см. <i>Чудо морское</i>)	325
Железное колесо (см. <i>Звезды</i>)	108
Желя (см. <i>Желя и Карна</i>)	95
Желтея (см. <i>Лихорадки</i>)	185
Жива	96
Живая вода (см. <i>Вода, Деревья, Смерть</i>)	35, 72, 285
Живицы (см. <i>Жива</i>)	96
Живой огонь (см. <i>Огонь</i>)	214
Житный дед (см. <i>Полевик</i>)	240
Жрецы (см. <i>Волхвы</i>)	48
Журба (см. <i>Желя и Карна</i>)	95
Жыж	96
Жыцень (см. <i>Времена года, Полевик</i>)	54, 240

Забидящая свеча	97
Заговоры	97
Задушная свеча (см. <i>Забидящая свеча</i>)	97
Заложные покойники (см. <i>Черт</i>)	317
Закрутки (см. <i>Залож</i>)	102
Залом	101
"Записка о днях и часах добрых и злых" (см. <i>Отреченные книги</i>)	226
Зарница (см. <i>Зимцерла</i>)	114
Заря	105

Заря Утренняя и Заря Вечерняя (см. <i>Светила</i>)	272
Застава богатырская (см. <i>Алеша Попович, Добрыня Никитич, Илья Муромец</i>). 11, 77, 134	134
"Заяц"	106
"Звездочетец" (см. <i>Отреченные книги</i>)	223
Звезды (см. также <i>Светила</i>)	107, 272
"Зверьяница" (см. <i>Звезды</i>)	108
Зевана	112
Зевония (см. <i>Зевана</i>)	112
"Зелейник" (см. <i>Отреченные книги</i>)	225
Зелие (см. <i>Травы чародейные</i>)	297
Земля (см. <i>Мать-Сыра Земля</i>)	192
Зима	113
Зимцерла	114
Зирка	114
Злебог	115
Злодий (см. <i>Злебог</i>)	115
Злыдни	115
Змеборец (см. <i>Добрыня Никитич, Змей Горыныч</i>)	77, 115
Змей Горыныч (<i>Горынчище</i>)	115
Змей Огненный	119
Змея	121
Змиулан	123
Знахарь	124
Знич	129
Знобея, Знобуха (см. <i>Лихорадки</i>)	187
"Зодий" (см. <i>Отреченные книги</i>)	223
Золотая Баба	129
Зоряница (см. <i>Звезды</i>)	108
Зюзя (см. <i>Времена года</i>)	54

И

Иванов день, Иванова ночь (см. <i>Жар-цвет</i>)	90
Игоша	131

Идол	131
Идолище поганое	133
Избушка на курьих ножках (см. <i>Яга-Баба</i>)	331
Изумруд-камень	133
Изурочье (см. <i>Порча</i>)	246
Икота	133
Илья Муромец . ;	134
Илья-пророк (см. <i>Громовник</i>)	60
Индрик-зверь	135
Ирий-сад	135
Истукан (см. <i>Идол</i>)	131

К

Каженник	138
Камни	138
Капища	138
Каравай	141
Карачун	142
Карна (см. <i>Желя и Карна</i>)	95
Кий-бий	143
Кикимора	143
Киноворот-трава (см. <i>Травы чародейные</i>)	298
Кичаги (см. <i>Звезды</i>)	108
Кладенцы, кладовики, кладовые (см. <i>Клады</i>)	145
Клады	144
Кладь (см. <i>Порча</i>)	246
Кликун-трава (см. <i>Колюка-трава</i>)	157
Кликуши . ;	149
Козел (см. <i>Дворовой, Черт</i>)	65, 311
Колдун	149
Коледа (см. <i>Коляда</i>)	157
Коледник (см. <i>Лед</i>)	178
"Коледник", "Колядник" (см. <i>Отреченные книги</i>)	224
Колодезники	156
Колюка-трава	157

Коляда	157
Конек-горбунок (см. <i>Конь</i>)	161
Конь (см. также <i>Святовид</i>)	157, 277
Коркуша (см. <i>Лихорадки</i>)	185
Корова небесная (см. <i>Беловодье</i>)	21
Коровья Смерть	162
Корочун (см. <i>Карачун</i>)	142
Коре	164
Корша (см. <i>Коре</i>)	164
Корчая (см. <i>Лихорадки</i>)	187
Костоломка (см. <i>Лихорадки</i>)	187
Косточка-счастливка (см. <i>Присуха</i>)	251
Кострома	165
Кострубонька	165
Кость-невидимка	165
Кот-Баюн (см. <i>Кошка</i>)	167
Кочеток-золотой гребешок (см. <i>Деревья</i>)	68
Кошка	166
Кощей Бессмертный	167
Кощунники (см. <i>Волхвы</i>)	49
Крапива	170
Красопаня (см. <i>Звезды</i>)	108
Крещение кукушек (см. <i>Кукушка</i>)	172
Кривда (см. <i>Правда и Кривда</i>)	248
Кровник (см. <i>Злебог</i>)	115
Кроломоц (см. <i>Звезды</i>)	108
Круг	170
Крупеничка	170
Кручина (см. <i>Желя и Карна</i>)	95
Куклы (см. <i>Залом</i>)	102
Кукушка	171
Кумир (см. <i>Идол</i>)	131
Купало (см. также <i>Жар-цвет</i>)	90, 174
"Куроглашенник" (см. <i>Отреченные книги</i>)	225
Куроклик (см. <i>Петух</i>)	233
Курячий бог	174

Лад	175
Лада	175
Ладник, Ладонь (см. <i>Лад</i>)	175
Лебединые девы	176
Лебедь белая, Авдотья Лиховидьевна (см. <i>Лебединые девы</i>)	176
Лев-трава (см. <i>Травы чародейные</i>)	298
Лед	178
Ледея (см. <i>Лихорадки</i>)	185
Лель	179
Лельо, Леля (см. <i>Лель</i>)	179
Леся (см. <i>Рожаницы</i>)	263
Лесовик (см. <i>Леший</i>)	179
Летавица	179
"Лечебники" (см. <i>Отреченные книги</i>)	225
Лешак, лешачиха, лешеня, лешуха (см. <i>Леший</i>)	> 184
Леший	179
Лизун (см. <i>Домовой</i>)	81
Лиса	184
Лихо	184
Лихой (см. <i>Дворовой, Черт</i>)	65, 311
Лихоманки (см. <i>Лихорадки</i>)	185
Лихорадки	185
Ломеня (см. <i>Лихорадки</i>)	187
Луна (см. <i>Светила</i>)	273
Луговички (см. <i>Полевик</i>)	241
Лысая гора (см. <i>Ведьмы, Тирлич-трава, Черти</i>)	28, 297, 311
Люб	; 187
Любки (см. <i>Люб</i>)	187
Ляльник, Ляля (см. <i>Времена года</i>)	54

М

Магнит-камень	189
Магура	189
Маньяк (см. <i>Звезды</i>)	109
Мара, Марена (см. <i>Морена</i>)	198
Марина (см. <i>Добрыня Никитич</i>)	78
Мароссы	191
"Мартилой" (см. <i>Отреченные книги</i>)	223
Марцана	191
Марья Моревна, Марья-царевна, (см. <i>Елена Прекрасная</i>)	88
Масляница	191
Матохи	192
Мать-Сыра Земля	192
Махи (см. <i>Матохи</i>)	192
Медведь	195
Межевички (см. <i>Полевик</i>)	241
Мерек (см. <i>Черт</i>)	311
Мерцана (см. <i>Зимцерла</i>)	114
Месяц (см. <i>Светила</i>)	272
Месяцы	196
Метлика-трава (см. <i>Травы чародейные</i>)	298
"Метание", "Метаньеимец" (см. <i>Отреченные книги</i>)	225
Мехи (см. <i>Матохи</i>)	192
Микула Селянинович	197
Мировое древо (см. <i>Деревья</i>)	71
Мокриды (см. <i>Вода, Мокошь</i>)	37, 197
Мокошь	197
"Молник", "Молнияник" (см. <i>Отреченные книги</i>)	224
Молодильные яблоки (см. <i>Деревья, Ирий-сад</i>)	72, 136
Мора (см. <i>Морена</i>)	198
Море-океан (см. <i>Океан-море</i>)	220
Морена	199
Моровая Дева	200

Моровая Язва	200
Мороз (см. <i>Морозко</i>)	201
Морозко	201
Морская Пучина-Кругом Глаза	202
Мура (см. <i>Морена</i>)	198
"Мысленник" (см. <i>Отреченные книги</i>)	225
Морской царь (см. также <i>Лебединые девы, Садко</i>)	176, 203, 269

Н

Навыи	204
Напуск (см. <i>Порча</i>)	247
Небо (см. <i>Сварог, Светила</i>)	271, 272
Невея (см. <i>Лихорадки</i>)	187
Невры (см. <i>Студенец</i>)	295
Недоля (см. <i>Доля и Недоля</i>)	70
Нежить	205
Нелюб (см. <i>Люб</i>)	187
Непра-королевична (см. <i>Вода</i>)	35
Несреча (см. <i>Доля и Недоля</i>)	70
Нечистая сила (см. <i>Нежить</i>)	205
Нечуй-ветер	205
Ний (см. <i>Ниян</i>)	206
Никита Кожемяка (см. <i>Змей Горыныч</i>)	119
Николай-угодник, покровитель корабельщиков (см. <i>Садко</i>)	269
Нички	206
Ниян	206
Ногай -птица (см. <i>Стратим-птица</i>)	293
Ночь (см. <i>День и Ночь</i>)	66

О

Обида	207
Облакопрогонители (см. <i>Волхвы</i>)	49

Облакопрогонники	207
Обменыш	208
Оборотень	210
Овинник	213
Овсень (см. <i>Авсень</i>)	9
Огнея, Огневица (см. <i>Лихорадки</i>)	187
Оговор (см. <i>Порча</i>)	247
Огонь	214
Одолень-трава	218
Озем (см. <i>Озем и Сумерла</i>)	219
Озноба (см. <i>Лихорадки</i>)	187
Океан-море	220
Омутник (см. <i>Водяной</i>)	39
Омутница (см. <i>Русалки</i>)	265
Опахивание (см. <i>Коровья Смерть</i>)	161
Орей	221
Орел	221
Осина (см. <i>Деревья</i>)	70
Ослад (см. <i>Услад</i>)	306
Осот-трава	222
Остров Буян	222
"Остролог", "Острономия" (см. <i>Отреченные книги</i>)	223
Отменные книги (см. <i>Отреченные книги</i>)	223
Относ (см. <i>Порча</i>)	247
Отреченные книги	223

П

Папоротник (см. <i>Жар-цвет</i>)	89
Папороть безсердешная, папороть черная (см. <i>Травы чародейные</i>)	298
Пастухи	227
Пекло	228
Перелет-трава	229
Переруг	229
Перун	230

Перуница (см. <i>Магура</i>)	189
Перунов цвет (см. <i>Жар-цвет</i>)	90
Песиглавцы	232
Петровы батоги	232
Петух	233
Печники-каменщики	234
Плакун-травя	235
Плотники	236
Поветрие	238
Подтынница (см. <i>Знахарь</i>)	127
Позвизд	238
Полазник	239
Полевик	240
Полеля	241
Полисун (см. <i>Волчий настыр</i>)	50
Полкан	242
Полудница	243
Поренута	244
Порча	245
Посвист, Похвист (см. <i>Позвизд</i>)	238
Потворы (см. <i>Волхвы</i>)	49
Поток-богатырь (см. <i>Лебединые девы</i>)	176
Правда (см. <i>Правда и Кривда</i>)	248
Правь	248
Приворотное зелье (см. <i>Присуха</i>)	249
Призор (см. <i>Порча</i>)	245
Припекало	248
Присуха	249
Притка (см. <i>Порча, Черт</i>)	246, 319
Прове	252
Прожин (см. <i>Залом</i>)	102
Прок	253
Проно (см. <i>Прове</i>)	252
Прострел-травя	253
Птица-Юстрица	254
"Птичник", "Птичьи чарове" (см. <i>Отреченные книги</i>)	225
"Путник" (см. <i>Отреченные книги</i>)	225

Пухнея (см. <i>Лихорадки</i>)	187
Пятница	254

Р

Радегаст	258
Радоницы (см. <i>Радуницы</i>)	259
Радуницы	259
Разрыв-трава	260
"Разумник" (см. <i>Отреченные книги</i>)	225
Рарог	261
"Рафли" (см. <i>Отреченные книги</i>)	224
Ревяка-трава (см. <i>Колюка-трава</i>)	157
Ризводиц (см. <i>Радегаст</i>)	259
Род	262
Родомысл	262
"Родословие", "Рожденник" (см. <i>Отреченные книги</i>)	• 224
Рожаницы	263
Розгомечец (см. <i>Отреченные книги</i>)	225
Руевит	264
Русалки	265
Русальная неделя, русалии (см. <i>Русалки</i>)	266

О

Сава-трава	269
Садко	269
Сажар-звезда (см. <i>Звезды</i>)	109
Самопрялка (см. <i>Заря</i>)	106
Самоубийцы (см. <i>Черт</i>)	317
Сатана (см. <i>Черт</i>)	312
Сварог	271
Сварожич (см. <i>Дажьбог</i>)	63
Сварожичи (см. <i>Сварог</i>)	271
Свети-цвет (см. <i>Жар-птица</i>)	98

Светила	272
Светлусса (см. <i>Звезды</i>)	109
Световид, Свентовид (см. • <i>Святовид</i>)	277
Свеча-невидимка (см. <i>Огонь</i>)	217
Свинка-золотая щетинка (см. <i>Конь, Остров Буян</i>)	157, 222
Святобор (см. <i>Бор</i>)	ч»-. . . 32
Святовид	277
Святогор-богатырь	280
Сева	281
Сева (см. <i>Времена года</i>)	54
Семигодовалый петух (см. <i>Петух</i>)	234
Семик (см. <i>Кукушка</i>)	172
Сглаз (см. <i>Порча</i>)	225
Сивка-бурка (см. <i>Конь</i>)	157
-Сильнобог	282
Симаргл	283
Сирин	284
Смертонос (см. <i>Звезды</i>)	109
Смерть	284
Снегурочка	288
"Сносудец", "Сновидец", "Сонник" (см. <i>Отреченные книги</i>)	226
Собака	289
Сова	289
Сокол	290
Сотворение мира и человека (см. <i>Деревья</i>)	68
Солнце (см. <i>Светила</i>)	272
Солнцевы девы (см. <i>Светила</i>)	276
Соловей-разбойник	290
Сон (см. <i>Смерть</i>)	285
Сон-трава	292
Среча (см. <i>Доля и Недоля</i>)	70
Становище (см. <i>Звезды</i>)	109
Стерляжий царь (см. <i>Водяной</i>)	39
Стожар	293
Стожары (см. <i>Звезды</i>)	109
Стратим-птица	293

Страфил-птица	
(см. <i>Стратим-птица</i>)	293
Страшилы	294
Страшники, страшницы	
(см. <i>Страшилы</i>)	294
Стрибог	293
Стрибожьи внуки	
(см. <i>Ветры, Ворон</i>)	30, 51
Студенец	295
Студенец (см. <i>Морозко</i>)	201
Суд божий	295
Сумерла (см. <i>Озем и Сумерла</i>)	21^
Суседко (см. <i>Домовой</i>)	81
Сухота (см. <i>Порча</i>)	245

Т

Терм (см. <i>Чур</i>)	328
Тирлич-трава	297
Трава забвения (см. <i>Чернобыль</i>)	311
"Травники" (см. <i>Отреченные книги</i>)	225
Травы чародейные	297-
Требища (см. <i>Капища</i>)	138
"Трепетник"	
(см. <i>Отреченные книги</i>)	225
Трескун (см. <i>Морозко</i>)	201
Трескуны (см. <i>Мароссы</i>)	191
Тригла (см. <i>Триглава</i>)	300
Триглав	299
Триглава	300
Тризна (см. <i>Радуницы</i>)	259
Троян	300
Трясея, Трясовица (см. <i>Лихорадки</i>)	187
Тугарин Змеевич	
(см. <i>Алеша Попович</i>)	- 1 1
Тур (см. <i>Ярило</i>)	334
Тяга земная (см. <i>Святогор-богатырь</i>)	281

У

Уд	303
Удар (см. <i>Порча</i>)	247
Улика-трава	304
Упыри и упырицы	305
Уроки (см. <i>Порча</i>)	246
Услад	306
Усыня (см. <i>Волоты</i>)	45
Утин (см. <i>Знахарь</i>)	127
Утиное гнездо (см. <i>Звезды</i>)	109

Ф

Ферюза (см. <i>Бирюза-камень</i>)	21
Финист-Ясный Сокол (см. <i>Сокол</i>)	290

Х

Хворст	307
Хмелевик (см. <i>Черт</i>)	317
Хозяин (см. <i>Домовой</i>)	81
Хохлики (см. <i>Черт</i>)	313
Худич (см. <i>Злебог</i>)	115

Ц

ихиттт^тттттият

Царевна-лебедь (см. <i>Лебединые девы</i>)	176
Царе-царь (см. <i>Травы чародейные</i>)	298
Царь-девица (см. <i>Елена Прекрасная, Жар-птица</i>)	88, 89
Царь Горох	308
Царь Огненный Щит	308

"Цветники" (см. <i>Отреченные книги</i>)	225
Царе-царь (см. <i>Жар-цвет</i>)	90
Цеця (см. <i>Времена года</i>)	54
Цмоки	308

Ч

"Чаровник" (см. <i>Отреченные книги</i>)	225
Чародей (см. <i>Колдун</i>)	149
Чернобог	310
Чернобыль	311
Черт	311
Чертов палец (см. <i>Громовник</i>)	61
Чертова свадьба (см. <i>Встречник</i>)	55
Чертополох (см. <i>Черт</i>)	318
Черту баран (см. <i>Черт</i>)	317
Чеснок-трава	320
Числобог	322
Чудо морское	323
Чума	326
Чур	327

Ш

Шептун (см. <i>Знахарь</i>)	124
"Шестодневце" (см. <i>Отреченные книги</i>)	223
Шут (см. <i>Черт</i>)	312
Шутовки (см. <i>Русалки</i>)	265

Щипок (см. <i>Порча</i>)	246
Щука (см. <i>Чудо Морское</i>)	323

Э

Эхо	330
-----	-----

Я

Яблоня (см. <i>Деревья</i>)	72
Явь	331
Яга Баба	331
Язычество славян	332
Ярило	334
Яровит, Яр-Хмель (см. <i>Ярило</i>)	334
Яхонт лазоревый	335

содержание

Авсень (Овсень)	9
Агат-камень	10
Алатырь-камень	10
Алеша Попович	11
Алконост	13
Алмаз-камень	13
Аметист-камень	14
Анчутка	14
Арысь-поле	15
Аспид	15

Б

Баган	17
Бадняк	17
Баенник (банник)	18
Баранец-трава	19
Беда	19
Белбог	20
Беловодье	21
Бирюза (ферюза)	21
Блуждающие огни	22
Бор (Святобор)	22
Боян	23

Вазила	24
Ведогоны	24
Ведьма (ворожея)	25
Ведьмак	28
Велес (Волос).....	29
Ветры	30
Вий	32
"Влесова книга"	
("Велесова книга")	33
Вода	34
Водяной (водчвик, водяник)	39
Волк *	42
Волкодлак	43
Волоты	45
Волхв (Волховец)	46
Волхвы	
(жрецы, ведуны и ведуньи, вещуны и вещуньи)	48
Волчий пастырь	50
Воробьиная ночь	51
Ворон	51
Воструха	52
Времена года	53
Встречник	55

Г

Гадания	56
Гамаюн	58
Гарцуки	59
Гранат (вйниус-камень)	59
Гриф-птица	59
Громовник	60

Д

Дажьбог	63
Дворовой	64
Дед (Дедка)	66
День и Ночь	66

Деревья	68
Детинец	73
Дзевко-Купало	73
Див (Дый)	74
Дивии люди	75
Дид	75
Дидилия	76
Добрыня Никитич	77
Догода	79
Додола	79
Доля и Недоля	80
Домовой	81
Душа	84

Елена Прекрасная	88
------------------	----

Жар-птица	i . . . 89
Жар-цвет (свети-цвет, царь-цвет, Перунов цвет)	90
Желя (Журба) и Карна (Кручина)	95
Жива (Дзиева, Дева)	96
Жыж	96

3

Забидящая (задушная) свеча	97
Заговоры	97
Залом	102
Заря (Дива, Дивия)	105
Заяц	107
Звезды	108
Зевана (Зевония)	112
Зима	113
Зимцерла (Мерцана, Зарница)	114
Зирка	114
Злебог (Кровник, Злодий, Худич)	115

Злыдни	115
Змей Горыныч	115
Змей Огненный	119
Змея	121
Змиулан *	123
Знахарь (шептун)	124
Знич	129
Золотая Баба	129

И

Игоша	131
Идол (кумир, истукан)	v. 131
Идолище поганое	133
Изумруд	133
Икота	133
Илья Муромец	134
Индрик-зверь	135
Ирий-сад (Вырий-сад)	136

К

Каженник	138
Камни	138
Капища (требища)	138
Каравай	141
Карачун (Корочун)	142
Кий-Бий	143
Кикимора	143
Клады	144
Кликуши	149
Колдун (чародей, ворожбит)	149
Колодезники	156
Колюка-трава	157
Коляда (Коледа)	157
Конь	158
Коровья Смерть	162
Коре (Корша)	164
Кострома	165
Кострубонька	165
Кость-невидимка	165
Кошка	166

Кощей Бессмертный	167
Крапива	170
Круг	170
Крупеничка	170
Кукушка	171
Купало	174
Курячий бог	174

тттттишттишттюшт.

Лад (Ладник, Ладонь)	175
Лада	175
Лебединые девы	176
Лед (Коледник)	178
Лель (Лель, Леля)	179
Летавица	179
Леший (лесовик, лешак)	179
Лиса	184
Лихо (Горе)	184
Лихорадки	185
Люб	187

Магнит-камень	Г	189
Магура (Перуница)		189
Мароссы (трескуны)		191
Марцана		191
Масляница		191
Матохи (мехи, махи)		192
Мать-Сыра Земля		192
Медведь		195
Месяцы		196
Микула Селянинович		197
Мокошь		197
Морена		
(Мара, Марена, Мора, Мура)		198
Моровая дева		199
Моровая язва		200
Морозко (Мороз, Трескун, Студенец)		201
Морская Пучина-Кругом Глаза		202
Морской царь		203

Н

Навьы	204
Нежить (нечистая сила)	205
Нечуй-ветер	205
Нички	206
Ниян (Ний)	206

О

Обида	207
Облакопрогонники	207
Обменыш	208
Оборотень	210
Овинник (гуменник)	213
Огонь	214
Одолень-травы	218
Озем и Сумерла	219
Океан-море (море-океан)	220
Орей	221
Орел	221
Осот-травы	222
Остров Буян	222
Отреченные (отменные) книги	223

П

Пастухи	227
Пекло	228
Перелет-травы	229
Переруг	229
Перун	230
Песиглавцы	232
Петровы батоги	232
Петух	233
Печники-каменщики	234
Плакун-травы	235
Плотники	236
Поветрие	238
Позвизд (Посвист, Похвист, Вихорь)	238
Полазник	239

Полевик (Житный дед, Жыцень, Гречуха)	240
Полея	241
Полкан	242
Полудница	243
Поренута	244
Порча	245
Правда и Кривда	248
Правь	248
Припекало	248
Присуха (приворотное зелье)	249
Прове (Проно)	252
Прок	253
Прострел-трава	253
Птица-Юстрица	254
Пятница	254

Р

Радегаст	258
Радуницы (радоницы, тризны)	259
Разрыв-трава	260
Рарог	261
Род	262
Родомысл	262
Рожаницы	263
Руевит	264
Русалки (омутницы, водяницы, шутовки, болотницы, берегини, мавки)	265

О

Сава-трава	269
Садко	269
Сварог	271
Светила	272
Святовид (Световид, Свентовид)	277
Святогор-богатырь	280
Сева	281
Сильнобог	282
Симаргл	283
Сирин	284
Смерть	284

Снегурочка	288
Собака	289
Сова	289
Сокол	290
Соловей-разбойник	290
Сон-трава	292
Стожар	293
Стратим-птица (Ногай-птица, Страфил-птица)	293
Страшилы (страшники, страшницы, дрозники, дрозницы)	294
Стрибог	294
Студенец	295
Суд божий	295

Т

Тирлич-трава	297
Травы чародейные	297
Триглав	299
Триглава (Тригла)	300
Троян	300

У

Уд	303
Улика-трава	304
Упыри и упырицы (вурдалаки)	305
Услад (Ослад)	306

Х

Хвост	307
-------	-----

Царь-Горох -.	308
Царь Огненный Щит	308
Цмоки	308

Ч

Чернобог	310
Чернобыль	311
Черт (Бес)	311
Чеснок-трава	320
Числобог	322
Чудо Морское	323
Чума	326
Чур	327

Эхо	330
-----	-----

Я

Явь	331
Яга Баба	331
Язычество славян	332
Ярило (Тур, Яровит, Яр-Хмель)	334
Яхонт лазоревый	335

БИБЛИОГРАФИЯ

1. АНИЧКОВ Е.В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914.
2. АФАНАСЬЕВ А.Н. Поэтические воззрения славян на природу, т. 1—3, М., 1865-1869.
3. БУРЦЕВ А.Е. Сказания русского народа, М., 1910.
4. БУСЛАЕВ Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. 1—2, СПб., 1861.
5. ВЛЕСОВА КНИГА /В сб.: Мифы древних славян, Саратов, 1993.
6. ГАЛЬКОВСКИЙ Н.М. Борьба христианства с остатками язычества Древней Руси, т. 1, Харьков, 1916, т. 2, М., 1913.
7. ГЛИНКА Г.А. Древняя религия славян /В сб.: Мифы древних славян, Саратов, 1993.
8. ДАЛЬ В.И. Пословицы русского народа, т. 1—2, М., 1984.
9. ДАЛЬ В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1—4, М., 1978.
10. ЗАБЕЛИН И.Е. История русской жизни с древнейших времен, М., 1869.
11. ЗЕЛЕНИН Д.К. Очерки русской мифологии, Пг., 1916.
12. ИВАНОВ В.В., ТОПОРОВ В.Н. Исследования в области славянских древностей, М., 1974.
13. КАЙСАРОВ А.С. Славянская и российская мифология /В сб.: Мифы древних славян, Саратов, 1993.
14. КАРАМЗИН Н.М. История государства Российского, т. 1, М., 1990.
15. КОРИНФСКИЙ А.А. Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа, М., 1911.
16. КОСТОМАРОВ Н.И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа, М., 1993.
17. МАКСИМОВ С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила, М., 1903.
18. МАКСИМОВ С.В. Крылатые слова, М., 1959.

19. МИФЫ НАРОДОВ МИРА, т. 1—2, М., 1987.
20. НИДЕРЛЕ Л. Славянские древности, М., 1974.
21. ПОМЕРАНЦЕВА Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре, М., 1975.
22. ПОПОВ А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, включенных в "Хронографы" русской редакции, М., 1869.
23. ПОПП В.Я. Исторические корни волшебной сказки, М., 1946.
24. РЫБАКОВ Б.А. Язычество древних славян, М., 1981.
25. РЫБАКОВ Б.А. Язычество Древней Руси, М., 1988.
26. САХАРОВ И.П. Сказания русского народа, М., 1885.
27. СКАЗАНИЯ О ЧУДЕСАХ /Б-ка русской фантастики, т. 1. М., 1989.
28. СНЕГИРЕВ И.П. Русские в своих пословицах, т. 1—4, М., 1831—1834.
29. ТИХОНРАВОВ Н.Т. Памятники отреченной русской литературы, т. 1—2, М., 1863.
30. ФЛОРИНСКИЙ В.М. Русские народные травники и лечебники. Собрание медицинских рукописей XVI и XVII столетий, Казань, 1879.
31. ЧУЛКОВ М.И. Абевега русских суеверий, М., 1786.
32. ШЕППИНГ Д.Д. Мифы славянского язычества, М., 1849.
33. LOWMIANSKI H. Religia slowian i jej upadek, Warszawa, 1979.

**Грушко Елена Арсеньевна
Медведев Юрий Михайлович**

СЛОВАРЬ СЛАВЯНСКОЙ МИФОЛОГИИ

**Художник *Надежда Антипова*
Корректоры *Галина Волкова, Николай Жураковский***

ЛР № 060517 от 15.01.92

**Оригинал-макет изготовлен
в компьютерном центре фирмы "Русский купец"
603000, г. Нижний Новгород, а/я 076
Набор *Галины Волковой*
Компьютерная верстка *Николая Голягина***

**Сдано в набор 20.12.94. Подписано в печать 20.03.95.
Формат 60x84/16. Бумага газетная. Гарнитура тайме.
Уч.-изд. л. 18,33. Тираж 40 000 экз. Заказ 3311.**

**Отпечатано в ГИПП "Нижполиграф"
603006, Н.Новгород, ул.Варварская, 32**

ISBN 5-88204-032-9

